ГОД в ГАРЕМЕ ДУБАЯ

«Золотая клетка»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые! Сенсационные откровения нашей соотечественницы о жизни в современном гареме. Поразительная история русской девушки, которая сегодня во многом повторила судьбу легендарной Роксоланы из телесериала «Великолепный век». Похищенная рабовладельцами и проданная в тайный гарем арабского принца, она прошла путь от простой наложницы до законной жены – однако это не принесло ей счастья. Оказывается, и в наши дни за фешенебельными фасадами роскошных дворцов нефтяных шейхов кипят те же страсти, что и при дворе Сулеймана Великолепного, а в борьбе за любовь и власть не брезгуют ни чем – ни интригами, ни клеветой, ни отравой. Как выжить и сохранить любящее сердце в этой «золотой клетке»? Чем приходится жертвовать ради семейного счастья в чужой стране? Почему реальный гарем так не похож на красивые сказки? И есть ли выход из этой роскошной темницы?

- Год в гареме Дубая. «Золотая клетка»
  -
  - Вступление
  - Глава I
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Самое важное

Год в гареме Дубая. «Золотая клетка»

© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Вступление

Я провела в двух арабских гаремах год.

Попала в золотую клетку не по своей воле и с первого дня пыталась бежать. Удалась только последняя попытка.

В рассказе об этом годе жизни изменены все имена, названия улиц и городов, иногда будет казаться, что перемешаны страны. Это сделано сознательно, по понятным причинам я не могу называть настоящие. Но суть не меняется.

Здесь мой личный опыт, мои наблюдения и мое мнение. У кого-то жизнь сложилась иначе, сказка получилась волшебной или позолота клетки затмила все остальное, кто-то считает, что к любой жизни можно и нужно привыкнуть, кто-то вообще решит, что я с жиру бесилась… да мало ли причин не согласиться с прочитанным!

Но если хоть одна судьба окажется благодаря моему опыту спасенной – написано не зря.

Я постаралась, чтобы воспоминания не выглядели простым перечнем событий, ведь даже моя бурная биография мало кого интересует.

А вот мой опыт – трудный, познавательный, а иногда и смешной – может кому-то пригодиться. Мы мало знаем о настоящем Востоке, о его изнанке, спрятанной от туристических потоков и прессы, даже от доброжелательного любопытства тех, кто, живя в европейском мире, желает что-то узнать о мире арабском. Раскрытие секретов не в интересах хозяев Аравийского полуострова.

Я не осуждаю эту жизнь – у каждого есть право выбирать свою дорогу. Но постарайтесь воспринять все прочитанное не как набор экзотических, трагических или забавных фактов, а как повод задуматься, даже если билет на самолет в страну восточной сказки у вас только в проекте. Попробуйте сначала понять, ваша ли это сказка, сто раз подумайте, прежде чем говорить «да» в ответ на предложение самого доброго, щедрого и состоятельного заморского принца. Гарантии, что вы сможете смириться, нет и быть не может. Стоит ли ломать себе жизнь, ведь она у нас одна?

Несколько замечаний.

Речь пойдет не просто об арабском Востоке, а об Аравийском полуострове, который блеском своего золота так манит наших доверчивых соотечественниц.

Условиях жизни женщин там разительно отличаются от страны к стране, не могу сказать, что знакома со всеми, но постаралась выбрать из своего опыта те, что характерны для большинства.

Все написанное – для женской аудитории. Не потому что я феминистка или того хуже мужененавистница, просто мужчинам будет нечего почерпнуть. Объясняется этот факт просто: им не грозит попасть в гарем или жениться на арабке.

Арабская девушка (и даже вдовушка с шестью детьми без средств к существованию, хотя таких просто не бывает) не выйдет замуж за иноверца, ни за экспата (специалиста из Европы или Америки), ни за кого другого. За связь с иноверцем наказание суровое, в лучшем случае отступницу просто выставят за пределы любимых пустынных земель без права возвращения обратно, в худшем элементарно забьют камнями. Да, существуют такие приговоры шариатского суда и даже приводятся в исполнение! Арабка не должна рожать детей от чужаков.

Конечно, выходят замуж, но вне Аравийского полуострова, в Европе, Америке и даже Китае. Но после этого в большинство арабских стран ни ногой.

Следовательно, европейцам остается там только работать и приезжать со своими семьями. Что они и делают.

Да, много непривычного российскому глазу, уху и сердцу в мире красных песков, никабов и тотальной позолоты. Но ведь в чужой монастырь…

Приятного вам чтения и будьте счастливы!

Глава I

Наверное, нужно объяснить, как я вообще попала в Дубай.

Я вовсе не искательница приключений на свою голову, не охотница за сказочными принцами на белых конях и не профессионалка в деле соблазнения и выкачивания денег из папиков.

У меня диплом художника-мультипликатора. Рисовала всегда, много и не задумываясь о стоимости своих работ. Но не думать о деньгах можно в студенческие годы, когда «все впереди». Потом это «впереди» превратилось в работу в небольшой творческой компании, с первого дня дышавшей на ладан. Мы задумали мультфильм, который непременно должен был войти в шорт-лист «Оскара»! Да что там, завоевать эту статуэтку!

В последний момент спонсоры предпочли претендентам на призрачный «Оскар» реальный конкурс очередной «мисс». Даже вложив все свои сбережения и наделав кучу долгов, мы не смогли спасти проект. В результате съемная комната на троих в под московской коммуналке, где три соседние занимали двенадцать девушек из ближнего зарубежья, работавших на рынке, и долги из-за которых хотелось повеситься…

До того я тоже жила на съемной квартире, но в Москве, и моими соседками были три стюардессы, работающие на международных рейсах. Девчонки копили на собственные квартиры и рассказывали сказки об Эмиратах. Две из них даже решились отправиться туда на работу и преуспели – стали стюардессами на Эмиратских авиалиниях. Достойно, прибыльно и красиво (одни шапочки-таблетки с белыми шарфиками чего стоят).

Они-то и предложили присоединиться, мол, достаточно свободное владение английским и приятная внешность – почти гарантия успеха. А как вести себя во время интервью, они научат.

Я влезла в долг к одной из них и купила билет в Дубай.

Живущие в Дубае(кроме вездесущих туристов, конечно) делятся на три категории. Принадлежность к одной из них определяет все: зарплату, место жительства, соседей, магазины, машину и прочее.

Самые бедные – иностранные рабочие, скорее, чернорабочие из Индии, Шри-Ланки, Пакистана, Бангладеш, Египта, Марокко, Таиланда и т.д. Они строят, торгуют, водят такси и грузовики, убирают,

поливают, нянчат детей… Больше всего выходцев из Индии, самые низкооплачиваемые таиландцы и филиппинцы.

Вторая категория – экспатрианты (экспаты). Это граждане Европы и Америки. Экспаты – менеджеры всех звеньев, они привозят семьи, арендуют хорошее жилье, ездят на хороших машинах и… сидят на чемоданах, поскольку никто экспату гражданство не даст, следовательно, пребывание в искусственном раю временное. Самые состоятельные – американцы и австралийцы, самые «бедные» – СНГ и компания.

Третья категория – местные, которых приезжие зовут локалами, а они сами себя эмирати. Локалы составляют не больше 10 % жителей Дубая (процент с каждым годом уменьшается, вернее, увеличивается количество «понаехавших» – из 2200000 живущих сейчас в Дубае локалов чуть больше 186000!), но все принадлежит им. Для них крутится государственная машина, строятся дома, дороги, существует сам Дубай.

Локалы бывают только богатые и очень богатые.

Конечно, внутри каждой из групп свое расслоение, о котором еще расскажу

Я могла бы вот также…

В Дубае я немедленно подала документы для интервью в Emirates, чтобы поскорей получить рабочую визу вместо короткой туристической. Мне повезло, попала в группу, которую интервьюировали через три дня, оставшееся время я решила посвятить самому современному городу в мире – Дубаю.

Самый надземный подземный транспорт – это метро Дубая. Две его ветки практически полностью

расположены над землей.

Но знаменито это метро отсутствием… машинистов. Дубайцы доверяют технике больше, чем людям, потому поезда ведут компьютеры.

А в самих поездах существуют элитные вагоны, а также отдельно вагоны для дам, смешанные и мужские. Говорят, нравится даже феминисткам.

Это действительно сказка, мираж в пустыне, который на меня произвел немного странное впечатление. Если смотреть из окна машины либо просто с уровня своего роста – все зелено, ярко и красиво. При этом не стоит обращать внимания на ровные цилиндры крон деревьев, этакие зеленые бочонки, поставленные на стволы. Парков много, вспомнив, что вокруг пустыня и к каждому кустику подведена линия персонального полива, испытываешь настоящее восхищение людьми, сотворившими такое.

Но с высоты этажа выше тридцатого (таких зданий в Дубае предостаточно) бочонки крон уже не впечатляют, а парки скрываются за соседними зданиями, ты повсюду видишь только стекло и бетон. Сначала нравится, потом начинает раздражать. Возможно, не всех, меня начало уже к вечеру второго дня. Окно моего далеко не фешенебельного номера хоть и находилось высоко над землей, но вид из него открывался на соседние стройки и никаких парков. Но я верила, что это ненадолго, как только получу работу, перееду на съемную квартиру.

Девушки предложили посидеть в баре, но я не рискнула. В Дубае очень не любят молодых россиянок, путешествующих самостоятельно без присмотра взрослых родственников или туристических компаний. Как видите, я была предельно осторожна. Мы отправились погулять к фонтанам, там встретили еще трех наших стюардесс и Вадима. Он представился именно так.

Вадим работал в одном из логистических центров, к нам подкатил, услышав русский щебет, не навязывался, был вежлив и обаятелен. Нет, я не влюбилась и даже не очень им интересовалась, меня заботило только предстоящее интервью. У девушек на следующий день рейсы, а у Вадима два выходных, и он предложил показать мне Дубай, сказал, что так скучает по русской речи, что готов болтать не умолкая.

В первый день мы действительно осматривали великолепный город, случайно встретили двух местных знакомых Вадима по бизнесу, которые назвали меня красавицей (но я помнила, что комплименты арабов никогда нельзя воспринимать на веру).

Нужно различать исконных арабов-локалов и арабов-экспатов, много лет живущих в Дубае, это не одно и то же! Среди арабов-экспатов много египтян, ливийцев, иорданцев и пр. Они давным-давно в Эмиратах, имеют дубайские паспорта, они свои.

Свои, да не совсем.

Именно арабов-экспатов наши соотечественницы обычно принимают за шейхов и их родственников.

Они могут быть одеты похоже, вести себя похоже, но!..

Очень многие арабы-экспаты прижились в Дубае, они имеют хорошие доходы, дома, машины, даже покупают дорогих арабских скакунов и верблюдов, но!..

Локалы с ними дружат, приглашают на праздники, ходят к ним в гости, но!..

Арабу-экспату НИКОГДА не занять ведущую должность, например, в правительстве. Почему? Он не королевской крови, не принадлежит к одной из правящих в ОАЭ династий шейхов.

Так шейхи оберегают свои кровные, родственные интересы, иначе страна будет очень скоро «размыта» пришлыми.

На следующий день поехали в Абу-Даби. Я была крайне ограничена в средствах, вернее, деньги были, но все в долг, неизвестно сколько мне придется искать работу, ведь гарантии, что первое же интервью завершится подписанием договора, не было и быть не могло.

Поэтому я отказывалась от походов в рестораны, предпочитая перекусывать на ходу.

На одной из заправок по пути Вадим принес попить. Вкус воды из бутылки мне показался странным, но он объяснил, что нужно привыкать, арабы норовят добавить специи во все подряд, мол, в кофе столько кардамона, что это скорее кардамон с кофе, а не наоборот. С этим я уже была знакома, а потому воду выпила.

Остальное не помню…

Я проснулась от сильнейшей головной боли. Протянула руку, чтобы включить свет, и вспомнила, что нахожусь за тысячи километров от дома в другой стране в гостинице.

Открыла глаза и тут же рывком села с вопросом:

– Где я?

Вопрос предназначался девушке, которая что-то делала у

небольшого столика. Та обернулась:

– Что?

Сообразив, что говорю по-русски, повторила вопрос по-английски. В ответ девушка с криком выскочила за дверь.

Я огляделась. Помещение ничуть не похоже на гостиничный номер в здании из стекла и бетона посреди проспекта Дубая, где я должна быть, скорее какой-то большой роскошный шатер, хотя с современной мебелью. Вокруг нечто вроде гостиной, в открытую дверь видна спальня. Я на диване в своей одежде. Значит, не больница, и то хорошо.

Остальное рассмотреть и додумать не успела – в помещение вошла женщина в черном одеянии.

– Где я? Что случилось?

– В Руб-эль-Хали.

Я понятия не имела что это такое. Осознав, что не вижу своей сумки, засуетилась.

– Простите, где мои вещи? В сумке документы и телефон… Мне нужно позвонить.

– Они тебе не нужны. – Глаза в прорези никаба смотрели жестко, почти с ненавистью.

– Что происходит? Кто вы?

Против воли в моем голосе появились истерические нотки. Но кто бы не заистерил, обнаружив себя в совершенно непонятном месте без документов и связи? Если честно, накатила паника, тем более странная женщина в черном неприязненно фыркнула:

– Ты задаешь слишком много вопросов.

Теперь я просто взвыла:

– Где я?!

Абая надежно скрывает фигуру, даже если она пожала плечами, я не заметила, да и не могла заметить, поскольку услышала то, чего просто не могло быть:

– В гареме.

– Где?! В каком гареме?

Кажется, от ужаса я перешла на русский. Женщина смотрела на меня с изумлением.

Понастроили… Приличному верблюду пройти негде…

Сколько это продолжалось, не помню, наверное, недолго.

Не знаю, как нужно вести себя в подобных ситуациях, наверное, существуют какие-то рекомендации психологов, я поступила так, как сделала бы любая на моем месте – оказавшись черт-те где, поспешила это «черт-те где» покинуть. Гарем или еще что-то – мне здесь делать нечего!

У арабов категорически не принято есть на ходу и даже в машине. Никаких киосков с шавермами или хот-догами, только в ресторанах (любая кафешка на два столика гордо именуется именно так) и только сидя.

Да, еще: ТОЛЬКО ПРАВОЙ РУКОЙ!

Взять лепешку или даже чашку с кофе «нечистой» левой – в лучшем случае расписаться, что ты невежда-турист и испортить о себе впечатление.

Вообще-то, я не вполне поверила в то, что услышала. Какие могут быть гаремы в современном Дубае? Глупости!

А что бы вы подумали на моем месте?

Попыталась нащупать ногой свои босоножки, но ничего не обнаружила – обуви не было. Плевать, унести бы ноги, а обувь для них найдется!

Но ничего не успела, в шатер вошел араб. Не юноша, но достаточно молод. С интересом оглядел меня с ног до головы и что-то сказал женщине в черном, та исчезла, словно тень на свету. Мне стало не по себе.

– Извините, мне нужно идти… – Я попыталась обойти араба, потому что его намерения явственно читались в его сальном взгляде.

– Куда? – бровь изумленно приподнялась. – Разве тебе здесь плохо?

При этом его рука потянулась к вороту моей блузки. Я невольно заслонилась рукой:

– Нет!

– Что нет? – все благодушие с араба мгновенно слетело. Он отшвырнул мою руку и рванул блузку так, что пуговицы застежки посыпались во все стороны.

Я пыталась отбиться, хотя сделать это нелегко, араб попался нехилый.

– Ах ты ж!.. – Перейдя на русский, я крепко выругалась и врезала ему локтем так, что насильник отлетел на диван.

Не дожидаясь, когда он встанет и предпримет вторую попытку, я рванула к двери, вернее, завешенному плотной тканью входу. Тут же налетела на второго араба, который собирался войти, не задумываясь, отшвырнула в сторону и его и бросилась бежать со всех ног.

Куда? Неважно, главное подальше от этого кошмара.

Цель увидела перед собой тут же. Помню этот всплеск радости: в стороне два джипа на площадке, а за ними открытые ворота. Открытые ворота – это всегда свобода, потому я бросилась туда.

Сзади слышались вопли моего насильника и крики охраны.

Выскочив из-под навеса у входа, оказалась буквально в пекле – воздух раскален настолько, что каждый вдох обдирал носоглотку, словно наждак. Так бывает, если войти в перегретую сауну без подготовки. Но еще сильнее раскален песок, остановиться невозможно, под ногами разогретая сковорода.

Ноги вязли, но я бежала, как никогда в жизни. По инерции проскочила за воротами метров триста, вскарабкалась на гору песка и на мгновение замерла от ужаса – вокруг до горизонта одни красные барханы. Я вспомнила, что такое Руб-эль-Хали.

> ***Руб-эль-Хали – «пустынная четверть мира» – самая большая песчаная пустыня на Земле, в ней песка больше, чем в Сахаре. Занимает треть Аравийского полуострова, оставляя для жизни узкие полосы у побережья Аравийского моря и Персидского залива.***
>
> ***Из-за большого содержания оксида железа песок имеет красные оттенки. В Дубае он оранжевый.***

А следом за мной на бархан уже карабкались преследователи. Я начала спускаться на другую сторону, упала и покатилась вниз, поспешно вскочила, снова бросилась вперед, обжигая ноги и кашляя из-за песка…

Конечно, меня догнали. Схватили за руки и волоком потащили обратно. Я отбивалась и извивалась, но справиться с двумя здоровыми мужчинами невозможно.

В шатре меня просто бросили на ковер перед диваном, на котором, откинув голову назад, с приложенной к носу окровавленной тряпкой сидел мой насильник. Похоже, я попала ему локтем в нос и разбила. Так и надо!

Увидев свою обидчицу поверженной, он вскочил и от души пнул меня ногой. Попал в плечо, это больно, но куда хуже, угоди он в живот или по ребрам.

От резкого движения из его разбитого носа снова хлынула

кровь, пришлось вернуться на диван и запрокинуть голову. Женщина в черном подала лед в салфетке.

Притащившие меня охранники скрылись за дверью, я, пытаясь запахнуть порванную блузку, поднялась и прислонилась к стене. Болело плечо, огнем горели обожженные ноги, болели руки, за которые, не церемонясь, меня тащили обратно, саднило колено, я, брыкаясь, задела им какой-то столб…

В шатре были оба араба, первый, прижимая к лицу окровавленную ткань, изрыгал арабские ругательства без перевода понятно в чей адрес, второй с интересом разглядывал объект гнева своего товарища, то есть меня. Основательно распалив самого себя, первый араб вдруг сделал жест кистью руки поперек горла, это объяснять не потребовалось – меня ждала казнь, причем, судя по кровавому пятну на его белоснежной одежде, довольно мучительная.

Второй араб принялся в чем-то убеждать первого, потом снял с пальца большой перстень и подошел к сидящему на диване. Тот встал. Перстень перекочевал на его палец. Кажется, мою жизнь выкупили, по крайней мере на время.

Мой спаситель (или нет?) что-то коротко приказал женщине в черном, та процедила сквозь зубы мне:

– Иди за мной.

У выхода я осторожно оглянулась. Арабы стояли ко мне спиной, причем первый нежно обнимал второго за талию, оставляя на его белоснежном одеянии кровавые следы.

Держаться за руки, обнимать за талию и даже целоваться (не в губы, конечно, но в щеку) позволительно ТОЛЬКО МУЖЧИНАМ МЕЖДУ СОБОЙ! Все другие варианты считаются аморальными.

Голубой! – решила я, но вспомнила о порванной блузке и мнение изменила: – Бисексуал!

За дверью черная женщина пообещала мне:

– Еще раз попробуешь сбежать или не подчинишься – убьют.

Сказала и пошла, не оглядываясь.

Кто бы сомневался! Одного ее взгляда, полного ненависти ко всему живому, достаточно, чтобы понять, что ничего хорошего не ждет.

От шатра мы направились в сторону, противоположную воротам. Меня посадят под замок где-нибудь на задворках? Но сопротивляться сил просто не осталось, во рту пересохло так, что глотать удавалось с трудом, я хромала из-за разбитого колена, было очень больно ступать по раскаленным дорожкам…

А эта черная фурия шла медленно, как ходят все арабки в абае. И как ей не жарко в черной одежде?

Но больше черной вороны меня заинтересовал оазис вокруг. Полукругом стояли большущие шатры, мне не удалось сосчитать, сколько их, по краям четыре шатра поменьше, в одном из которых я чуть не лишилась жизни. В центре полукруга еще один – совсем большой, в котором явно что-то готовилось, там слышались голоса и звон расставляемой посуды.

Рядом фонтан, еще несколько извещали о своем существовании плеском воды. Дорожки, цветы, кустарник… Позади центрального шатра бассейн даже с горкой, как в аквапарке. Как же мне хотелось в воду!

Возможно, я бы совершила еще один проступок, нырнув в бассейн, но тут услышала ржание. Лошади!.. Да, в стороне явно конюшня, ржание доносилось оттуда.

Я очень люблю лошадей, не люби я рисовать еще больше, стала бы не художником, а ветеринаром.

А еще позади шатров стояли финиковые пальмы – целая роща. Вот тебе и пустыня! Просто я побежала не в ту сторону. Значит, есть и «та»? Поживем – увидим.

> ***Настоящих локалов туристы практически не встречают, разве что видят издали.***
>
> ***Если на пассажирском сиденье роскошного «Бентли» молодой леопард (или другая дикая кошка не в человеческом обличье), возможно, за рулем молодой локал династических кровей.***
>
> ***Если в торговом центре за крупным медлительным арабом в белом одеянии следует несколько женщин в черных абаях, обвешанных фирменными пакетами безумно дорогих мировых брендов, вперемешку с галдящими детьми, а шествие замыкают одна-две няни с колясками – это локал «среднего» достатка с семьей.***

Женщина в черном привела меня в похожий на первый шатер, у входа в который ждала миловидная девушка-служанка.

Презрительным жестом указав на меня, надсмотрщица что-то приказала ей, потом повернулась ко мне:

– Жить будешь здесь. Ее зовут Асият. Она будет за тобой ухаживать.

Произнесла жестким, без интонаций голосом и пошла прочь.

Я шепотом поинтересовалась у Асият:

– А ее как зовут?

Девушка, с опаской покосившись на удалявшуюся надсмотрщицу, также шепотом ответила:

– Никто не знает, как ее зовут. Она Раиса – начальница. А ты

Амаль, так сказала госпожа. Амаль значит «надежда».

Я содрогнулась: неужели и мне придется называть эту черную ворону госпожой?

> ***Традиционная одежда женщин – рубашка-кхандура, поверх нее абая, на голове большой платок шейла и головной убор никаб.***
>
> ***Кхандуры носят редко, под абаей у абсолютного большинства женщин обычная европейская одежда и обувь на безумно высоком каблуке.***
>
> ***Шейла обязательна для всех, волосы мусульманки не должны быть открыты.***
>
> ***А вот никаб не обязателен вовсе. Однако его и абаю носят с удовольствием. Абая скрывает очертания женской фигуры, а никаб красоту лица (или отсутствие того и другого!).***
>
> ***Женщины утверждают, что носят абаю и никаб, чтобы уберечься от нескромных взглядов чужих мужчин. Это реальная угроза, ведь большинство рабочих-индусов, пакистанцев, филлипинцев и т.п. семей не имеют и буквально поедают глазами любую женскую фигуру, попавшую в поле зрения.***

Ничего, я Амаль, а надежда умирает последней. Усыплю бдительность, разведаю, как отсюда можно сбежать, и никто меня здесь не удержит! Даже заработав несколько синяков и ожогов, я была полна решимости вернуться в нормальный мир.

Шатер внутри похож на первый, выглядел как хорошая гостиная дорогого отеля. Мда… если это и клетка, то золотая. Надолго ли?

– Нужно принять ванну…

Я насторожилась. Я не против ванны, но для этого требуется обнажиться, а сейчас хотелось завернуться в пару одеял, несмотря на жару.

Видя мою нерешительность, Асият кивнула на большое зеркало.

Глянув в него, я обомлела.

Конечно, трудно ожидать гламурный вид после произошедшего, но то, что увидела… Чучело на огороде выглядит, пожалуй, приличней. В моих светлых волосах набившийся песок не заметен, но сами волосы складывались в прическу «взрыв на макаронной фабрике», блузка порвана, джинсы на колене окровавлены (вот почему болело само колено), рукав блузки оторван (это постарались охранники), на лбу ссадина…

Асият моя благодетельница, она усадила меня на диван, подала чашку с водой, посоветовав:

– Маленькими глотками.

Она права, как бы ни хотелось пить, делать это надо медленно-медленно, иначе желудок быстро наполнится, а жажду не утолишь. Такой вкусной воды я не пила даже из родника. Позже поняла, что это не так, просто в ту минуту ничего лучше чашки воды для меня не существовало.

Асият обработала мои пострадавшие ноги и ссадину и сообщила, что пора в ванную.

Назвать это святилище ванной у меня не повернулся бы язык. Это была ВАННАЯ, где только купель размером с нормальный московский санузел. Помимо того имелся душ, шикарная подвесная инсталляция с шарддафом, спаренные раковины соответствующего размера, шкафы и шкафчики, скамеечки и даже массажный стол. Сауны не было, парной тоже.

> ***Пикантная подробность.***
>
> ***В туалетах рядом с унитазом справа непременно небольшой душик, по местному шарддаф (буквально «задомойка»). Даже если есть туалетная бумага, локал предпочтет шарддаф и свою левую руку.***
>
> ***Для европейцев непривычно, что в шарддафе вода холодная (для профилактики геморроя), а вот в бачке для смыва горячая.***
>
> ***Будьте осторожны.***

Смыв с себя песок под душем, я с удовольствием переместилась в наполненную Асият ванну. Невольно подумала, сколько же нужно вылить туда пены, чтобы при таких объемах ее хватило на целую ванну.

Асият

Разбитая коленка саднила, но вода все равно доставляла невообразимое удовольствие. Оставалось только понять, где же я и что делать.

Я оказалась типичной жертвой поставщика в тайный гарем – прилетела без туристической путевки, без приглашения компании, предоставляющей работу, подруги заняты, собеседование еще не прошла… Денег нет, родственники далеко,

примутся искать нескоро… Я ведь даже домой не написала, что улетаю в Дубай, решила подзаработать и появиться доброй феей с подарками.

Вадим умело вытянул из меня все необходимые ему сведения еще в первый вечер. О том, что он будет показывать мне Дубай, не знал никто, я доверяла соотечественнику и чувствовала себя рядом с ним защищенной. Не сомневаюсь, что по истечении нескольких дней он поинтересовался у моих приятельниц, куда я подевалась. В фирме после неявки на интервью меня просто вычеркнули из списков.

Додумать разоблачительную тираду о мерзавце Вадиме не удалось, в шатер явно пришел мужчина, в гостиной слышен его голос.

Произошло то, чего я боялась – я в ванне нагая, от того, что большое полотенце и даже халат заменят порванную блузку, толку мало. Коротенькая передышка закончилась. Невольно огляделась, подыскивая что-нибудь потяжелей или поострей, чтобы защититься, но ничего не увидела. Не считать же серьезным средством защиты маникюрные ножницы.

Взгляд упал на душ. Отбиваться насадкой для душа нелепо, но если включить кипяток…

Я так и сделала – переключила режим на самые сильные струи и перевела ручку регулятора воды на максимально горячую. Пусть только войдет!..

Вошел, я поспешно «утонула» в пене, оставив на поверхности голову, одна рука сжимала душ, вторая легла на рычаг переключателя.

> ***В случае аварии – никакого ожидания местной полиции, нужно как можно скорей убрать свое мешающее проезду авто в сторону. А уж там как договоритесь с другим участником или участниками происшествия.***
>
> ***Машины дешевы, сервис дорогой, договариваются легко.***
>
> ***Правительство ОАЭ решило, что нужно прекращать поддерживать на низком уровне цену на бензин, но повышать его стоимость будут постепенно.***
>
> ***Дорогой бензин заставит экспатов пересесть на малолитражки и тогда разница между экспатами и локалами станет еще заметней.***

Это был второй араб, тот самый, что отдал за мою

драгоценную шкуру свой перстень. Мелькнула мысль, что теперь заставит отрабатывать. У этих торговцев живым товаром так принято.

Он видно заметил мою «боевую готовность», рассмеялся:

– Эй, эй! Не вздумай окатить меня горячей водой – утоплю.

Его насмешка обезоружила. Вру, не только насмешка – еще внешность. Арабы далеко не все красивы и далеко не всем нравятся, но перед ванной стоял действительно красивый мужчина лет тридцати. Потом я узнала, что ему тридцать два.

Этот мужчина не пытался взять меня силой и даже не злился, он смеялся!

Моя решимость как-то сдулась, ведь боевая готовность оказалась ни к чему. Потом я узнала, что его зовут Сауд, что по-арабски означает «счастливый». Счастливчик присел на край ванны, спокойно отобрал у меня душ, вернул его на место и поинтересовался:

– Зачем ты в гарем приехала, если не желаешь быть с мужчиной?

От возмущения я даже из пены вынырнула:

– Я приехала?! Меня привезли, напоив какой-то гадостью!

Угольно черные глаза смотрели недоверчиво:

– Ты не давала согласия?

– Да нет же!

Он встал, задумчиво окинул меня взглядом и вздохнул:

– Хорошо, я разберусь.

От Асият я узнала, что Сауд старший брат Рашида, которому я разбила нос. Они шейхи, богатые и щедрые, им никто не оказывал сопротивление. И никто не пытался отсюда сбежать. Оазис в пустыне, в стороне есть шоссе, но по нему редко ездят машины. «Да и зачем бежать? – удивлялась Асият. Ведь здесь хорошо, достаточно всего – воды, еды, удовольствий и мужчин, которые делают богатые подарки».

Последнее уточнение мгновенно испортило мне начавшее подниматься настроение. Слова о публичном доме Асият сразу отвергла, сказав, что здесь не бывает кто попало, только братья привозят своих друзей на вечеринки – изредка и одних и тех же. Это тайный гарем, ведь в Эмиратах за проституцию строго наказывают, да и жены ревнивые.

Арабы-экспаты нередко заключают урфи – временный брак, а богатые люди содержат девушек вот в таких тайных местах, чтобы быть с ними. Но всегда по их собственному желанию!

Я, не сдержавшись, фыркнула, мол, кто меня спрашивал?

– Ты не такая? Ты не зарабатываешь деньги, ублажая мужчин?

– Нет, конечно! С ума сошла?!

– А… – протянула Асият с сомнением, едва ли в тот вечер она мне поверила.

В Дубае можно получить предложение заключить урфи.

Урфи – временный брак. С точки зрения араба это предложение вполне приличное, ведь официально проституция запрещена, за занятие ею жестоко (вплоть до смертной казни) карают, а без женщин никак. Кроме того, супруги-арабки ревнивы и требовательны, супружескую измену не прощают (вернее, прощение уж очень дорого обходится изменщику).

Как быть?

Вот тут на помощь приходит урфи – брак, заключенный на время по принципу: я тебя буду содержать это время, дарить подарки, а ты – меня ублажать. Жена и полиция о браке знать не должны, но в случае неприятностей у нас документ о наличии семьи.

Конечно, никаких детей, ответственность за это женщина берет на себя.

Есть те, кто соглашается? Конечно, есть, иначе не было бы предложений.

Туристок любители «законного» секса по договору вычисляют с первого взгляда, остальные от приставаний не застрахованы.

Такие браки НЕ заключают богатые и даже состоятельные локалы, скорее, арабы-экс паты из других стран региона, но разве разберешь с первого взгляда, кто перед тобой, если на руке «Роллекс», у входа «Лексус», а в глазах нагловатая уверенность?

О том, где берут точные копии «Роллексов» стоимостью в несколько раз дешевле настоящих, расскажу позже.

На этом сумасшедший день не закончился.

Немного погодя я услышала звук моторов, а выглянув, увидела, как в ворота въехали еще две машины. Возгласы приветствий, обнимашки (когда два мужика прижимаются щеками и просто заключают друг друга в нежные объятья, это производит несколько странное впечатление, правда, только на европейцев, местные не обращают внимания), размахивания руками.

Асият немедленно сообщила, что мне нельзя выходить, чего я делать и не собиралась. Меньше всего хотелось показываться возбужденной компании, я предпочла наблюдать в щелку. Гостей окружила довольно внушительная толпа девушек, ярко одетых, вернее, раздетых – гарем в действии. Каждая норовила привлечь внимание гостя к себе.

Показался Рашид, что-то рассказал, указывая в сторону моего шатра. Я предпочла ретироваться от входа совсем. Слава богу, меня включать в состав развлекающихся и развлекающих не собирались.

Асият объяснила, что девушки живут в больших шатрах по шесть человек в каждом. Четыре меньших шатра, таких как наш, для хозяев и их гостей. Оставалось надеяться, что в эту ночь гости как-нибудь обойдутся без моего шатра.

Переживала я зря, никто навещать не собирался. Чтобы успокоить меня, Асият легла спать прямо на полу перед входом.

Ни простые бедуины, ни даже самые состоятельные шейхи бедуинских племен не имели гаремов вроде тех, в котором Шехерезада рассказывала свои истории или в каком правила всесильная Роксолана. Гарем – удел оседлых, кочевнику-бедуину не под силу возить с собой по пустыне сотню верблюдов, груженных толпой очаровательных бездельниц, евнухов и кучей вещей.

Гарем, как семья, которую надо защищать, конечно, был. И многоженство было (и есть!). Но если сейчас многоженство вызвано только желанием мужчины пополнить комплект домашних красавиц, то до того как бедуины сменили верблюдов на джипы и «Лексусы», а шатры – на квартиры в умопомрачительных высотках, многоженство диктовалось самой жизнью.

И вовсе не из-за дополнительных рабочих рук бедуин брал вторую, а то и третью жену. Ведь, женившись, он принимал на себя ответственность за женщину и рожденное ею потомство. Если мужчина умирал или погибал, женщина с детьми выжить в пустыне не могла, потому становилась женой одного из родственников мужа, обычно брата погибшего.

Так появлялись вторая или третья жена.

Глава 2

Несмотря на усталость, физическую и эмоциональную, не спалось.

Я подошла к окну спальни и осторожно отвела занавеску, прикрывающую его. В самом большом шатре веселились, каждого мужчину окружала стайка девушек, я попробовала считать, но после двух десятков мысленно махнула рукой. Какая разница? Я в этом борделе участвовать не собираюсь!

А вот то, что происходило в бассейне ближе к моему шатру, заинтересовало куда больше.

Там занимались любовью, вернее, это была еще прелюдия любви. Стоя по пояс в воде, мужчина поднял девушку за талию, а та, выгнувшись дугой и опершись руками о его плечи, подставила грудь для поцелуев. Как же это красиво смотрелось! При лунном свете мне видны только силуэты, но я сразу узнала Сауда.

То ли почувствовав мой взгляд, то ли просто так, он повернул голову в мою сторону, и я поспешно отступила от окна.

От бассейна послышался всплеск, смех, кто-то поплыл… Если честно, я была в смятении. Восторг от увиденного переплетался с какой-то досадой, я словно жалела, что сейчас не на ее месте.

Он разберется… Знаю я эти разборки! Только что видела, как он разбирается!

Я осадила сама себя: Господи, что происходит?! Какая мне разница с кем занимается любовью этот черноглазый шейх? Мое дело бежать отсюда как можно дальше и как можно скорей.

Я вдруг поняла, что нужно делать. Не завтра, не утром, а прямо сейчас, пока народ веселится и занимается любовью – бежать! Одежда и обувь у меня есть, бутылка воды вон стоит, окна открыты, оазис едва ли охраняется, ведь в Эмиратах вообще не принято что-то охранять, они квартиры и те не закрывают, как и машины.

Куда идти я теперь знала – шум подъезжавших машин доносился со стороны, противоположной той, в которую я пыталась сбежать днем. Значит, там шоссе. В Эмиратах все мало-мальски значимые дороги не просто широкие и ровные, они освещены по ночам. Все! Каждый столб сам по себе, работает на солнечных батареях – днем энергию запасает, а ночью включается, чтобы отдать. Удобно и ничего не стоит.

По шоссе я куда-нибудь да дойду, хоть до следующего оазиса. Попрошу вызвать полицию и домой! Другой возможности сбежать может еще долго не представиться, зря кормить и держать здесь меня не будут.

…Сказано – сделано! Я обулась, взяла воду, набросила на плечи большой платок и осторожно вылезла в окно.

Уже за пределами шатра подумала о собаках, но их не было слышно. Арабы вообще не сторонники собак, как, впрочем, и кошек.

Дорогу увидела сразу, при ярком лучном свете она была хорошо заметна среди небольших барханов и шла вдоль рощи пальм действительно в сторону шоссе. Как оно далеко, мне определить трудно. В горах, в пустыне, в степи расстояния кажется иными. Но мне все равно, до утра куда-нибудь дойду.

Дверь в квартиру или дом не закрывают НИКОГДА. И машины тоже не закрывают.

Дубайцы не знают, что такое сигнализация.

При этом назойливое внимание иностранных рабочих и приезжих с чуть большим достатком обеспечено. Они редко пристают к туристкам, зато к

тем, кто живет подольше (туристов сразу видно по разбегающимся глазам) – постоянно. Предложения самые наглые и бесцеремонные – от временного брака урфи до вопроса, сколько стоит ночь с тобой.

Абая и никаб от приставаний не спасают, напротив, черное одеяние разжигает страсть обойденных женским вниманием малообеспеченных мужчин.

Это вынуждает женщин ходить по магазинам стайками или под охраной мужа либо выделенного секьюрити.

Если вы заметили, что вокруг вашего дома или машины бродит подозрительная личность, смело звоните по номеру 6004888 в Аль-Амин. Эта конфиденциальная служба и призвана защитить вас и ваше имущество от посягательств.

Быстрым шагом я отправилась в сторону огоньков. Почему-то казалось главным добраться до шоссе.

Не успела. Пешком от машины не убежишь, а дорога освещена прекрасно (черт бы побрал это освещение!), меня видно издали. Как и подъехавший джип.

Я остановилась, понимая, что последует, ведь Раиса предупредила, что при следующей попытке меня просто убьют. Ожидала дюжих охранников, но в машине оказался только Сауд. Открыв дверь, он коротко приказал:

– Садись!

– Нет.

– Садись, я сказал!

Пришлось подчиниться.

Развернув машину, он поехал к оазису. Показательная экзекуция ждет меня там? Этакой десерт после занятий любовью?

– Неужели ты не понимаешь, что ждет девушку без документов посреди шоссе? В лучшем случае попадешь в полицию с обвинением в занятиях проституцией, в худшем – куда-нибудь к рабочим в пустыне развлекать сразу всех.

Он был прав, но я все же возразила:

– Меня будут искать.

Сауд поморщился:

– Никто тебя искать не будет. Я никого не держу здесь силой, и тебя не буду. Сказал же, что завтра все решу. Отвезу в Дубай.

Он остановил машину на самом краю оазиса там, где я выходила на дорогу, и приказал:

– Возвращайся тем путем, каким удирала, никому не говори,

что сделала, и постарайся не разбудить свою служанку. Иди!

Даже не посмотрел, действительно ли я пойду к своему шатру, просто поехал и все. Но он прав, ночью и с документами можно стать чьей-то добычей, а уж без них…

Но почему Сауд меня не только не наказал, но и помог?

Вы когда-нибудь испытывали раздвоение личности? В ту минуту, провожая его взглядом, я радовалась надежде вернуться к нормальной жизни и одновременно вовсе не желала, чтобы прямо завтра знакомство с этим арабом подошло к концу.

Я пробралась в шатер, отряхнула песок с ног и устроилась калачиком прямо поверх одеяла. Перед глазами стояла картина Сауда, целующего грудь местной красавицы, а в ушах звучал его голос:

– Я никого не держу здесь силой! Иди!

Я долго не могла заснуть, пытаясь понять, чего же хочу больше – немедленно вернуться в Москву или хотя бы на время остаться в Дубае в надежде еще встретиться с черноглазым шейхом. Ну да, ошиблись – украли не ту (с Вадимом я еще разберусь!), но на интервью я уже не успею, значит, нужно подавать документы еще куда-нибудь…

В общем, если не хочешь что-то делать, всегда найдешь повод не делать. Я не желала уезжать с рассветом. В конце концов, «завтра» такое большое…

Когда в пустыне нашли нефть, верблюды стали развлечением и предметом гордости, а сидение в роскошном автомобиле в пробках почти работой, многоженство осталось. Коран разрешает правоверному иметь четырех жен при условии, что он будет достойно (и одинаково!) обеспечивать их всех. Не имеешь средств – женись на одной или вообще ходи холостым.

Потомки погонщиков верблюдов средства имеют, а потому женятся.

Жены обычно живут врозь в разных домах или хотя бы квартирах, а муж приходящий – день у одной, день у другой.

И только очень богатые арабы могут позволить себе поселить в одном дворце потомство хотя бы одной женщины вплоть до ее внуков и содержать столько родственников. Только очень богатые арабы могут жениться четыре раза, потому что содержать всех жен нужно в абсолютно одинаковых условиях, а

арабские дамы весьма требовательны и строго следят за приобретениями соперниц по брачному ложу.

Проснулась на рассвете уже с другими мыслями. Черноглазый шейх, конечно, здорово, но от гарема в пустыне стоит держаться подальше. Обвинят в занятии древнейшей профессией – не отмоешься. Я твердо решила воспользоваться вчерашним обещанием и попросить отправить меня в Дубай немедленно, даже изящный шантаж придумала, мол, у меня интервью, к тому же завтра вернутся из рейса подруги, и вообще послезавтра половина полиции Эмиратов будет стоять на ушах, разыскивая мою скромную, но очень важную персону. Это я только с виду такая неприметная, а в действительности…

Придумать еще десяток страшных последствий моего отсутствия в Дубае не успела, услышав конское ржание, схватила из вазы яблоко и выскочила из шатра. В загоне перед конюшней резвилась сказочной красоты лошадь – серая в звездах (почему их называют яблоками?!) чистокровная арабская кобыла. Ржание доносилось из конюшни, видно, жеребец требовал выпустить и его, но конюх не спешил, позволяя серой красавице немного размяться.

Лошадь носилась по кругу, взбрыкивала, поднималась на дыбы, снова бежала, распушив петушиный хвост…

Арабская порода лошадей – самая древняя и самая красивая.

Эту породу не спутаешь ни с какой другой, лошадей отличает аккуратная голова пирамидальной формы на лебединой шее, длинные тонкие ноги и распушенный при любом аллюре хвост, который называют петушиным.

Арабские лошади не для работы, а для любования ими. Давно выведены похожие породы, например, ахалтекинская, у которой и ноги длинней и тоньше, и шея с изгибом, и головка небольшая, и движения грациозней, но эталоном все равно считается арабская.

Лошади этой породы бывают разных мастей, в том числе и серые в яблоках.

Я замерла у ограды. Заметив меня, лошадь остановилась, покосила глазом на яблоко, протянутое на ладони, и подошла. Конюх настороженно наблюдал за моими действиями, но ничего не предпринимал.

Кобыла взяла яблоко у меня с ладони. Если это не ваше

животное, если оно к вам не привыкло, не стоит одной рукой давать ему угощение, а другой сразу пытаться гладить. Лошадь животное свободолюбивое и нервное, а арабская порода особенно. Только когда она приняла мой подарок и кивнула изящной головкой, я позволила себе протянуть руку к ее морде.

– Любишь лошадей?

Я не удивилась, услышав голос Сауда, почему-то было понятно, что лошади принадлежат ему. Обернулась, ответила, что очень.

– А ездить умеешь?

– Лошади не жаловались. – Я пожала плечами как можно независимей, поспешно отворачиваясь к кобыле, потому что Сауду уж очень шли бейсболка и костюм для верховой езды. Но еще больше я боялась выдать свое ночное видение.

– Ее зовут, как и тебя – Амаль, – сообщил мой искуситель и что-то приказал конюху. Потом позвал Асият.

Немного погодя я, завернутая в хиджаб и с лицом, щедро намазанным кремом от загара, поднималась в седло своей тезки. Убедившись, что я вполне способна это сделать, Сауд птицей взлетел в седло вороного скакуна, выведенного конюхом, и тут же, игнорируя открытые ворота, перемахнул через ограду.

Даже если бы ограда была вдвое выше, а открытых ворот вдвое больше, я не стала ими пользоваться. Амаль спокойно взяла препятствие, не скинув при этом меня. Сауд с интересом наблюдал за моими жокейскими стараниями.

Дальше мы ехали шагом. Катались недолго, поднявшееся солнце немедленно стало припекать, но за это время успели поспорить.

Показав на море оранжево-красного песка, раскинувшееся во все стороны, Сауд заявил, что ничего краше на Земле не существует.

Я фыркнула:

– Лес! Поле! Море! Горы! Все, что угодно.

– Я видел ваш лес, ничего хорошего – деревья, деревья, деревья! Почти рядом, сплошной стеной. Что хорошего? Никакого простора для глаз.

Теперь я смеялась. Мы вели лошадей в поводу, шагая рядом, я повернулась и пошла задом наперед, чтобы видеть его лицо. Вовсе не для любования, хотя было и это, просто люблю видеть реакцию собеседника.

– Для каждого хороша та земля, где он родился или вырос, земля его предков. У меня был знакомый, который утверждал, что нет лучше звука, чем завывание зимней вьюги за стеной чума и повизгивания собак рядом. А другой говорил, что краше моря ничего не видел, но не в штиль, а в настоящую бурю, когда все черным-черно и молнии сверкают.

Черные глаза внимательно разглядывали меня. Я даже чуть смутилась своей откровенности. Рядом шел не просто чужой человек, а человек из другого мира, а я со своими воспоминаниями о странных приятелях…

– А ты что больше всего любишь?

Его не смутили мои воспоминания и вопрос задан не ради красного словца.

– Я?.. У русского художника Шишкина есть такая совсем небольшая картина, «Травки» называется. Там не поле, не лес, а всего лишь травинки на полянке. Но каждая выписана, как живая. Сколько ни пыталась, так написать не получилось. Наверное,

потому что писала с картины, а надо было с натуры.

– Ты рисуешь?

– Да! Я художница с дипломом. Но я больше люблю графику.

– Что?

– Люблю рисовать карандашом, углем, пастелью… И лошадей люблю рисовать.

– Верблюды лучше.

Я возмутилась:

– Что?! Что может быть лучше вот этой красоты? – Я погладила свою лошадку по шее, та кивнула, видно соглашаясь.

– Верблюд умней и выносливей, – упрямо возразил Сауд.

– Глупости! – Я совершенно забыла, что вообще-то завишу от этого человека. – Джип вон тоже выносливый. Но лошадь-то лучше.

Сауд расхохотался:

– Впервые спорю с женщиной.

Я с изумлением обернулась:

– Как это?

– Арабские женщины не спорят с мужчинами. Только между собой.

– Но если я не согласна или мужчина не прав?

– Держи свое мнение при себе.

Мы уже подошли к загону и Сауд передал поводья своего коня конюху. Я вспомнила, что хотела уточнить. Прогулка прогулкой, но у меня другие интересы:

– Вы обещали отвезти меня в Дубай сегодня.

Он протянул руку, чтобы взять поводья моей Амаль, и спокойно ответил:

– Нет. Поживешь здесь месяц.

– Что?!

Черные глаза смотрели жестко, слишком жестко, чтобы обошлось без последствий.

– Я сказал, что ты поживешь здесь месяц. Я покажу тебе настоящую пустыню с верблюда, когда приеду в следующий раз. А пока… можешь ездить на Амаль, но только рано утром.

Не дожидаясь моей реакции, которая, честно говоря, была настоящей растерянностью, Сауд что-то сказал конюху, тот закивал.

Разговор со мной окончен. Хозяин повернулся и направился к своему шатру. Я вернулась в свой злая как черт. Вот кто тянул меня за язык?! Зачем было спорить, доказывать, что трава лучше песка, а любить можно и тундру, если там родился? Зачем я рассказывала о себе и вообще что-то говорила? Разыгрывала бы из себя дуру, глядишь, и вернулась сегодня в Дубай, а завтра

вообще домой в Москву.

Меня пугали перепады отношения со стороны Са уда, вернее, его настроения. Он то обходился со мной как с равной, то приказывал. Голос резкий, жесткий, тон, не терпящий возражений. Но меня словно магнитом тянуло к этому человеку, а его черные глаза завораживали.

И ему так шел костюм для верховой езды…

Различайте дубайский паспорт и ГРАЖДАНСТВО.

Паспорт можно получить через несколько лет, являясь очень ценным специалистом в своем деле или вложив большую сумму в развитие местного бизнеса (чуть не написала «производства», потом попыталась вспомнить примеры такового, нашла слишком мало и заменила словом «бизнес»). При этом, конечно, нужно не иметь претензий со стороны полиции и государственных служб, желательно, но необязательно, исповедовать ислам.

Паспорта выдают скорее тем, кто заслужил право не продлевать рабочие визы каждые два года. Как долго нужно заслуживать? От 3 до 15 лет, решают вопрос чиновники.

Гражданство человеку, чей папа не является коренным дубайцем, получить практически невозможно.

Даже если через много лет… за особые заслуги перед страной… это все равно будет без привилегий. При этом сначала нужно отказаться от своего собственного гражданства (двойное недопустимо).

Гражданство может получить супруга очень богатого локала, если соответствует всем требованиям, рожает и рожает сыновей, ведет себя тихо и не дает повода для развода. Ее дети будут иметь гражданство автоматически, но с ущемлением в правах – тоже без привилегий. Богатый локал хорошо подумает, прежде чем жениться на иностранке, тем более государство всячески поощряет браки между своими. Это им подарят виллу и дадут денег на свадьбу, а после рождения третьего ребенка спишут набранные миллионные долги.

Не путайте коренных локалов с остальными, живущими, возможно, богато, но временно.

Оказалось, что с рассветом в оазисе поднялись только мы с Саудом и слуги. Возможно, где-то была Раиса, но я ее не видела.

Сауд сразу после прогулки уехал, за ним следом отправились и Рашид с гостями. Оазис опустел. Я недоумевала:

– Вчера здесь была толпа девушек. Куда они все девались?

Асият махнула рукой в сторону больших шатров:

– Спят.

Они и впрямь начали показываться только во второй половине дня – недовольные, помятые. Но тут же попрятались снова: было слишком жарко, чтобы находиться вне помещения.

Я маялась от безделья и досадовала, что не настояла на отъезде.

– Гости бывают каждый день?

Асият с изумлением уставилась на меня:

– Нет, два-три раза в месяц.

Опля! Это сколько же мне ждать приезда Сауда?

– А Сауд?

– Также, но иногда приезжает покататься на лошади или просто по делам. Или к Лиане, он ее любит.

Я поняла, что это та красотка, с которой Сауд вчера был в бассейне. Ну и черт с ними!

– Чем девушки занимаются целыми днями?

Снова Асият недоуменно пожимала плечами:

– Спят… едят… купаются… ногти красят, руки и ноги хной разрисовывают… ругаются. – Она хихикнула. – Даже дерутся.

Вот только этого мне не хватало!

– Со скуки умереть можно.

– Днем нельзя выходить, обгоришь. Все ждут вечера и ночи.

У арабов с детьми возятся папы. В самом деле, не мамам же этим заниматься

– Но в шатрах-то они что делают? Целыми днями ногти красят?

– Кальян курят, сплетничают и ссорятся. Раиса иногда их даже бьет.

Я вдруг почувствовала благодарность к Сауду за то, что не поселил меня в каком-нибудь из общих шатров, но тут же возразила сама себе: почему он вообще не отвез меня в Дубай немедленно?!

…Девушки окончательно проснулись только к вечеру. Я представила, как отупляет такая жизнь, и ужаснулась: неужели мне придется торчать здесь целый месяц в ожидании Сауда? Я и пары дней безделья не вынесу.

Обычно жара к вечеру спадает, в пустыне же наоборот – с заходом солнца песок словно принимается выполнять его роль – отдает накопленное за день тепло, вернее, жар. Поэтому перед заходом и сразу после него духота и жара невыносимы. Сочетания моря и пустыни без зелени очень тяжелы, постепенно я поняла почему. При высокой влажности в воздухе очень мало кислорода.

Без кислородного коктейля не жизнь!

Только где ж его взять? А надо бы…

В Дубае (и регионе Персидского залива вообще) организм испытывает постоянное кислородное голодание – в воздухе этого живительного газа всего 80 % от нормы. Почему – объяснять едва ли нужно, нет достаточного количества растений – нет кислорода. Как бы ни старались местные садоводы, поливая каждую травинку, кислорода на всю пустыню не хватает.

Залив тоже не поставляет его в достаточном количестве, поскольку фитопланктона маловато, да и тот, что есть, стремительно сокращается.

Кислородное голодание приводит к вялости, забывчивости, апатии, снижению внимания, колебаниям настроения и пр.

Тяжелей всего тем, кто живет на верхних этажах небоскребов с вечно работающим кондиционером, им кислорода от травки на земле не достает вовсе. Может, потому локалы ленивые?

Вяло переругиваясь, девушки одна за другой появлялись возле фонтана и бассейна. Я наблюдала за ними без особого интереса. Стоило признать, что у Сауда и Рашида, коль скоро гарем принадлежал им, есть вкус – все красотки, правда, несколько полноватые на мой взгляд. Зато блондинки. Стало понятно, почему в эту компанию попала я со своими длинными светлыми волосами.

И вдруг меня осенило: я вспомнила, почему лицо Рашида мне показалось знакомым! Мы никогда не встречались, но это он сидел в машине, пока двое других разговаривали с Вадимом, делая мне комплименты. Стекла машины тонированы, но это явно был он. Я мысленно обругала Вадима самыми крепкими ругательствами, какие смогла вспомнить, и пообещала сама себя придушить при встрече. Нет, я его властям сдам!

От мысленной казни Вадима меня отвлекло появление у бассейна новой партии красавиц. О… можно не уточнять, кто это. По тому, как держалась идущая впереди девушка, я без объяснений поняла, что это Лиана. Да, это ее целовал ночью Сауд.

Лиана и впрямь красива, причем во всем – лицо, фигура, грация, волосы… Загляденье, а не девушка. Вот только все портило надменное выражение лица и полупрезрительный взгляд. Все ясно – дама хозяина смотрит на всех свысока.

Я обратила внимание, как буквально подтянулись остальные. Вернее, внезапно образовалось пустое пространство, а в центре этого местного белого пятна я. Но меня появление красотки ничуть не испугало, как сидела, так и осталась сидеть.

Лиана подошла ближе и остановилась, почти нависая надо мной. Ого, у нее и рост как у модели! Нет, пожалуй, не больше метра семидесяти. Однако она стояла, а я сидела. Хорошо известный прием: хочешь кого-то подавить – встань на ступеньку выше или стой рядом, когда он сидит. Она почему-то очень хотела меня подавить, но не вставать же и мне? Много чести!

– Новенькая?

А голос-то чуть прокуренный, видно злоупотребляет кальяном.

Я спокойно подняла на нее глаза:

– Нет.

– Служанка? – Лиана решила повеселиться. Не может быть, чтобы она не знала о моем столь впечатляющем появлении в оазисе.

– Нет, гостья.

У нее большие карие глаза при светлых волосах. Рядом с ней я теряла привлекательность, хотя дурнушкой никогда не была.

– Ты гостья? Здесь не бывает женщин-гостей, – смех у нее тоже с хрипотцой.

Вокруг нашлось с десяток подлиз, с готовностью захихикавших.

Я спокойно пожала плечами:

– Все когда-то бывает в первый раз. Я живу в гостевом шатре. Думаю, ты знаешь об этом и вчера ночью видела меня, как и я тебя.

Удар попал точно в цель, красивое лицо передернуло. Я поняла, что испортила им с Саудом любовную игру, видно заметив меня, он перестал ласкать любовницу. Ну что ж, не нужно было держать меня в оазисе, мог бы сразу отправить в Дубай. Мелькнула мысль, что ревность Лианы поможет мне поскорей уехать, вернее, она вынудит Сауда выпроводить меня.

Я даже не представляла, как ошибалась!

Незнакомая с дамами такого сорта, я не подозревала, что ревность в этом замкнутом женском обществе, вернее террариуме, действует по иным законам. Здесь не вынуждают любовника изгнать соперницу, здесь соперниц уничтожают, причем в буквальном смысле!

Но даже если бы и знала, то значения не придала, я не считала себя соперницей Лианы. Во-первых, мне этот их гарем сто лет не нужен! Во-вторых, в вопросах любви и соблазнения, а

также внешности она даст мне сто очков вперед. В-третьих, мне также сто лет не нужен объект ее ревности.

Лиана хороша и прекрасно знает об этом

А вот тут я лукавила, Сауд мне нравился, несмотря на всю его резкость. Но если бы пришлось выбирать между ним и возвращением домой, тогда я выбрала бы дом и о Сауде не вспомнила.

Но не говорить же это прямо в глаза Лиане?

…С той минуты началось наше противостояние, продолжавшееся год, причем временами жесткое и даже смертельно опасное для обеих.

По статистике (лживая она штука иногда…) на 100 представительниц прекрасного пола в этом замечательном городе аж 313 мужеского! Вот такое вопиющее несоответствие.

Откуда тогда многоженство, ведь и одну женщину у двух претендентов сначала отбить надо? У некоторых читательниц наверняка шевельнулась мысль попытать женское счастье в этом благословенном месте.

Не спешите. Статистика дама не только лживая, но и бесстрастная, ей все равно, каких мужчин и каких женщин считать. Возраст здесь ни при чем, Дубай город молодой, средний возраст жителей около тридцати лет. А перекос создается из-за огромного числа рабочих, приехавших из азиатских стран. Это бедные мужчины, которых очень-очень много.

Богатых и очень богатых мужчин тоже много относительно всего остального мира (в Дубае свыше 80000 миллионеров, и цифра растет), но ОЧЕНЬ МАЛО на всех, кто желал бы с ними познакомиться. Миллионеры не глазеют в моллах на полураздетых дам с целью предложить руку и сердце, они женятся на девушках своего замкнутого круга.

Конечно, бывают исключения, вроде Золушки. Но у Золушки крестная – фея, способная превратить тыкву в карету. У вас есть крестная-фея? Есть ли есть, смело заказывайте в качестве подарка под елочку принца на белом коне. Остальным лучше не беспокоиться.

Глава 3

На следующее утро кататься я не поехала, потому что проспала. Было обидно из-за упущенной возможности, но выводить свою «тезку» в жару я не рискнула, думаю, мне и не позволили бы это сделать. Навестила Амаль в конюшне, угостила ее и вороного яблоками, немного послонялась по конюшне, отдавая должное ее организации, и вернулась в кондиционированную прохладу шатра.

Поспала, поела, приняла ванну, высушила волосы, покрасила ногти, с трудом найдя среди предложенного светлый лак, снова поела…

Скука смертная…

После заката мы с Асият выбрались наружу. Было душно, но дольше сидеть внутри, рискуя заработать клаустрофобию, я не могла.

Оазис прекрасно освещен, как и все в Эмиратах, здесь тоже многочисленные солнечные батареи на каждом фонаре днем собирали энергию, а ночью отдавали. Хоть какой-то плюс от пустыни…

От нечего делать вдруг попросила Асият рассказать о хозяевах оазиса, прежде всего о Сауде. Девушка моему интересу удивилась, ведь она проспала мою попытку сбежать и не знала о споре на прогулке.

– Вай, ты зовешь его просто Саудом…

– А как надо?

– Его высочество.

– Как?!

– Он наследный принц… – шепотом пояснила Асият.

– Прямо-таки принц?

– Да.

> ***В Дубае принято «стучать» на соседей, сослуживцев и вообще нарушителей.***
>
> ***Стены в домах исключительно тонкие, а звукоизоляция никудышная, потому, как говорят сами дубайцы, вы на милости соседей. Они слышат все и вполне могут донести.***
>
> ***Нет, не на ваши террористические замыслы, а на то, что вы не муж и жена. В Эмиратах жить вместе, не состоя официально в браке, запрещено всем. Потому снимать квартиру вместе с гражданским супругом не получится, вернее, получится до первого***

звонка бдительных соседей.

Куда это меня занесло, в гарем к принцу? На Востоке очень любят цветастые титулы, не исключено, что высочество тоже местного значения. Понимая, что все это внешняя мишура, быть принцем соседней деревни, конечно, престижно, но как-то не слишком солидно, я все же восхитилась – смотри-ка, а шейх-то настоящий, пусть и местный.

В глубине души понимала, что это не так, слишком роскошно – содержать для посещения пару раз в месяц целый оазис, и как содержать! Асият сказала, что это в малых шатрах по одной ванной, в четырех больших по две на шестерых и там бесконечные скандалы, кому когда ванну принимать.

Асият принялась рассказывать о родителях Сауда и Рашида, вернее, об их матери, про отца она ничего толком не знала.

– Шейха Махасин настоящая красавица, всем девушкам оазиса до нее далеко!

– Шейха?

– Да. Если муж шейх – жена шейха.

Ладно, пусть будет шейха.

– Она сюда часто приезжает?

Не мамаша ли поставляет сыновьям красоток? Все может статься.

– Сюда?! Нет, сюда никто не приезжает, кроме тех, кого ты видела вчера.

– Хорошо, рассказывай про Макасин.

– Махасин. Она очень знатная, – сообщила Асият, – причем с трех сторон.

– Это еще как?

– Почему башню называют то Бурдж Дубай, то Бурдж Халифа?

Из благодарности.

Начинали строить в 2004 году Бурдж Дубай, но в 2008-м грянул кризис, и башня грозила стать самым высоким и амбициозным долгостроем. Допустить этого не только шейх Дубая, но и президент страны никак не могли. Абу-Даби в лице шейха Халифа ибн Зайед аль-Нахайян пришел на помощь, конечно, финансовую.

Башню достроили быстро, кстати, она окупилась еще быстрей, поскольку квартир в этом самом высоком сооружении на Земле не хватило всем желающим, несмотря на сумасшедшую стоимость – более $40000 за квадратный метр!

Благодарные дубайцы в день торжественного открытия Бурджа переименовали его из Бурдж Дубай в Бурдж Халифа в честь спасителя столь значимого проекта – президента ОАЭ шейха Абу-Даби Халифа ибн Зайед аль-Нахайян.

– У шейхи Махасин предки аль-Нахайян, аль-Мактум и аль-Касими!

Я согласно кивнула:

– Понятно. Теперь объясни, что это за хайян, и всякие сими…

– Не вздумай так сказать вслух! Род аль-Нахайян правит Абу-Даби уже очень-очень долго, ой, как долго! А Мактумы Дубаем тоже долго.

– А Касими небось Шарджем?

– Вот! А говоришь, что ничего не знаешь.

– Я догадалась.

Асият продолжила поучать:

– Шейх Зайед, первый президент, был аль-Нахайян, сейчас правит его сын шейх Халифа. Его именем названа Бурдж Халифа, знаешь?

Это я помнила, прочитала, когда готовилась работать в Дубае, все же нужно знать местных правителей.

Меня куда больше заинтересовало следующее сообщение Асият:

– А у нашего хозяина жена вообще из хашимитской династии, как шейха Хайя, вторая жена шейха Мухаммеда…

Я запуталась в шейхах и женах и потребовала объяснить:

– Давай по порядку. Шейх Мухаммед…

– …бен Рашид аль-Мактум правитель Дубая, – с восторгом продолжила Асият, – он породнился с хашимитской династией, женившись на принцессе Хайе.

– Это которая лошадей любит? – вспомнила я.

– Да!

– Теперь объясняй про эту самую династию.

– Хашимитская династия – прямые потомки Хашима, прадеда пророка Мухаммеда! Он тоже был Хашимит. – В голосе Асият звучала такая гордость, словно принадлежность пророка к династии Хашимитов ее личная заслуга.

– А при чем здесь наш хозяин? Кстати, который из них?

– Принц Сауд! У него жена тоже из хашимитской династии. Представляешь, какая кровь течет в жилах его дочери?! Хашимиты, Нахайяны, Мактумы и Каси ми – все отдали ей по капле своей крови.

Я чуть за голову не схватилась:

– Ну и смесь! Кстати, кровь не в жилах, а в артериях и венах.

Асият уставилась на меня, не понимая. Я решила не вдаваться в анатомические подробности нашего организма и поинтересовалась иным:

– Девочка-то хоть красивая?

– Не знаю… – мечтательно вздохнула Асият, – я ее не видела. Но какая она ценная!

– Асият, сейчас никто в мире на это не смотрит.

– Почему?

Я разровняла песок и подозвала девушку к себе:

– Вот смотри. У мамы кровь очень ценная – А. У папы – В. Какая будет у детей? АВ, так? Дочь АВ вышла замуж за мужчину, у которого кровь CD. Какая кровь у их детей? ABCD…

На песке росли столбики и количество букв в строке. Буквы быстро закончились, Асият запротестовала:

– Нужно было замуж выходить в своей династии! Или за того, у кого тоже предки королевской крови.

Я рассмеялась:

– Хорошо, будем считать, что и С королевская кровь. И даже Т или М. И кровь Е заменим на А, пусть хашимитов будет больше. Все равно. Какой она потомок пророка?

– Не знаю, кажется, 43-й.

– У нее действительно только капля хашимитской крови. Ценный ребенок, даже царапины допустить нельзя – вдруг та самая капелька и вытечет?

Увлекшись своим сарказмом, я не заметила появившуюся рядом Раису. Ворона, как я прозвала ее для себя, холодно поинтересовалась:

– Чему ты так радуешься?

А вот фиг ты мне испортишь хорошее настроение! Я раскинула руки в стороны:

– Жизни! Звездам! Небу! – окинула ее с ног до головы и неожиданно холодно, точно попав в ее тон, добавила: – И вам, конечно.

Сзади послышались сдавливаемые смешки. Логично.

Предел моих математических талантов – таблица умножения, я никудышный физик, химик и т. д., ни черта не смыслю ни в какой технике, во всем кроме рисования мои руки растут из того места, откуда у остальных ноги, но вот талантом к рисованию, некоторыми вокальными и пародийно-актерски ми данными меня Господь не обделил. Чем и горжусь!

Да, еще способностями к языкам.

В общем, стопроцентный гуманитарий. Девчонки звали меня Галкиным в юбке, хотя я юбок практически не ношу, они мешают свободно двигаться.

Потому моя пародия на Ворону удалась, могу сказать об этом без ложной скромности. Она, конечно, не оценила.

– Иди к себе.

Я с трудом удержалась, чтобы не сказать еще что-нибудь едкое, но подчинилась. В конце концов, здесь ее вотчина, до приезда Сауда можно и не дожить…

> ***Семь эмиратов – Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Аджман, Рас-аль-Хайма, Эль-Фуджейра и Умм-эль-Кайвайн – федеративное государство, образованное в 1971 году (вернее,*** **Рас-аль-Хайма присоединился к шести другим в следующем).**
>
> ***Все семь эмиратов – абсолютная монархия, где власть передается по воле предыдущего монарха.***
>
> ***Во главе федерации – президент, это обязательно шейх самого большого эмирата Абу-Даби. Вице-президент и по совместительству премьер-министр – шейх Дубая. Остальные шейхи образуют состав Совета, к мнению которого президент и премьер прислушиваются, и только.***
>
> ***Граждане ОАЭ очень ценят первого президента, человека, собравшего бедуинов в единое государство, – шейха Зайеда ибн Султан аль-Нахайяна, правившего страной до 2002 года. В августе как национальный***

праздник отмечается день восшествия на престол этого шейха.

Династия аль-Нахайян правит Абу-Даби свыше 250 лет. Сейчас у власти сын шейха Зайеда шейх Халифа бен Зайед аль-На хайян.

У власти в Дубае свыше 150 лет династия аль-Мактум. Сейчас правит (и является премьер-министром ОАЭ) шейх Мохаммед бен Рашид аль-Мактум.

Самый богатый из эмиратов – Абу-Даби, именно у них есть нефть.

Самый современный – Дубай, который свою нефть уже выкачал, но благодаря дальновидности шейха Мохаммеда вложил большую часть денег в развитие самого современного (и самого искусственного) города мира.

К вечеру приехала машина, но это не Сауд и не Рашид, привезли продукты и какие-то вещи.

– Это тебе! – Раиса кивнула на довольно большой пакет, который занес в шатер охранник. – Хозяин прислал.

Почему бы не сказать «Сауд»? Какое раболепие…

Я с любопытством заглянула в пакет и едва не завопила от восторга. В нем были рисовальные принадлежности – несколько наборов бумаги, карандаши (ну очень дорогие, как все у шейхов!), уголь, сангина, плотная папка, которую можно использовать вместо мольберта…

Весь вечер рисовала. Асият с изумлением наблюдала, как на чистом листе бумаги под моим карандашом постепенно проступает ее лицо.

– Какая ты талантливая!

Я вдруг заинтересовалась:

– Асият, откуда ты так хорошо знаешь английский?

– Я жила с родителями в Австралии.

– А как попала сюда, австралийцы же хорошо зарабатывают?

Я имела в виду, что в Эмиратах австралийцам платят очень хорошо, и они не трудятся в качестве прислуги.

Асият грустно покачала головой:

– Мы из Таиланда. В Австралии родители работали. А потом большой пожар… Мы с братом не могли там оставаться.

В общем, еще одна грустная история…

Очень хотелось нарисовать Сауда, но я боялась, что не смогу скрыть свой излишний интерес к принцу и не стала делать даже

наброски.

Еще Раиса принесла айфон, не самый дорогой по местным меркам – без стразов и золотого корпуса, но позволить себе такой дома я едва ли смогла бы. И что толку от возможностей айфона, если интернета здесь не было?

> ***При умопомрачительном стремлении ко всему новому и навороченному в Дубае настоящие проблемы с интернетом. Он очень дорогой и страшно медленный. Привыкшим «летать» в Сети приходится скрепя зубами ждать подключения, переключения, соединения…***
>
> ***Оптиковолоконной связи еще мало, новые кабели протягивают в основном в офисы государственных компаний или очень богатые офисы международных фирм, потому жителям достается через одного. Провайдер один – государственный, и он не торопится. Говорят, новые районы уже все с новой технологией, а вот остальные все с ADSL.***
>
> ***О всяких пустынных оазисах и говорить не стоит.***
>
> ***Очень дорогая сотовая связь, но при этом вы не увидите ни одной арабки без мобильного в руках. Это такая же привычная деталь, как абая или хорошая сумка.***
>
> ***Строгая цензура, запрещающая все, что можно запретить, например, наш «ВКонтакте», в котором нашли много вольностей сексуального плана.***
>
> ***Запрещен Скайп, наверное из-за боязни, что собеседник на другом конце света увидит лицо женщины и совратит ее на расстоянии.***
>
> ***Конечно, любые запреты находят способ обойти, но как это сделать – советовать не буду, поскольку не знаю сама.***

Почти сразу телефон зазвонил. Конечно, это был Сауд.

– Я все заказал правильно? Что-то еще нужно?

Очень хотелось сказать, чтоб вернул меня в Дубай, но я не стала обострять ситуацию. Поблагодарила от души. Он остался доволен.

– Если что-то понадобится, позвони по этому номеру, я прикажу привезти.

Раису, несомненно, задело то, что у меня с хозяином личная телефонная связь. Но она умела не выдавать свои чувства…

Честно говоря, пока моя золотая клетка не была узка в плечах и не сильно давила на макушку. Ладно, потерплю до приезда Сауда, а там договоримся.

…На следующий день после прогулки на лошади я отправилась обследовать территорию и порисовать в роще. Проходя мимо хозяйственной постройки, заметила приставленную к крыше лестницу. Крыши, как везде в жарком климате, плоские, ровные. Здесь нет дождей, нет необходимости делать скаты и отливы.

Любопытство толкнуло меня к лестнице. Все какое-то развлечение.

На крыше оказались ровными рядами разложены на просушку финики. Вся крыша рыжая. Финики вообще-то оранжево-рыжие, а темно-коричневыми становятся после сушки.

Я забралась наверх, прошла между рядами. Солнце припекало основательно, как всегда делает, едва появившись в небе и до самого заката. Но посреди замечательно оранжевой крыши темное пятно тени от соседней пальмы.

Вообще-то, пальмы не растут вплотную к постройкам, им простор нужен, но эта росла. А может, построили, когда она уже стояла на месте? Как бы то ни было, посреди рыжего пространства имелась тень, где можно посидеть, спрятавшись от всего оазиса. Мстительно подумалось: пусть поищут, потом вспомнила об Асият и решила, что это жестоко по отношению к ней.

Ничего, сарай, крыша, финики и тень от пальмы никуда не денутся, я вернусь с альбомом и карандашами завтра. Зато теперь у меня был свой уголок, недоступный для остальных.

Я пришла туда на следующий день и приходила каждый следующий, если не уезжала из оазиса. Садилась в тени пальмы и бралась за карандаш. Рисовала по памяти все подряд, руки, истосковавшиеся по карандашу, требовали еще и еще!

Когда тень становилась слишком маленькой, чтобы в ней прятаться, возвращалась домой.

> ***В Дубае много открытых бассейнов, они на виллах, в городских кварталах между домами, при отелях…***
>
> ***И это одно из немногих мест, где в*** **июле-августе** ***воду в открытых бассейнах… охлаждают, потому что горячее солнце нагревает ее до температуры выше температуры человеческого тела.***

Меня страшно раздражала привычка девушек приходить в шатер и вести себя там как дома. Они бесцеремонно брали все подряд, рассматривали, бросали где попало…

Их было много, не приходила только Лиана и ее особо приближенная свита. Остальные, человек двадцать, по очереди отравляли мне жизнь. Возразить нельзя, мы в Аравии, где особое почтение к гостям, даже самым наглым.

Я оказалась вынуждена спрятать все, что можно испортить или чем никогда не станешь пользоваться вместе с чужими – щетки, расчески, разные мелочи из ванной… На виду оставался их любимый лак для ногтей, украшения, которые полагались мне, как и всем (зачем, я ведь не просила?), и прочее мне лично совершенно ненужное.

Я понимала, что девушкам до смерти надоело их общество в своих шатрах, к тому же любопытно, что я за птица, но мне-то каково? Сначала я была визитам даже рада, поскольку это возможность познакомиться со многими, не нарываясь на Лиану. Но быстро поняла, что визиты ею и организованы. Говорить с красавицами, озабоченными только своими надеждами или чужими успехами, практически не о чем, они даже не знали, где именно находится оазис (сюда нарочно набирали таких дур?). Рассказать мне о порядках Асият могла куда лучше, а эти являлись, как сказала моя подружка-служанка, «пощипать».

– Что пощипать, Асият?

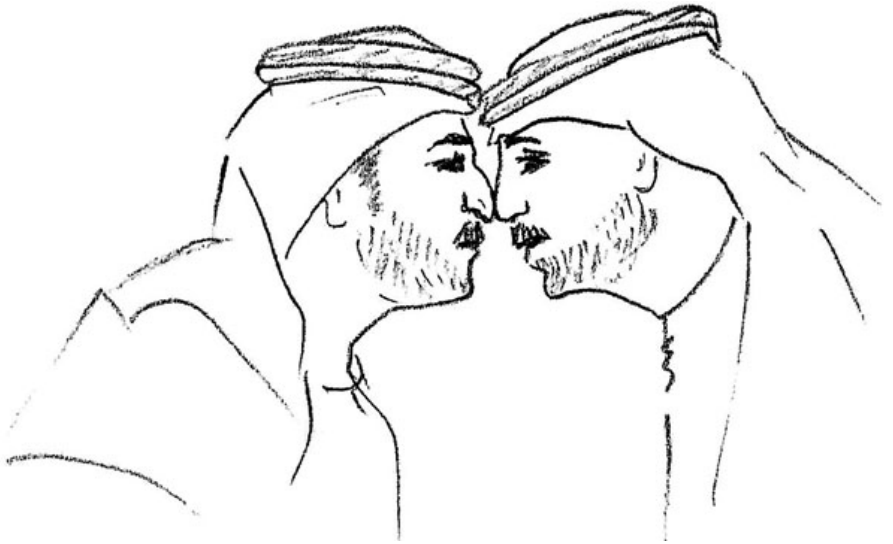
– Разве ты не видишь? Они приходят, чтобы что-то испортить.

– Да ладно тебе!

И сразу поплатилась за свое нежелание прислушаться к словам мудрой Асият.

Она налила ванну и отправилась за полотенцами к Раисе (завхоз, однако!), а я пыталась придумать, как выпроводить двух надоедливых особ, поскольку принимать ванну в их присутствии не собиралась. Был уже поздний вечер, они все не уходили и не уходили, а пена оседала…

Одна из девушек чем-то отвлекла меня в гостиной, где была вторая, не знаю, позже я поняла, что в ванной.



Традиционное арабское приветствие. Носами трутся так, что те сплющиваются!

Наконец гостьи ушли, я с облегчением вздохнула и принялась раздеваться. Что заставило меня сдуть часть пены в сторону, сейчас уже не помню, кажется, захотела посмотреть уровень воды. Очень удачно потому, что вода оказалась… синей!

Не голубой, как в бассейне из-за цвета дна, не лазурной, как в море, а просто синей в ослепительно белой ванне!

Сзади ахнула Асият. Мне в ванну вылили краситель индиго! Сунь я туда хотя бы ногу – отмывалась половину оставшейся жизни!

Я рванула пробку, чтобы выпустить воду. Потом мы с Асият в четыре руки спешно драили ванну, но голубой налет так и остался. Это окончательно вывело меня из себя, я отправила Асият за Раисой.

Та пришла, кипя от ярости, было поздно, и надсмотрщица явно собиралась спать. Недоуменно посмотрела на поголубевшую ванну, потом, видно, поняла в чем дело. Под никабом выражение лица не видно, но в глазах мелькнуло что-то грозное.

– Раиса, запретите всем этим, – я кивнула на шатры девушек, – приходить в гостевой шатер. Если они будут пакостить мне, это одно, но если испортят гостевой шатер, пострадаете и вы тоже.

Очень хотелось сказать, что я сейчас позвоню Сауду и все расскажу, но я сдержалась. Жаловаться Хозяину на мелкие пакости девушек несолидно, к тому же такой рычаг давления стоило оставить на более серьезный случай. Я не сомневалась, что он произойдет.

Сработало – соседки в шатер больше ни ногой, но стали подбрасывать разную дрянь в окна.

В первый раз это была дохлая птица, из-за чего некоторое время в спальню невозможно войти от вони. Мы в трудом разыскали погибшую птичку за занавеской окна.

Второй – конский навоз.

А вот в третий… О третьем расскажу позже. Как и о том, почему и как со мной воевал весь гарем. Смертным боем воевал, между прочим.

Арабы не носят носки, ну разве что в «жуткие» морозы, когда всего 20 градусов выше нуля.

На ногах обычно кожаные шлепанцы, а надевать их с носками неудобно.

Как вы думаете, сколько шлепанцев у «нормального» локала?..

Их даже не моют – сразу выбрасывают, потому что намокшая, а потом высушенная кожа будет жесткой. В результате на стройках можно встретить чернорабочих, получающих гроши, в дорогущих кожаных шлепанцах, правда, основательно покоробленных.

К европейскому костюму локалы надевают и носки, и отменные туфли согласно последнему писку моды и от лучших дизайнеров обуви. И такие туфли выбрасывают только в случае выхода их из моды, то есть тоже часто. Куда выбрасывают, не знаю, филиппинцев в кожаных туфлях не видела.

На крыше меня в покое тоже не оставили. Когда после первого же плэнера среди разложенных фиников пришло время спускаться, оказалось, что лестницы просто нет, ее сбросили! Оставалось прыгать или звать на помощь. Я понимала, что из-за каждого куста за мной следят насмешливые глаза, так и ждут, чтобы поиздеваться.

Прикинула высоту – вполне преодолимо, можно повиснуть на руках и прыгнуть, но что делать с карандашами? Будь внизу песок или трава газона, они смягчили бы удар, но там утрамбованная земля. Карандаши можно ронять только один раз, после этого точить их будет бесполезно, даже самый жирный грифель легко ломается при ударе. А у меня с собой ничего, во что можно бы завернуть.

Пришлось оставить папку и карандаши на крыше, а самой повиснуть на руках и спрыгнуть. Лестницу я подняла, хотя и с трудом, приставила обратно, залезла снова и спустилась со своим

сокровищем.

И что теперь, не лазить на крышу? Но терять такую возможность побыть в стороне от остальных, жалко. Рисовать в шатре, куда то и дело кто-то входил со своей болтовней, невозможно.

Я вспомнила о пальме. Она росла близко к зданию, значит, по ней можно попробовать спуститься.

На следующее утро папка с бумагой и завернутые в ткань карандаши лежали в сумке за моей спиной. И когда лестница оказалась не только сброшена, но и оттащена в сторону, я попыталась спуститься по стволу пальмы. Делают же это сборщики фиников, значит, и я смогу. У меня с детства воспитан японский принцип «могу – не могу», я все могу.

– Менталитет японца:

– Если это может сделать кто-то другой, значит, это могу сделать и я.

– Если этого не может сделать никто, значит, я просто обязан это сделать. И сделаю!

Менталитет араба:

– Если это может сделать кто-то другой, вах, пусть он и делает!

– Если этого не может сделать никто, то почему должен пытаться я?

Не знаю, как японцы, но про арабов верно, араб действительно не станет делать того, что может не делать.

С точки зрения европейца это лень, а для араба – сохранение жизненной энергии.

Не знаю, как это выглядело со стороны, но я предпочитала окно своей спальни двери в шатер, каталась на лошади и залезала на крышу по стволу финиковой пальмы.

Лиана попыталась поднять меня на смех, мол, это очень женственно!

В ответ я посоветовала сбросить десяток-другой килограммов, чтобы задница проходила в окно, а лестница не развалилась от тяжести, и тоже попробовать мой способ передвижения. Это было не совсем справедливо, у Лианы если и имелись лишние килограммы, то располагались исключительно приятно – действительно на бедрах (при тонкой талии) и на груди. Но женственность какая-то рыхлая, я такую не люблю. Сауд, наверное, любит, если приезжает к Лиане.

Стоило нам с ней встретиться у фонтана или бассейна, как начиналась пикировка, за которой внимательно следил весь

гарем. Внешне все поддерживали Лиану или делали вид, что поддерживают, ведь я временная, завтра могу уехать, а она останется.

Если бы все ограничилось словесными перепалками, я участвовала бы с удовольствием, но все время моего пребывания в этом гареме мои если не жизнь, то здоровье постоянно находилось под угрозой.

Синька в ванне и убранная от крыши лестница оказались мелкими шалостями.

После того как я на замечание Лианы о моем загаре (я действительно загорела, как же иначе, если бываешь на солнце?) ответила, что лучше загар, чем прыщи на коже (я заметила, что ей приходится замазывать прыщи в зоне декольте), последовала какая-то дрянь, добавленная в баночку с моим кремом. Пострадала не я, это было время, когда излишне любопытные еще совали носы во все мои вещи. Хамса попыталась намазаться этим кремом и получила страшный ожог, навсегда изуродовавший ее симпатичное личико.

Когда я изгнала местное общество из своего шатра, последовала новая напасть.

Принимала душ, когда из него полился один кипяток! Причем лился под большим напором. И снова меня спасла случайность – в тот момент я потянулась за шампунем, который оказался не рядом, а на полочке подальше, потому успела отскочить в сторону. Но в сторону, неверно сказано, отскакивать некуда, даже прижимаясь к стенке, я получала порцию брызг. Дверца в душ с другой стороны, к ней не проскочишь без того, чтобы не обвариться. Кран закрыть тоже невозможно – между ним и мной стена кипятка.

Уважающие себя верблюды пешком не ходят

Асият, услышав мой вопль, ворвалась в ванную, но что она могла сделать? Только позвать Раису…

Я не стала ждать, когда перекроют воду, схватила шампунь и с силой швырнула его в переключатель, чтобы закрыть кран. Полностью закрыть не удалось, но появилась возможность выскочить из душа.

Раиса с изумлением оглядела ванную, больше похожую в тот момент на парную в московской бане.

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь прийти в себя после кипятка из душа.

– После чего?

Я поднялась, заматываясь большим полотенцем, и повторила, чеканя каждое слово:

– Из душа. Вдруг. Пошел. Кипяток. Только кипяток, – заметила пар от тонкой струи, все еще текущей сверху, и добавила уже спокойней: – И до сих пор идет.

Раиса попробовала подставить руку под эту струйку и отдернула.

Я не стала ждать окончания эксперимента, ушла в спальню. Она явилась следом и почти виновато попросила:

– Не говори ничего никому. Я со всеми разберусь, больше

такого не будет.

Я лишь пожала плечами.

«Такого» не было, было другое.

В распределитель воды моего шатра высыпали охру, в результате из всех кранов два дня текла ярко рыжая вода. Пострадали Асият и сантехника. Асият мы отмыли, а сантехнику я своей служанке мыть не позволила:

– Пусть тот, кто это сделал, и драит. С нас хватит синьки.

Рабочий, отвечавший за всю воду в оазисе, был вышвырнут не только отсюда, но и из страны вообще. Шатер драили четыре служанки, а воды пришлось прогнать через систему столько, что бассейн больше суток не пополнялся.

Но я все равно не пожаловалась Сауду.

– Хорошо ли живет локал?

Очень хорошо, даже если он полнейший бездельник и с шейхом его роднят только язык и сама страна.

Государство содержит своих граждан и создает им условия для содержания со стороны экспатов. Иностранец может открыть фирму только на имя местного (кроме фризон, там свободней). В результате экспат работает, а локал просто получает свою часть прибыли (иногда до 50 %), ни во что не вмешиваясь. Поверьте, экспаты даже рады, чтобы не вмешивался.

Сколько фирм можно открывать? Да сколько найдет экспатов, желающих с ним сотрудничать.

Он приехал только через неделю. Раздался звонок, и Сауд приказал (именно приказал!) выйти туда, где он меня высаживал в прошлый раз, только обязательно обуться. Пока я соображала, возмущаться или нет, он отключился. Пришлось подчиниться.

Вылезла через окно, вышла к краю оазиса и сразу увидела его машину.

– Долго собираешься или ходить разучилась?

Я огрызнулась:

– Звонок был две минуты назад.

– Садись, покажу тебе закат в пустыне.

Мы рванули куда-то прямо через барханы подальше от оазиса и шоссе.

Сауд прав, это действительно фантастическое зрелище – красное закатное солнце окрасило в такой же цвет не только нижнюю часть неба, но и песок. В Руб-эль-Хали песок и без того оранжево-красный, но теперь стал почти кроваво-красным. Такой

эффект бывает не каждый день, поняв, что сегодня именно такой вечер, Сауд и торопил меня.

Пока я стояла на верхушке бархана, зачарованно любуясь невообразимым пейзажем, Сауд фотографировал пустыню. Хотелось сказать, что такого не бывает, ни каким марсианским пейзажам не сравниться с вот этим.

Сауд ничего не стал говорить, просто позволил полюбоваться, и я была ему за это благодарна.

Солнце наполовину опустилось за дальний бархан.

– Пойдем, скоро станет темно.

Когда шли к машине, он поинтересовался:

– Красиво?

– Фантастически!

– Я говорил, что пустыня самое красивое место на Земле.

– На Земле красиво все, во что не вмешался человек.

Сауд изумленно уставился на меня, а потом расхохотался, садясь в машину:

– Твое упрямство не поддается описанию. И хорошо, что тебя не слышат в Дубае!

– Дубай великолепен, но он… он искусственный. А вот это, – я обвела рукой вокруг, – настоящее. Оно до нас было и после нас будет.

Сауд лишь кивнул.

Он не стал высаживать меня на углу, проехав к воротам, но поинтересовался:

– Ты рисовала?

– Да! Спасибо тебе.

– Покажешь?

– Если хочешь.

И снова кивок в ответ. А еще говорят, что арабы словоохотливы и любят выражаться цветисто!

Своим появлением мы изумили всех, конечно, не столько Сауд, сколько я, вышедшая из его машины.

Лиана окинула меня бешеным взглядом и бросилась к Сауду, воркуя:

– Как я соскучилась…

Я понимала, что нужно поскорей уйти в свой шатер, но Сауд все решил сам, он поцеловал Лиану в висок и приказал:

– Иди к себе, я позову, – и тут же окликнул меня: – Амаль, ты обещала показать рисунки.

В шатре я достала папку и подала ему:

– Вот.

Реакция была непонятной, Сауд перебирал листы с

удивленным видом, потом хмыкнул:

– У тебя своеобразное чувство юмора.

– Что?

Поняв, что что-то не так, я заглянула в рисунок, потом схватила второй, третий… Везде женским лицам пририсованы усы и борода, а мужские щедро украшены «стрелками» у глаз и помадой на губах, причем помадой настоящей.

Я едва не со слезами на глазах отшвыривала лист за листом. Я могла простить пакости, сделанные мне, но портить мою работу!

Когда дошло до рисунков лошадей, Сауд остановил меня. Вредители не придумали, что пририсовать здесь, или просто не хватило времени. Наверное, обнаружь я испорченными и эти листы, взорвалась бы и бросилась раздавать тумаки налево и направо. На мое счастье не пришлось.

Сауд внимательно рассматривал каждый рисунок, отложил два:

– Я возьму это.

И снова тон приказной. Он хозяин.

> ***– В Дубае НЕТ НАЛОГОВ. Государство зарабатывает на другом – лицензиях, разрешениях, тоннах бюрократических бумаг, которые требуют от экспатов.***
>
> ***За год получается немалая сумма, но, во-первых, экспат платит добровольно (никто же не заставляет получать водительские права или покупать лицензию на право приобретать алкоголь, например), во-вторых, это касается экспатов, но не локалов. Если приезжим не нравится, так скатертью дорога.***
>
> ***Не уезжают, значит, терпимо…***

…В тот же вечер в шатер принесли шкаф, больше похожий на сейф, поставили в углу гостиной, и Раиса подала мне ключ:

– Прячь свои шедевры, чтобы до них не добрались.

Я взяла стопку испорченных портретов и подала ей:

– Это прятать я не буду. Раздай их тем, кто испортил.

Конечно, она не взяла.

Когда вечером большинство по привычке собралось у фонтана, я вышла туда и положила рисунки на бортик, громко объявив:

– Испорчено не мной!

Лианы у фонтана не было, в то время как ее верная свита на месте. Это означало одно: Сауд исполнил свое обещание позвать красавицу в свой шатер.

– Хочу домой! – объявила я сама себе. – И пошли все к черту!

Оставшись одна, я впервые в жизни нарисовала карикатуру. Это действительно даже не шарж, который создают с любовью и иронией, а злая карикатура на Лиану – преувеличенно пышная грудь, один глаз полностью закрыт нависающими волосами, ресницы второго торчат словно метелки, губы выпячены.

Лиана наклеивала слишком длинные и густые ресницы, которые разве что не шуршали при движении век, и губы старательно выпячивала, чтобы выглядели более пухлыми. Это портило ее внешность, но кто мог подсказать самоуверенной красавице? Настоль опасный для жизни поступок мог решиться только один человек, но ему, видно, нравилось.

Я разочаровалась во вкусе Сауда и твердо решила завтра же попросить вернуть меня на место, то есть, на улицы Дубая.

Но на следующий день поговорить не удалось.

С рассветом я привычно отправилась на прогулку на Амаль. Лошадь любила наши поездки, я позволяла ей двигаться с той скоростью, какая нравится, а обратно мы обязательно часть пути шли медленным шагом, я гладила красавицу по шее, рассказывала ей, как хорошо в России, как бы ей там

понравилось… Говорила по-русски, но мне казалось, что Амаль все понимает. Верно говорят, что с животными может разговаривать любой и на любом языке, они способны общаться на уровне эмоций.

Мы не проехали и половины пути к шоссе, как сзади послышался шум мотора – Сауд спешил обратно в Дубай. Или в какой-то другой гарем? Все могло быть.

Я решила, что встреча на дороге хороший повод напомнить о своем возвращении, но вышло все не так. Остановив машину рядом со мной, он поприветствовал и вдруг поинтересовался:

– Хочешь посмотреть верблюжьи бега?

– Что?

Ну и переходы! После постели с Лианой интересоваться у меня посреди дороги верблюжьими бегами…

– Через неделю поедем смотреть настоящих верблюдов и настоящих бедуинов. Я позвоню.

Махнул рукой и уехал, оставив нас с Амаль в смятении.

Не все локалы одинаковы, встречаются и нетипичные, желающие не только получить образование, но и работать.

Далеко не все экспаты – владельцы бизнеса рады такому рвению. Нередко локал на работе – это море проблем, а не принять его на должность, которую возжелал, нельзя. Для этого нередко приходится либо увольнять имеющего опыт работы отличного сотрудника-экспата, либо дублировать должность, создавая еще одну для местного.

Если учесть, что зарплата локала всенепременно в два раза больше зарплаты экспата на такой же должности, то дублирование «стоит» тройной оплаты.

От проблем в плане выполнения самой работы обычно спасает график локалов. Дубайские учреждения работают с 7–8 часов утра до 12—13 часов и позже с 16 до 20 часов. Перерыв на долгую сиесту вынужденный. «Нормальный» локал появляется на своем месте к 10, пьет кофе, общается с сотрудниками либо с кем-то по телефону и отбывает восвояси с началом сиесты. Возвращаться он не считает нужным.

Это вовсе не значит, что все локалы бездельники и лентяи. Но абсолютно точно все они считают, что Аллах подарил им за какие-то заслуги возможность

родиться локалами, и вовсю пользуются этим подарком. А на всех обделенных такой милостью Всевышнего смотрят чуть свысока.

Асият предупредила:

– Хозяин в этот раз не позвал Лиану ночью, потому она злая-злая! Будь осторожна.

– С чего ты взяла, что не звал, ее же не было вечером у фонтана?

– Не сидеть у фонтана не значит быть с хозяином.

Мне почему-то очень захотелось расцеловать Асият за такую весть.

День выдался ужасным – нас накрыла песчаная буря. Я первые видела такое и была впечатлена.

Казалось, Руб-эль-Хали решила попросту погрести наш оазис под песком. Если вы хоть переживали настоящий снежный буран (буран – это метель в степи, когда ветер много сильней и деться некуда), попробуйте представить, что вместо снега песок. Только снег, набивающийся в нос, растает от дыхания, а тот, что во рту, можно проглотить.

В случае пустынной бури ни проглотить, ни даже выплюнуть песок не получится. От него нет спасения, не помогают ни закрытые двери и окна, ни маски на лицах. Остается свернуться калачиком, охраняя свое дыхание, и переждать.

Мы сидели по своим шатрам, заткнув щели и содрогаясь при мысли, что ветер может снести хоть одну опору нашего, казавшегося ненадежным жилища. Позже я узнала, что это система кондиционирования современных зданий может дать сбой или забиться песком намертво, а шатры бедуинов рассчитаны и на такой ужас в том числе.

О том, что искусственный остров в виде верхушки пальмы насыпан из песка, знают многие. Но песок пустыни для такого строительства не годился. И песок, и скальную породу для основания получили… перетерев горы Эль-Хаджар. Не все, конечно, соседнему Оману осталось.

Скальная порода для основания острова взята оттуда же.

Бурю пережили, правда, в накрытый специальными полотнищами фонтан и в бассейн налетело немало песка. Он был всюду – на дорожках, кустах, листьях пальм, в тканях шатров, на водяной горке, на дне бассейна, даже в постели.

Наши красотки во главе с Лианой сидели у пустого фонтана,

сгорбившись, ждали, когда слуги уберут их шатры. Я ждать не собиралась и принялась работать вместе с Асият. Та перепуганно замахала руками:

– Не нужно, я справлюсь!

– А я что буду делать в это время?

Глядя, как мы с Асият вытряхиваем свои занавески, покрывала, постель и выбиваем многочисленные подушки, девушки одна за другой присоединялись к своим служанкам. Конечно, лучше помочь и поскорей вернуться к нормальной жизни, чем сидеть и ждать, пока другие все сделают.

В конце концов, у фонтана остались только Лиана и ее верная свита из трех девушек – те, кто жил в их шатре. Мы уже привели жилье в порядок и занялись другими делами (я отправилась проведать свою лошадку), а они все сидели у фонтана.

С этого дня начался «переток» красавиц на мою сторону. Честно говоря, мне было все равно и даже не нужно, но кто спрашивал? Девушки подходили одна за другой и рассказывали разные страсти о давлении на них Лианы и ее компании, предупреждали, чтобы была с ней осторожней. Я откровенно сообщала, что проживу здесь только месяц, а вот Лиана останется надолго, мол, стоит ли портить с ней отношения?

Но пара «тайн» меня заинтересовала. Даже за оставшиеся дни я могла ими воспользоваться в своих интересах.

Во-первых, мне по секрету сказали, что Лиана до смерти боится воды. Я не поверила, но решила понаблюдать.

Во-вторых, поделились наблюдениями по поводу ее косметических заказов. Зачем блондинке осветляющая краска для волос? Ладно бы оттеночная, а то ведь краска.

Я сделала вид, что эти секреты меня совершенно не интересуют, как и сама Лиана, но присмотрелась и быстро поняла, что это правда. А как же все эти игры в воде, в том числе с Саудом? Но чем больше наблюдала, тем явственнее видела, что красавица либо не отпускает бортик или надувной матрас, либо не заходит в воду дальше своей груди. Что мне это давало? В глубине души я уже понимала, что, если она достанет меня по-настоящему, я ее опозорю перед всеми, затащив на глазах у Сауда на глубокую часть бассейна.

По поводу краски я еще не придумала.

Глава 4

Сауд позвонил через несколько дней и распорядился быть готовой завтра. Очень хотелось поинтересоваться, едет ли Лиана, но я сочла за благо промолчать. Если едет, я все равно ничего изменить не смогу, зато настроение себе испорчу заранее.

Все прояснилось тут же.

В шатер пришла Раиса и сообщила, чтобы я встала за два часа до рассвета и надела «вот это». Она бросила на диван абаю и никаб. Асият было велено одеться скромно и тоже быть готовой к поездке. На вопрос, кто еще едет, ответила коротко:

– Хозяин и мы с тобой. Кто тебе еще нужен?

Я с трудом сдержалась, чтобы не заверить, что мне и она-то не нужна.

Самый дорогой автопарк у… дубайской полиции – сплошные суперкары от «простеньких» Forg Mustang Shelby до Bugatti Veyron в 1001 лошадиную силу.

А как иначе догнать лихачей на какой-нибудь Aston Martin One-77? Или просто пустить пыль в глаза иностранцам?

Кстати, среди водителей полицейских суперкаров две дамы (это о забитых арабских женщинах).

Сауд действительно заехал до рассвета, и мы действительно поехали втроем.

Я впервые в жизни надела никаб и абаю. Глянув в зеркало, поняла, что нравлюсь себе. Асият настояла, чтобы я подкрасила глаза, получилось хорошо. Раиса с интересом посмотрела на меня и тоже кивнула:

– Тебе так лучше, чем растрепой.

Меня интересовала реакция Сауда. Тот даже обошел меня кругом, хмыкнул и потребовал, чтобы я села вперед рядом с ним, а Раиса сзади. Мне понравилось чувствовать себя загадочной и значимой.

Абая и никаб заставляют женщину двигаться и держаться иначе. Такое одеяния не позволяет суетиться, меняется осанка, поневоле начинаешь себя нести, как некую ценность. Мне могут возразить те, кто видел немало теток в абаях, мол, переваливаются утками, семенят и ковыляют. Тетка – да! Девушки и молодые женщины – нет!

Как определить, кто под абаей и никабом? По походке и манере держаться. Если загадочная королева, значит, молода,

если переваливается с боку на бок, значит, муж и четверо (шестеро, десятеро…) детей, ловить нечего. Правда, если женщина в абае и никабе, ловить вообще нечего, она не желает демонстрировать себя посторонним, а таковыми являются все, кто не ее семьи.

Об этих одеяниях я еще расскажу подробней, они мне жизнь спасли. А пока вернемся к верблюдам.

Сауд сообщил, что сезон верблюжьих скачек еще не начинался, он проходит осенью и зимой, когда не жарко, но мы поедем смотреть тренировочные забеги.

Сопровождающий слова взгляд подчеркивал значимость слов. Сауд желал убедиться, поняла ли я его. Я поняла одно: абы кого на эти тренировки не пускают, и задала вопрос, проливший бальзам на душу любителя верблюдов:

– Это закрытые забеги?

– Конечно! А для женщин особенно. Потому ты будешь рядом с Раисой, не отходя ни на шаг, не произнесешь лишнего слова и не сделаешь лишнего жеста.

Очень хотелось усомниться, стоит ли рисковать, может, лучше не ехать? Но я благоразумно промолчала, лишь кивнув:

– Понятно.

Мы приехали на ипподром для верблюжьих бегов в Дубае, настоящих забегов еще не было, верблюдов пока приводили в форму после жаркого лета.

Сауд строго приказал мне во всем слушать Раису, не отходить от нее ни на шаг, поскольку я без документов… Я тут же умудрилась ехидно поинтересоваться, с документами ли сама Раиса и почему мненельзя было выдать мои, на что получила продолжение совета:

– Закрой рот и открывай, только когда тебя спросят.

Вежливо, ничего не скажешь!

– Спрашивать может кто угодно или только ты?

Раиса дернула меня за руку:

– Прекрати!

– Нет, правда, на Раисины вопросы отвечать?

Сауд приблизил свое лицо к моему и четко произнес:

– На Раисины можно.

В его глазах плясали огоньки. Я продолжила ерничать:

– Спасибо, разъяснил. Раиса, задавай вопросы, отвечать буду.

Та усмехнулась:

– Когда ты замолчишь?

А Сауд вздохнул:

– В следующий раз зашьешь ей рот или заклеишь скотчем.

Я мысленно скрутила им фигу: следующего раза не будет!

От пререканий меня отвлекла интересная картина – совсем рядом хозяин вел верблюда, у которого на спине… Я никогда не интересовалась верблюжьими бегами, но по ассоциации с лошадиными полагала, что на верблюде должен сидеть какой-нибудь жокей. А здесь была игрушка!

Не шучу, у игрушечного человечка имелась голова с жокейской кепкой и руки с длинным хлыстом и какой-то веревкой.

– Что это?

Сауд усмехнулся:

– Раиса, отвечай.

Та фыркнула:

– Пусть сама догадается.

Я догадалась, вернее, вспомнила, что читала вскользь: раньше жокеями были мальчишки-индусы, но падение с верблюда (на одногорбом жокею сидеть крайне неудобно) нередко приводило к травме и инвалидности, международные организации добились, чтобы детей заменили роботы.

Так вот как выглядит робот – верблюжий погонщик!

Зачем арабу верблюд?

Не арабу вообще, а конкретно современному арабу, получившему высшее образование в Европе или Америке и живущему на сто двадцатом этаже небоскреба в Дубае?

Для престижа.

Конечно, верблюда не поставишь на полку и не станешь выгуливать на поводке в соседнем парке. Но им можно гордиться. Хвастать. На нем можно заработать.

Коран запрещает азартные игры, потому никаких ставок, выигрышей, проигрышей и потери состояния нет, какой же заработок?

Но заводчик победившего скакового верблюда получит больше заказов на покупку следующих, а тренер, хорошо им управлявший, повысит свой тариф за тренировки. Престиж дорогого стоит, и те, у кого есть деньги, готовы за него платить.

В Дубае бега проводятся в прохладное время года дважды в неделю, вход бесплатный. Впечатление получите яркое – от топота полутора десятков животных, вес которых превышает сотню килограммов, дрожит земля.

Бегут не очень быстро – 45–60 км/час, но если разгонятся – не остановить.

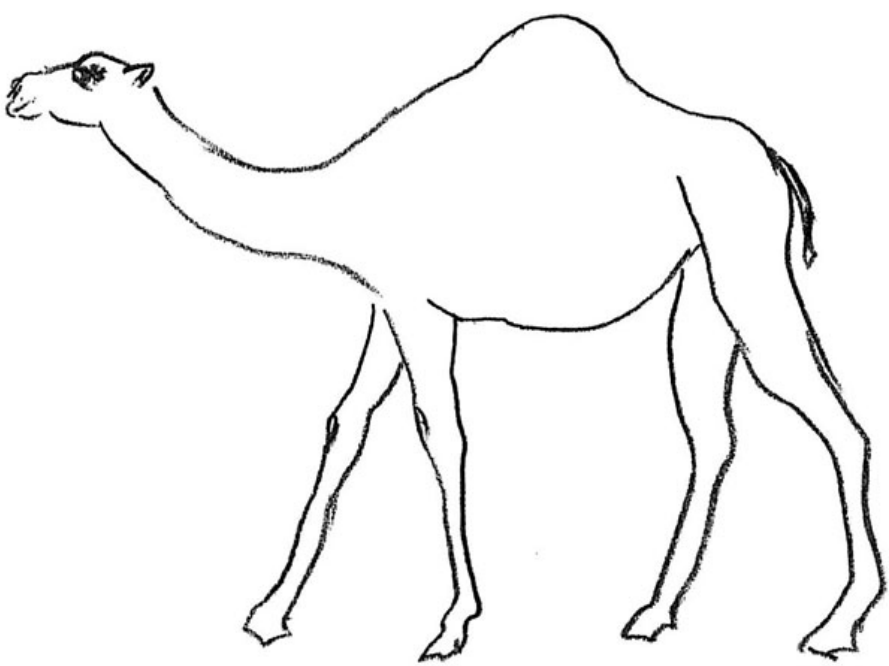
Мы с Раисой стояли в сторонке и наблюдали. Несмотря на отсутствие зрителей, забег предстоял нешуточный. Верблюд, принадлежащий Сауду, тоже должен бежать. О том, что это его животное, мы поняли, когда тренер верблюда поздоровался с Саудом, согнувшись пополам. Раиса выразительно посмотрела на меня, мол, вот как здороваются с хозяином. Я пожала плечами, да пусть хоть сандалии лижут, мне-то что?

А потом мы увидели неприятную сцену, поверить в которую я не сразу смогла.

Беговой верблюд, на мой взгляд, состоит из ног и морды, остального я практически не заметила. Таких ног нет ни у одной модели, они длинные-длин ные! Понятно, что сломать ногу – значит выбыть из соревнований на весь сезон.

Когда идет забег, машины с тренерами едут по специальной полосе, и те с пульта управляют роботами, вернее, их хлыстами. Шлепнуть сильней или слабей, слева или справа… От тренера и его слаженности в животным многое зависит, не ногами едиными бежит верблюд, но и тренерским чутьем.

Находясь на расстоянии, трудно точно определить силу удара, тренер во многом работает по наитию. Может и погубить верблюда, столкнув его с другим.



Беговой верблюд – это ноги. Остальное лишь приложение

Что и произошло. Сезон только начинался, сработанность еще слабая, кто-то из тренеров ошибся, и несколько верблюдов столкнулись между собой. Мы наблюдали за произошедшим в бинокль, несмотря на запрет, я не сдержалась и заорала, причем по-русски:

– Отворачивай!

Орать было отчего – наш тренер тоже сплоховал и вместо того, чтобы дать верблюду команду свернуть в сторону, направил его в кучу малу. Верблюд не лошадь, которая встанет на дыбы, чтобы не наступить на человека под ногами, он наступил, причем серьезно покалечив кого-то из пытавшихся вытащить свое животное из свалки.

В результате пострадал и человек, и верблюд – у одного сломана рука, у второго нога. Конечно, в толпе пострадали и другие, но мы смотрели только на своего.

Сауд ушел разбираться, а когда я снова навела бинокль на него, то увидела, как он наотмашь рукоятью своего хлыста ударил тренера и с досадой швырнул хлыст в разбитое лицо.

В машину садились молча, Сауд мрачней тучи. Только когда выехали с ипподрома, я рискнула спросить:

– Рука сильно покалечена?

– Раздроблена.

– А нога?

– До следующего сезона заживет.

Уже у нашего оазиса Сауд вдруг поинтересовался:

– Ты что кричала-то?

– Чтоб отвернул.

Он только хмыкнул. Раиса смотрела неодобрительно.

Уже остановив машину за воротами, Сауд задал еще один вопрос:

– Красивые животные?

Я согласилась:

– Да. Но лошади лучше.

Вслед мне несся довольный смех…

Когда Раиса сообщила, что завтра будут гости и потребовала привести себя в порядок, я разволновалась, хотя вида старалась не подавать. И все же спросить пришлось:

– Куда денут меня, если будут гости? Шатер нужно освободить?

– Нет, хозяин приказал тебя не трогать. Ты у нас особенная.

Сиди, особенная, в своем шатре и носа не высовывай.

Очень мне нужно общение с этими гостями!

На сей раз машин больше, мужчин соответственно тоже (значит, не всегда только дорогие родственники приезжают?), девушки едва успевали порхать от одного к другому.

Наружу мы с Асият не выходили, но понаблюдать в щелку я ухитрилась. Недолго – быстро надоело.

Главной задачей наших красотуль было, конечно, соблазнение. Чем больше понравишься, тем богаче получишь от мужчины подарки. Асият сказала, что кроме Сауда и Рашида двое мужчин приезжают постоянно, это двоюродные братья хозяев, а вот два других сегодня впервые.

Это было заметно и без объяснений, они с любопытством озирались, рассматривали девушек, вели себя не столь уверенно. Асият объяснила, что, судя по разговорам, у одного из новеньких праздник и этот вечер ему в подарок. Именно перед ним девушки одна за другой танцевали танец живота.

Почему-то россиянки (да и вообще европейцы) считают, что соблазнять арабского мужчину лучше всего страстным исполнением танца живота.

Смотря какого мужчину и далеко не всегда стоит и соблазнять, и танцевать тоже.

Объяснение в ответе на вопрос: танцуют ли арабские жены танец живота перед своими мужчинами?

В некоторых семьях танцуют, хотя никогда в этом не признаются.

Во-первых, как бы жена ни старалась, лучше профессионалки не станцевать (они с детства учатся); если она профессионалка, то едва ли у нее муж-локал; а если лучше не получится, то к чему позориться? Умная женщина предпочтет взирать со стороны, делая замечания.

Во-вторых, зачем стараться самой, если это может сделать другая?

Для чего нужен такой танец? Взволновать мужчине кровь? Так он все равно отправится в объятья супруги… А танцевать, возбуждая мужа для другой, вообще нелепо.

В-третьих, выйдя замуж, женщина должна доказать свою способность рожать, и как можно скорей. «Норма» – четверо детей (два сына и две дочери) на одну жену. Больше можно, меньше…

конечно, простят…

А родив четверых, редко кто бежит в спортзал подтягиваться и уплощаться. Абсолютное большинство теряет форму после рождения первенца. Какой уж тут танец живота?

Арабки очень хороши в юности, но с возрастом остаются только глаза, которые и блестят в прорези никаба. А вы-то думали, скромность?..

Действительно, абая и никаб великолепные маскхалаты, под ними не видно ни дефектов фигуры, ни других недостатков. Умная женщина, помня об этих недостатках и зная, что мужу всегда будет с кем сравнить, ни за что не станет выставлять их напоказ. Разве что умные не все…

Я любоваться этим вилянием определенных частей женских тел не стала. Вообще-то, причина была еще в том, что с нашего места хорошо виден Сауд и льнущая к нему Лиана. Это меня страшно раздражало. Чего она к нему липнет?

Ушла в ванную, чтобы там порисовать. К моему вящему неудовольствию, рука сама выводила девушек, танцующих танец живота.

Позже, когда все или почти все угомонились, я услышала возбужденные голоса из соседнего шатра, спорили Сауд и Лиана, вернее, Лиана что-то требовала. Лиана требовала у хозяина? Это перед нами она заносчивая и не знающая другого взгляда кроме презрительного, рядом с Саудом становится самой покорностью и смирением.

Что должно было случиться, чтобы она повысила голос?

Разговор шел на арабском, я ничего не поняла, но заметила, что Асият тоже прислушивается.

– О чем они?

Девушка смутилась, но объяснила:

– Это о Лейле. Она танцевала лучше всех и понравилась гостю. Хозяин решил ее отдать. Лиана против, требует, чтобы оставил здесь. Говорит, что слишком привязана к Лейле. Хозяин сердится.

Закончилось все тем, что Сауд просто выставил любовницу вон.

– Асият, что еще они говорили?

– Ничего, только о Лейле.

Я нутром чувствовала, что все не так просто. Да, Лейла из ближнего круга Лианы, но чтоб так за нее держаться, что рискнуть оспаривать волю хозяина? Молчаливую Лейлу Лиана от

себя не отпускала буквально ни на шаг, но и особенно не привечала.

– Сауд никогда раньше не отдавал своих девушек?

– Отдавал, и не раз. Надоедают ведь.

– Но никогда из окружения Лианы или против ее воли?

– Она не возражала, – удивлялась Асият. – До твоего прихода Рашид подарил ее Фатиму своему приятелю.

В другое время я бы ужаснулась самой возможности быть кому-то подаренной, но сейчас меня почему-то занимал именно факт бунта Лианы. Чем-то Лиана обязана Лейле или наоборот, что их нельзя разлучать.

– Асият, ты не знаешь, чем вообще занималась Лейла?

– Как все – болтала, спала, ела…

Не то…

– Но у нее относительно Лианы обязанности были?

– Да, она прически делала.

Разве вот такая красотуля может не понравиться?

Вот оно! Я вспомнила утверждение, что Лиана вовсе не платиновая блондинка, она красит волосы. Подкрашивать, видно, приходится часто, чтобы не заметили отросшие корни, потому среди ее заказов так много краски для волос. И делала это ей Лейла!

Заменять парикмахера значит – выдать свою тайну. Да уж, тут повысишь голос даже на хозяина.

Но Сауд настоял на своем, на следующий день Лейла уехала вместе с новым хозяином. Я не заметила, чтобы она была расстроена или подавлена. Лиана тоже держалась молодцом, несмотря на то что Сауд на нее даже не смотрел.

Возможно, мое мстительное чувство удовлетворения и сошло бы на нет, но стоило гостям уехать, как Раиса вдруг объявила, что Асият перейдет прислуживать Лиане, а мне дадут другую!

Какого черта?!

Асият выглядела просто несчастной, а я встретила Раису в нашем шатре, уперев руки в бока:

– Это приказ Сауда?

– Нет, мой, – холодно отрезала Раиса тоном, не допускающим возражений.

А мне плевать на ее тон!

– Нет! Пока Сауд сам не скажет, что меня лишают служанки, Асият никуда не пойдет!

Я понимала, почему Лиана потребовала Асият – девушка на все руки мастерица, но при этом не болтлива. Но самой Асият вовсе не хотелось к тигру в пасть. Мы общались по-дружески, я никогда не подчеркивала разницу в ее и своем положении (еще неизвестно, у кого оно хуже), выполняла часть работы вместе с ней, да и просто относилась как к приятельнице. У Лианы она была бы полура быней.

Асият удалось отстоять, Раиса после угрозы позвонить Сауду и пожаловаться смирилась и просто дала Лиане еще одну служанку, которую та немедленно выгнала.

В тот же вечер у фонтана я словно невзначай сказала Лиане, что у нее явно темнеют волосы. Ответный бешеный взгляд показал, что я в рассуждениях не ошиблась. Промолчать бы, но меня «понесло»:

– Так бывает. Знаешь, а ведь шатенки и брюнетки даже умней блондинок…

Зачем я ее дразнила? Разве можно в террариуме размахивать руками перед змеей?

Змеи кусают, и даже смертельно.

Ответ не заставил себя долго ждать.

– Желающий жить самостоятельно локал (на 100 % коренной без иностранной примеси) получает от государства квартиру (не самую большую) или беспроцентный кредит на приобретение большой.

На свадьбу подарок в $20000 и виллу (квартира не в счет), при рождении первого ребенка еще $50000. Каждый месяц мужчина получает по $2000 просто на карманные расходы. Условие одно и очень простое: жениться на соотечественнице, чтобы облагодетельствованные дети были своей крови, без примеси чужеземной.

После рождения первенца все стремятся набрать многомиллионные кредиты, поскольку после рождения третьего отпрыска долги просто списываются. Вот как повышается рождаемость!

Именно эта система вызывает споры у наших соотечественников. Одни слышали о щедрых дарах государства локалам, другие – об отсутствии таковых арабам, имеющим паспорта, но не имеющим льгот.

Так есть льготы?

Есть, но только для узкого круга избранных. Ими не принято хвастать, богатые от них отказываются либо сдают свои квартиры внаем экспатам и улетают тратить деньги в Европу.

Образование для локалов в любом университете мира оплачивает государство, лечение тоже.

Правда, этот радужный шарик постепенно сдувается, мир сотрясают один за другим экономические кризисы, и даже в Эмиратах льготы начинают если не урезать, то применять реже.

Денег, как известно, не хватает всем, даже самым богатым локалам. Только им не хватает много и на очень дорогие вещи.

…Кормили нас хорошо и досыта, но кухня местная, а у бедуинов она не слишком разнообразна. Честно говоря, козлятина изрядно надоела даже мне, что уж говорить об остальных? Я понимала девчонок, мечтательно вспоминавших национальные блюда своих кухонь или что-то съеденное в дорогих ресторанах. Именно так я поняла, что большинство наших красоток украинки, литовки, польки, белоруски и румынки. Похоже, из россиянок я одна.

Девушки ожидали, что я со своими привилегиями потребую чего-то особенного, а там и они подтянутся, но этого не произошло, я не считала себя вправе требовать от Сауда пересмотра меню, вернее, очень боялась, что мне самой это навредит.

Наш водитель Али считал себя арабом, хотя приехал откуда-то из Румынии

Это тоже сочли предательством общих интересов. Наверное, так и выглядело, только я не считала свои интересы и их общими. Все они сознательно приехали в оазис, прекрасно зная, чем и где будут заниматься. Для большинства оазис даже оказался приятной неожиданностью, поскольку ждали подпольный бордель и были на него согласны.

Поговорить не с кем и не о чем. Обсуждать склоки или недостатки чьей-то фигуры не хотелось.

«Успехи» обольщения гостей в виде золотых побрякушек тоже. Английский у всех на уровне рыночных торговцев, все делали вид, что ни слова не понимают по-русски.

Я старательно бодрилась, уговаривая себя, что это ненадолго,

что по поводу моего предназначения здесь Сауд просто пошутил, ему самому быстро надоест такое положение дел, и я уеду наконец в Дубай и улечу в Москву. Решила не вести с Сау дом философских бесед о красоте природы, вообще больше молчать, со своими подругами по несчастью тоже.

Но меня в покое не оставили. Лиана не простила мне поездки на верблюжьи бега и потери Лейлы. И хотя во втором моей вины не было, отвечать пришлось мне.

Одно за другим произошли события, поставившие мою жизнь на самую грань – грань со смертью и грань с высшим счастьем любви.

> ***Кондиционеры в Дубае везде, даже на крытых автобусных остановках, больше похожих на дорогие торговые павильоны.***
>
> ***Именно кондиционеры вынуждают дубайцев одеваться… тепло. Воздух во многих помещениях остужают до 20 и даже 18 градусов. После +50 снаружи летом такая температура кажется очень низкой.***
>
> ***Локалы ходят в абаях и дишдашах, а экспаты надевают кофты и пиджаки в помещениях и снимают их, выходя на улицу.***

Оазис состоял как бы из нескольких частей. Самая большая – это роща и прилегающие к ней постройки конюшни.

Второй большой частью были шатры девушек, из которых самый элитный – Лианы, в нем жили кроме нее еще три особо приближенные красотки, и четыре поменьше – два хозяйских и два гостевых.

Посередине центр развлечений – фонтаны, большой шатер для вечеринок, который днем обычно превращали в навес, там не было кондиционера, бассейн и фонтаны поменьше. Кусты, цветы, несколько деревьев…

У ворот – площадка для машин с навесом и вдоль ограды углом шатры обслуги, которой много, еще хозпостройки вроде той, на крышу которой лазала я, и огромная кухня. Все расположено с умом, запахи из кухни ветер всегда сносил в сторону, они не долетали до шатров, от конюшни, хотя там совсем не пахло, тоже.

Девушкам еду прислуга носила прямо в шатры, а технические работники ели где-то в пристройке к кухне. Шатер Раисы стоял ближе к нашим у бассейна. Так ей видно все, что происходит в оазисе.

Однажды я попробовала посчитать.

Двадцать четыре девушки (я двадцать пятая «вне штата»). В их четырех шатрах по две служанки, два водителя, два конюха и два рабочих в конюшне, пара вечно занятых садовников, человек, отвечающий за всю воду в оазисе и его три помощника, повара и рабочие на кухне (я насчитала шестерых) и еще несколько занятых разными поручениями вроде «раскрыть шатер» – «закрыть шатер». И над всей толпой Раиса.

Обслуги больше, чем самих наложниц, но это неудивительно. Поражало то, что ради редких вечеринок четверых мужчин (Асият сказала, что чужие не приезжают никогда, этот случай был единственным на ее памяти) в пустыне построили и содержали оазис с полусотней жителей, всех кормили, поили, обеспечивали водой, одеждой и даже развлечениями.

Конечно, бассейн от рассвета до заката закрыт пленкой, чтобы вода не испарялась и не нагревалась до кипения, но в фонтанах она журчала круглые сутки. Мы все мылись без ограничений, что-то все время стиралось, вода нужна для готовки и лошадям тоже… А вода дорога, оазисы обычно вырастают там, где есть подземные источники, из которых ее надо выкачать.

Лошади дорогущие, машины дорогущие, девушки обвешаны золотыми побрякушками, у каждой набор косметики ценой с хороший автомобиль, сантехника, мебель, посуда, ткани…

Вывод был однозначным: деньги девать некуда!

Причем это деньги «лишние», ни один семейный бюджет на такие траты не рассчитан. Интересно, знают ли их жены о нашем существовании?

Неожиданно я объявила:

– Я знаю, чем все кончится!

– Что все? – с опаской покосилась на меня Асият.

– Вот это все. – Я обвела рукой вокруг.

– Чем?

– Хозяевам надоест бросать деньги на ветер, и они просто забудут о нашем существовании. Придется выбираться отсюда пешком. – Я попыталась смягчить пилюлю: – Я хоть на лошади ездить умею. Так и быть, посажу с собой и тебя.

Асият рассмеялась:

– Пусть так, но мы не одни.

– То есть?

– Думаешь, у них один наш оазис такой?

– Не один?!

– Да, я слышала разговор, что у хозяина и его брата еще есть шатры в таком же гареме, которым владеют приезжающие к нам гости. Говорят, там еще роскошней.

Это был даже не ушат холодной воды, а ведро помоев на

голову. Сауд проводит время еще в каком-то гареме? Чтобы не думать об этом, я поинтересовалась у Асият:

– Это слуги говорят?

– Нет, Лиана и ее подруги.

– А откуда ты знаешь?

Она на мгновение замерла, потом просто пожала плечами:

– Слышала…

Я мгновенно поняла все сама:

– Асият, кому ты… помогала, пока меня не было. Ну, у кого была раньше?

– У Лианы.

Вот в чем дело! Вот почему Лиана требовала Асият обратно. Честно говоря, я могла понять ее обиду – приехала какая-то, работать не заставляют, выделили отдельный шатер, приставили Асият…

Сама Асият расценила мою задумчивость иначе:

– Амаль, я никогда не рассказываю, что происходит в твоем шатре, не выдаю твои секреты.

– Какие секреты?

– Ну… ты рисуешь левой рукой… и еду берешь тоже…

Я забыла о Лиане и прочих обитателях оазиса, изумленно вытаращила на подругу-служанку глаза.

Да, я природная левша, безжалостно переученная «добрыми» воспитательницами детского сада, а потом столь же заботливыми учителями. Писать левой «не положено», и нечего тут выделываться. Все привыкли, и ты привыкнешь, немедленно возьми ложку (ручку) в правую руку!

Конечно, в больших городах сейчас это не проблема, левшей развелось пруд пруди, но я выросла в маленьком, потому ложку держала правой рукой и писала тоже ею. А вот рисовала левой, тут мои владения, тут меня не переспорить.

– Какая разница?!

Асият опустила глаза.

– Левая рука нечистая.

Господи, на дворе третье тысячелетие, а кто-то требует, чтобы я держала чашку с кофе только правой!

– Асият, я же не мусульманка! И я совсем не боюсь, что ты проговоришься. Я тебе верю, ты лучше многих здесь.

Она только кивнула в ответ.

> ***Душ шарддаф не зря висит с правой стороны. Мусульмане всю грязную работу стараются делать левой рукой, потому она «нечистая». Следовательно, пищу берут только правой. Брать хлеб той рукой, которой… Логично.***
>
> ***Сказывается обычай кушать не вилкой и ножом, а куском лепешки. Сложив его совочком, ловко подхватывают и мясо, и овощи, и подливу.***
>
> ***Тем, кто приезжает на арабский Восток дольше, чем на неделю, стоит помнить о приоритете правой руки. Раньше даже намеренное прикосновение левой считалось оскорблением, сейчас все сгладилось, но «Восток дело тонкое» и поныне.***

Внутри родилось очередное «хочу домой!». Пусть в съемной комнате с соседками, жутко воняющими кислым молоком, которым они моют волосы, но там, где никто не диктует, какой рукой брать хлеб. Я отработаю все свои долги дома, буду рисовать день и ночь, мыть полы и даже торговать на рынке вместе с соседками по квартире, если придется, но выберусь из долговой ямы в Москве, а не в сказочной стране с дурацкими порядками и правом держать людей взаперти в пустыне вопреки их воле.

Это было не совсем так, никто меня взаперти не держал, привязывали больше черные глаза Сауда, чем удаленность оазиса

от остального мира. Вопреки своей воле я ревновала Сауда к Лиане, хотя не имела на это никакого права.

Неспособность справиться с собой, со своими чувствами вызывали досаду. Я не красавица, до Лианы и многих других мне просто далеко, но, будь я неземной красоты, Сауд оставался бы далеким. Долго ли можно прожить в гареме даже Лиане? Пройдет время, и она приестся, найдут другую… Наложница, любовница – это не жена. У мусульман и жена-то не на всю жизнь, а уж такие, как окружающие меня девушки, и вовсе на минутку.

Убеждала себя, приводя разумные доводы, и понимала, что очень хочу, чтобы эта минутка случилась и в моей жизни. Это желание заставляло оставаться в оазисе, даже не настаивая на своем возвращении в нормальный мир.

Раздвоение личности никогда и никого до добра не доводило, я частенько бывала мрачной, хотя делала все, чтобы никто этого не заметил. Уходила на свою крышу, рисовала, в том числе Сауда, а потом переделывала рисунки так, чтобы никто не узнал его черты. Глупо! От отчаянья хотелось домой еще сильней, но я тянула и тянула с серьезным разговором, понимая, что должно произойти что-то очень серьезное, чтобы решиться.

Произошло, причем одно за другим.

– В Дубае сухой закон, но несколько своеобразный.

Ислам запрещает употребление вина (Пророк не предполагал, что иноверцы придумают виски или водку), потому локалы не пьют (ха-ха…).

Туристам пить можно, если они не правоверные, но лишь в барах, ресторанах или ночных клубах. Там очень дорого и чревато неприятностями (один раз нарушишь правила – больше в страну не пустят).

Экспатам пить можно и дома тоже, но!..

Алкоголь продается в «засекреченных» магазинах, о существовании которых знает весь город. Они торгуют легально, однако ни вывески, ни рекламы вы не найдете.

Мало того, алкоголь продадут только имеющим… лицензию на его употребление. Это не шутка. Чтобы получить право покупать алкоголь, нужно заполнить заявку и приложить копии: паспорта, разрешения на жительство, трудового контракта (на арабском и английском), контракта на жилье фотографии и, конечно, некоторую сумму. При этом работодатель не должен возражать, чтобы вы выпивали в свободное

от работы время, а хозяин жилья, что вы будете делать это на принадлежащей ему съемной квартире.

Мало того, объем горячительных напитков, которые разрешат выпить за год, напрямую зависит от… заработной платы. Мало зарабатываешь – мало пьешь, то есть никто не позволит пропить всю зарплату за два дня, а потом ходить на работу пешком или питаться одними лепешками. А приобретать алкоголь получающим меньше 3000 дирхамов вообще нельзя.

Глава 5

Еду приносили в шатер на подносах под крышками, чтобы не налетел песок. Ставили на столик, а потом забирали остатки. Всего было слишком много, я протестовала, заявляя Раисе, что не съем столько, та лишь блестела серыми глазами. Как и жены в семье, наложницы должны быть обеспечены одинаково. Она предпочитала присылать мне еды больше, чем нужно, чем рисковать быть обвиненной в невыполнении этого правила.

Некоторые блюда мы с Асият просто не трогали, от других отделяли часть на свои тарелки, чтобы не портить остальное. Например, я не люблю бобовые, они почти всегда оставались нетронутыми. Мы мало ели сладостей, зато поглощали все присланные фрукты.

Я поставила перед собой чашку с жарким (как надоела эта козлятина!) и овощами, взялась за лепешку, уже сложив ее совочком, но…

Даже не могу вспомнить, что именно насторожило меня в соусе, это был какой-то блеск.

– Асият, осторожно, в еду что-то добавлено.

Мы принялись разглядывать.

Поняв, что именно лежит на куске лепешки, который я едва не отправила в рот, я не поверила своим глазам – это был тончайший осколок битого стекла!

Я схватила лист бумаги, разложила на подносе, вывалила на него содержимое миски. Мы осторожно размазали это содержимое по листу. Таких осколков оказалось несколько – крошечные стеклянные иголки, но попади любой из них мне в рот или в желудок, смерть была бы долгой и мучительной.

– Позови Раису.

Конечно, Раисе надоели мои бесконечные вызовы, но пришла, остановилась у входа:

– Что еще не так?

А я вдруг почувствовала страшную усталость, безразличие ко всему. Молча показала на стол с едой на листе и ушла в спальню.

Асият потом говорила, что она подошла, посмотрела, потрогала, тоже заметила стекло и поинтересовалась, съела ли я что-то.

– Не успела.

По приказу Раисы Асият все куда-то унесла, а сама надсмотрщица зашла ко мне:

– Тебе будут приносить еду из моего шатра. Я помню, что ты любишь.

– Никакой не надо, – отвернулась я, не в силах разговаривать. – Сегодня же попрошу Сауда вернуть меня в Дубай. Он обещал.

– Хозяин улетел и вернется через неделю. Твоя еда будет проверяться.

…В тот день я ничего не ела, не выходила из спальни. Телефон Сауда не отвечал – абонент находился вне зоны действия сети.

На следующий день, уткнувшись носом в обхваченные руками колени, я вдруг тихонько затянула «То не ветер ветку клонит…». Грустная песня, но как раз для меня.

Асият подошла, присела на краешек и слушала, как я пою.

– О чем это?

Я только махнула рукой: как выразить чужим языком тоску или грусть?

– Спой еще.

Я спела, перебрав все минорные песни, какие знала. Когда минора не осталось, пришлось перейти на мажор, потом на полный мажор, а потом…

Асият схватывала мелодию с первого раза, слова запомнить оказалось тоже не так уж сложно, а понимать не обязательно, и немного погодя из нашего шатра на весь оазис разносилось:

– Спать по-оложи-ите-е вы ме-е-е-еня-я…

Асият подхватывала:

– Калинка! Калинка! Калинка моя!..

Я не знала всех слов, мы проорали один куплет раз пять, еще больше было припевов. Потом спели «Камаринскую»:

– Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской-да…

Вдруг Асият прижала пальцы к губам и кивнула в сторону окна:

– Слушают…

Кто бы сомневался. Я что, зря орала, что ли? Мне до Шаляпина как червяку до орла, но голосовых связок не жалела.

Выйдя из шатра, я убедилась, что оазис собрался практически в полном составе, даже мой конюх выглядывал из-за куста, и Раиса стояла у входа в свой шатер. И я вдруг почувствовала такой прилив сил!..

Уперла руки в бока и поинтересовалась по-русски:

– Ну, и чего собрались?

Большинство девушек меня поняли, кто-то хихикнул.

– Концерт окончен, граждане! Пошли вон!

Последнее было сказано от души.

Я вернулась в шатер, но ни петь, ни страдать, свернувшись калачиком не стала. Теперь я знала, что делать, чтобы меня поскорей вернули в Дубай. Я буду нарушать правила на каждом шагу, вносить в сонную жизнь этого адского рая беспорядок, приводить его в шок. Еда левой рукой? Чепуха! Есть куда более действенные меры.

Первым делом я открыла краны в ванной и включила душ.

Асият изумленно заметила:

– Ты хочешь принять ванну? Но надо закрыть пробку и добавить пену. Я сейчас.

– Не надо закрывать никакую пробку. А пену можешь добавить. Пену, шампунь, все, что найдется. Давай!

– Но вода будет вытекать?

– Пусть течет. Может, мне нравится звук текущей воды?

Асият поняла мою задумку – я решила таким образом вылить как можно больше дорогой влаги.

Следующие два дня я бунтовала.

Вечером устроила еще одно показательное выступление, но теперь не пела – взяла ножницы и срезала все цветы с кустов у фонтана, побросав их в воду. Возразить никто не посмел, лишь осторожно поинтересовались:

– Зачем?

– Красиво же!

Принесенный ужин полетел в окно. Я притащила с крыши сушеных фиников, и мы с Асият вполне обошлись ими.

Раисе видно доложили о лишнем расходе воды, она пришла в наш шатер и лично закрыла все краны, пообещав:

– Еще откроешь – отключу тебе воду.

Я пожала плечами:

– Придется купаться в бассейне или фонтане.

Зря она думала, что я шучу. В ответ на повторно открытые краны воду мне действительно перекрыли, причем в бачке унитаза тоже. Ах так?!

Я устроила головомойку прямо в фонтане. Не столько мыла волосы, сколько залила весь фонтан шампунем. Мыльных пузырей получилось море, но фонтан пришлось отключить. Раиса прилюдно орала мне:

– Не смей мыться ни в фонтане, ни в бассейне!

Я только пожала плечами:

– Ладно…

И через час выкупала в бассейне свою лошадь. Амаль очень понравилось плавать, а девушки визжали так, что Раиса выскочила из своего шатра, как пробка из бутылки.

– Я запретила тебе мыться в бассейне!

– Я не моюсь, я лошадь мою. Ей-то вы не запрещали.

Раиса развернулась и бросилась прочь так быстро, как позволила абая.

Асият потом утверждала, что слышала, как она смеется. Раиса и смеется?! Такого не бывало никогда.

Сама Асият корчилась от смеха, вспоминая, как я устроила банный день посреди оазиса.

Унитаз не работал, я отправилась к Раисе:

– У меня не работает унитаз.

Она явно почувствовала возможность отыграться:

– Сама виновата. Я тебя предупреждала.

Думала, что буду просить прощения?

– Где же мне взять воду?

– Не знаю, ты у нас умная, вот и придумай. К фонтану и бассейну не подходи!

Я задумчиво пробормотала:

– Разве что питьевую брать…

Следующие два часа можно было наблюдать, как мы с Асият взятыми в кухне ведрами носили драгоценную питьевую воду в свой шатер. Успели сходить трижды, прежде чем Раиса сдалась и приказала включить воду в мой шатер.

То-то же!

Асият я посоветовала не расслабляться, у нас еще работа впереди.

После своего «труда» мы заснули только перед рассветом, а немного погодя оазис разбудил визг кого-то из девушек.

– Сработало! – порадовалась я и перевернулась на другой бок. – Чего ж так орать-то?

Честно говоря, орать было от чего – нашими стараниями вокруг фонтана было щедро удобрено конским навозом. Мы растащили почти всю кучу за конюшней. Вонь в оазисе стояла что надо! В конюшне так не пахло.

Понимая, что спать все равно не дадут, я решила прогуляться с Амаль.

Привычно выбралась из своего окна и наткнулась на девушек, вынужденных уйти в рощу, пока шла уборка. Я почувствовала укор совести из-за того, что слуги вынуждены устранять результаты нашей выходки.

Девушки стояли группками у крайних пальм рощи и с интересом наблюдали, как я обихаживаю свою Амаль, а потом птицей взлетаю в седло (уж я постаралась!). Потом пустила лошадь через ограду загона и шагом подъехала к бедолагам.

– Зачем ты это сделала?

Ух ты! Лиана впервые за месяц обратилась лично ко мне.

– Что «это»?

– Разбросала навоз.

– Навоз? Это моя лошадка отомстила за меня. – Смеясь, я похлопала Амаль по шее. Та закивала головой, словно подтверждая, что всю ночь гадила по всему оазису.

– Смотри, не поплатись, – лицо красавицы перекосила злоба.

Я подъехала как можно ближе и склонилась к ней из седла:

– Когда ты злишься, становишься некрасивой. Учти это.

Она не осталась в долгу:

– А тебе для этого и злиться не надо.

– Это неважно, ведь мне не нужно завлекать Са уда красотой.

– А чем ты его завлекаешь?

– Не я его – он меня!

Я рассмеялась и допустила ошибку, дорого стоившую не только мне – чуть пришпорила Амаль. У арабских лошадей хвост недаром прозвали петушиным, это одна из их особенностей – при малейшем волнении и просто движении хвост поднимается и развевается на ветру.

Этим хвостом и задело по лицу Лианы.

Вслед мне неслись ругательства.

О… «пся крев!» – ругательство польское. Значит, она полька? Как просто можно выявить национальность человека, всего лишь «мазнув» конским хвостом по лицу.

Я с удовольствием погоняла кобылу, не подозревая, что это в последний раз.

Раиса предупредила меня откровенно:

– Прекрати свои выходки. Из-за тебя могут пострадать другие.

– Например?

– Чего ты добиваешься?

– Хочу домой.

– Я тебе сказала, что хозяин уехал. Приедет и все решит.

Я действительно прекратила выходки. Можно бы придумать еще много что, но, во-первых, доставалось больше всего слугам, им приходилось убирать за мной, во-вторых, мне надоело. В-третьих, понятно, что Раиса постарается, чтобы Сауд вернул меня в Дубай.

Настоящее оскорбление – продемонстрировать собеседнику подошвы своей обуви. Это равносильно перчатке, брошенной в лицо дуэлянтом. Подошва – табу! Потому, закинув ногу на ногу, убедитесь, что не выставили свою подошву в чью-то сторону.

Этим пользуются арабские публичные люди, когда в телевизионном эфире разворачивают свои подошвы в сторону европейских или американских собеседников. Для американцев нормально подогнуть ногу практически щиколоткой на колено другой ноги, но если араб ответит позой, хоть отдаленно напоминающей такую, это будет означать «я плевал на тебя!». Арабская аудитория сразу поймет этот язык жестов, а то, что произносятся слова о дружбе и сотрудничестве… так это слова, слово унесет

ветер, а память о жесте останется.

Раиса оказалась права – за меня начали платить другие…

– Амаль!
– Что, Асият?
– Амаль!
– Да что случилось?

Взволнованная девушка звала меня наружу. Я ожидала там чего-то страшного вроде снежных сугробов по пояс поверх песка или пустынного джина собственной персоной, но ничего такого не увидела. Разве что оживление у конюшни.

Асият указывала рукой именно туда:

– Амаль!

Я бросилась к загону, расшвыряла в стороны любопытствующих красоток и обомлела. Моя красавица билась на земле в предсмертных судорогах!

– Что с ней?

Могла бы и не спрашивать, ясно, что лошадь отравили.

На мой немой вопрос конюх отрицательно покачал головой – спасти лошадь невозможно. Глаза моей Амаль смотрели с тоской, на губах уже выступила пена…

Я рыдала, уткнувшись лицом в лебединую шею, гладила ее,

чувствуя, как уходит из красивого тела жизнь. Амаль осталась только в моих рисунках…

Понятно, кто это сделал или по чьему приказу. Пусть бы мстила мне, но лошадь при чем?! Кулаки невольно сжались:

– Амаль, я отомщу! Я убью ее!

Поднялась и уткнулась в черную абаю – путь мне заступила Раиса:

– Прежде чем обвинять, собери доказательства.

Голос и глаза привычно холодные, но даже этот тон меня не остудил.

– Я и без доказательств знаю, что это она!

– Ты можешь знать что угодно, но это не значит, что поверят другие. Собери доказательства.

– Мне плевать на других. – Я прошипела по-русски, но Раиса все поняла, не могла не понять, такой тон перевода не требовал.

> ***В Дубае «как в Нью-Йорке» все – небоскребы, огни, дороги, людская толчея… стремление ко всему самому-самому. Самые высокие здания, самые большие торговые центры, самый большой аквариум, самый… самое… самое…***
>
> ***И все же есть то, что ни европейский, ни американский образ жизни победить не смогли. Это национальная одежда.***
>
> ***Патриотично? Не только, из одной патриотичности носить всех одинаковую одежду при наличии выбора не заставишь. Это удобно, действительно удобно.***

Уже неделю каждый вечер, а вернее ночь, Лиана в темноте пробиралась в бассейн и училась держаться на воде. Это рискованно, ведь случись что, никто не поможет, но желание чувствовать себя так же свободно, как остальные, вынуждало ее рисковать. Признать свое несовершенство при всех гордая полька не могла.

Думаю, не одна я знала об этом, хотя именно мне было легче всего такой факт обнаружить – шатры девушек далеко от бассейна, а мой рядом. В щелку окна я, смеясь, наблюдала за ее попытками стать русалкой.

Можно бы рассказать всем об этом, но я решила иначе. Простить гибель Амаль нельзя!

В бассейне тихий всплеск – это Лиана в очередной раз пыталась подружиться с водой. Как она это делала, не знаю, едва ли можно научиться плавать, держась за бортик, но мне ее

беспомощность на руку.

Я выбралась через окно наружу и за кустами прошла к бассейну. Лиана входила в воду за горкой, чтобы никто не видел, а потом пробиралась вдоль бортика в тень. Бассейн без надобности не освещался. Я еще не знала, что буду делать, но понимала, что сумею справиться с ней в воде.

Осторожно, прямо в одежде скользнула в воду, без всплеска подобралась ближе, определила направление и, глотнув как можно больше воздуха, поднырнула. Я не пловчиха и дыхание надолго задерживать не умею, потому следовало поторопиться. Но Лиана плавать вообще не умела, потому держалась недалеко.

На ее ноги я ткнулась почти сразу, схватила и рывком дернула к середине бассейна на глубину. Набранный воздух закончился, пришлось торопиться под защиту тени от горки. Барахтавшаяся посреди бассейна Лиана орала во все горло. От ворот уже бежала охрана, выглядывали, пытаясь понять, что происходит, из шатров.

Я легко выбралась на бортик и, прячась за кустами, поспешила к окну своей спальни. Вопли Лианы быстро сменили интонацию, она явно тонула, и охрана прийти на помощь не успевала. Вообще-то, я на это и рассчитывала, но в то мгновение вдруг поняла, что я убиваю человека! Какой бы дрянью она ни была, какие преступления ни совершала – это ее грех, а моим станет ее гибель. Я сознательно убивала пусть и подлую, но человеческую душу.

Не задумываясь, что делаю, я бросилась через кусты в воду. Лиану пришлось вытаскивать уже со дна. Подняла ее голову над водой, подтащила к краю, мне на помощь уже прыгнул охранник. Вдвоем мы перекинули красотку на бортик в руки подбежавших слуг.

Лиана стояла на четвереньках, выкашливая воду, которой наглоталась, а я в стороне сидела, сжавшись в комок и стуча зубами. Я чуть не совершила убийство! Настоящее, то, которое не прощает ни одно человеческое сообщество, потому что убийство сознательное.

Ко мне подбежала Асият, набросила на плечи одеяло:

– Пойдем в дом.

Еще через пять минут я стояла под струями душа и думала, как мне теперь с собой быть. Я оказалась готова даже убить, значит, наступит день, когда я это сделаю, непременно сделаю. Черт с ней, с Лианой, но я погублю саму себя. Даже если никто не узнает, даже если не возникнет ни малейшего подозрения, главное – моя совесть.

В ванную вошла Раиса, встала рядом с душем. Я закрыла

глаза, не желая ни разговаривать с ней, ни видеть эту Ворону.

– Что ты делала в бассейне?

– Спасала эту не умеющую плавать дуру!

– Сначала попытавшись ее утопить?

Я даже не задумалась о том, как она догадалась, но открыла глаза и ответила на ледяной взгляд таким же своим:

– Прежде чем обвинять, собери доказательства.

Это были ее слова, сказанные мне после гибели лошади.

Раиса усмехнулась:

– Попадешься – сгниешь в тюрьме.

Я бросила вслед черной спине:

– Все лучше, чем здесь!

И возвращаясь под струи душа, мысленно добавила:

– Поубивала бы вас всех!

Я действительно была готова совершить что-то страшное. Будь у меня автомат, вышла бы и всех перестреляла, а потом пусть сажают хоть на всю жизнь.

Жить в оазисе становилось просто невозможно. Из душа в любое мгновение мог потечь кипяток, в ванне оказаться синька, в кране – охра, в креме – яд, в воде – отрава, а в еде – стекло. Каждый кусочек следовало внимательно осмотреть, прежде чем брать в рот, воду понюхать, в шатер входить, только основательно пошумев. Яд, битое стекло, кипяток, змея, убитая лошадь – в арсенале против меня было все, а я корила себя за то, что заставила мерзавку наглотаться воды. Теперь даже жалела, что бросилась спасать, пусть бы шла ко дну!

Кажется, догадалась не только Раиса, но и Асият. Она осторожно поинтересовалась:

– Вы о чем-то поспорили с Лианой в бассейне?

Я вытаращила глаза:

– Это называется поспорили? Я не дала ей утонуть!

– А как ты попала туда?

Я показала на окно спальни:

– Видишь окно? Когда что-то происходит в бассейне, из него не только слышно, но и видно. А в окна я лажу хорошо.

Это Асият знала, я частенько исчезала из шатра именно таким путем, правда, выбиралась через второе окно в сторону рощи.

На следующий день, придя в себя, Лиана решила, что ей стоит поблагодарить меня.

– Спасибо, что бросилась спасать.

Она даже сейчас не сказала «спасла», хотя наверняка знала,

что именно я достала ее из-под воды. Я твердо посмотрела в глаза сопернице:

– Зря я это сделала, нужно было не прыгать из окна и в бассейн, а оставить тебя подыхать на дне!

Сказала намеренно громко, чтобы все слышали, что я выпрыгнула из своего окна.

На Лиану наплевать, но я решила попросить Са уда немедленно отвезти меня в Дубай. Шел второй месяц моего пребывания в оазисе, а он обещал задержать всего на один. Нет, никакие черные глаза не стоят таких, как у меня, мучений.

Я не желала признаваться себе, что боюсь самого страшного – что совершу убийство. Первый раз совесть не позволила довести дело до конца, но еще пара выходок Лианы и ее команды, и моя совесть согласится с любыми доводами.

Я сторонилась всех, меня снова сторонились все. Одна часть ненавидела с самого начала, завидуя моей вольности и отдаваемому Саудом предпочтению «некрасивой выскочке», другая не могла простить спасения ненавистной им Лианы, а третьи просто боялись иметь свое мнение, но помнили, что я скоро уеду.

Лестницу от крыши больше никто не убирал, но она мне не пригождалась, я научилась ловко карабкаться по пальме.

Сидела на крыше и думала…

Раиса предупреждала, что за меня начнут платить другие. Пока это оказалась Амаль – серая красавица, не успевшая даже родить жеребенка. Но что, если от попыток убить меня и убив лошадь перейдут к Асият? Что, если следующей окажется она?!

Я поняла, что больше ничего не предприму, дождусь возвращения Сауда и, если Раиса не убедит его отправить меня в Дубай, попрошу сама. Я больше не могу оставаться в этом адском раю. Если не отправит – сбегу. Найду способ.

Сначала о мужской одежде, о женской разговор впереди.

Основа костюма – длинная белая рубашка, называемая кхандурой, а иностранцами обычно – дишдашей. Дишдаша должна быть белой, длинной (чтобы при ходьбе не мелькали тонкие или, наоборот, отекшие щиколотки) и обязательно чистой!

Носят и цветные дишдаши – бежевые, песочные и даже бледно-оливковые, но НИКОГДА с рисунком, голубые или черные.

По мнению арабов, разноцветная одежда годится

только для рабов или женщин. Не мешало бы усвоить туристам, рядящимся в бермуды с пальмами и морским пейзажем на пикантном месте, купленные во время предыдущего отпуска в Таиланде.

Голубой – цвет траура, не хотите, чтобы выражали соболезнования – спрячьте свои небесно-голубые рубашки и футболки подальше в чемодан до возвращения на родину. Конечно, локалы делают скидку на туристическую неосведомленность и не станут предлагать вам платок, чтобы вытереть слезы, заметив цвет рубашки, но все же запомните.

Все другие цвета, кроме белого, означают, что человек считает температуру слишком низкой, это зимние варианты, возможно даже из фланели. Бывает и свитерок сверху!

И впрямь, как же без утепления при 18– 20 градусах тепла?! Околеть недолго. Но все познается в сравнении, после полугода при плюс 50 в тени организм категорически отказывается понимать, что 20 градусов это тепло.

– Эй, что ты там делаешь?

Я глянула вниз. Сауд разглядывал меня, как какую-то невидаль.

– Как ты туда попала, Амаль?

– Залезла.

– Лестницы нет…

– Я по стволу пальмы.

Он посмотрел на ствол, на меня и рассмеялся. Ослепительно белая улыбка вкупе с угольно-черными глазами и черными ресницами… Ммм…

– Почему грустишь?

– У меня погибла лошадь.

– Вот именно. Слезай, поедем покупать новую.

При этом Сауд протянул руки, готовясь принять меня, если спрыгну.

Положение дурацкое. Слезать по пальме нелепо, но если прыгну, то попаду к нему прямо в объятья.

И все же прыгать пришлось. Сауд поймал меня, и на мгновение я оказалась точно в такой же позе, какой была тогда в бассейне в его руках Лиана, разве что Сауд не собирался целовать мою грудь. Грудь – это громко сказано, всего лишь обозначение, с какой стороны застежка у куртки, как говорил мой приятель в Москве.

Поставил на ноги, спокойно объяснил:

– Я такую лошадь нашел!.. Точная копия твоей. Скажи Раисе, что я жду вас в машине на углу. Вас двоих.

Сауд был близко, слишком близко, чтобы не ощутить его волнение и желание. Казалось, еще мгновение, и мы просто сольемся в поцелуе. Очень романтично – целоваться за сараем! А я вдруг поняла, что согласна и за сараем, лишь бы с Саудом.

Не случилось, он первым пришел в себя, отпустил мою талию

и направился в сторону рощи. Я едва не двинулась следом, ведомая умопомрачительным запахом его духов. Да, духов, а не дешевого одеколона. Арабские мужчины знают в этом толк больше многих европейских женщин.

Дишдаша должна быть не просто белой, она ослепительно белая, отменно выглаженная и приятно пахнущая.

Достигается это просто – переодеваниями и химчисткой. В гардеробе локала среднего достатка (хм…) не меньше полусотни дишдашей. Локалы их не стирают, а отдают в химчистку, так удобней.

В машине всегда есть запас белоснежных, отутюженных дишдашей.

Все они немного сужены книзу, чтобы подчеркивать ширину плеч обладателя, а вот вороты разные, и по форме воротника и выреза нередко можно определить, откуда обладатель.

Дубайцы предпочитают вообще без воротников.

Бывают дишдаши со стойками и даже отложными воротниками, как у европейских рубашек.

Если дишдаша без воротника, то к вырезу горловины изнутри можно прикрепить и откинуть наружу узкий «галстучек». Вот его-то и пропитывают духами. Рубашку можно сменить, а «галстучек» пристегнуть к следующей, тогда (при чистоте всего остального) мужчина будет весь день отменно пахнуть.

На сей раз мы отправились в Шарджу на конюшню, принадлежащую шейху Мохаммеду, правителю Дубая. Шейх и его семья любят и знают лошадей, у шейха одна из лучших конюшен в мире.

Снова абая и никаб, снова приказ не болтать и вести себя скромно. Но у меня самой настроение было не то, после гибели Амаль шутить не хотелось совсем.

Я ожидала увидеть здание из стекла и бетона, как все в Дубае, но конюшня, к моему изумлению, оказалась весьма скромной. Зато лошади в ней!.. Я даже застонала:

– Можно, я здесь жить останусь?

Сауд покачал головой:

– Здесь женщин не держат.

– А она? – Я кивнула на гнедую красавицу.

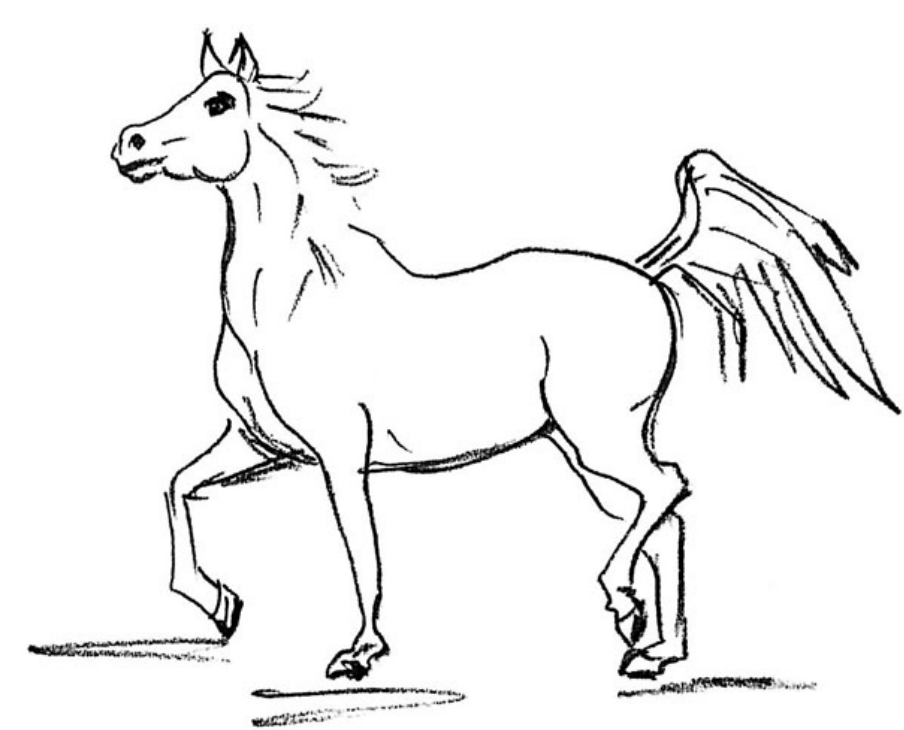
Сауд в ответ только хмыкнул.

Он провел для нас настоящую экскурсию – мы посмотрели,

как купают коня, как ухаживают за великолепным хвостом, как чистят, кормят… Сауд ничего не объяснял, просто вел нас за собой и время от времени останавливался. Раису это в принципе не интересовало, а я понимала без слов.

Ничего особенного, все как в хорошей конюшне, разве что не утеплено, скорее наоборот.

Заинтересовали занятия на площадке. По отменному газону конюх по кругу гонял вороного красавца. Конь бежал не спеша, легко перебирая тонкими ногами, и вдруг… Какие-то идиоты принялись носиться вокруг загона с длинными шестами в руках, на концах которых прикреплены обрезки белых канатов и…



у одного из них пакет типа майки. При резких движениях пакет громко хлопал, конь шарахался в сторону, взбрыкивал, даже вставал на дыбы.

– Что они делают? Пугают же!

– А как иначе его в движении покажешь. Зато хвост каков!

Хвост действительно петушиный, развевался при малейшем движении.

В конце экскурсии даже Раиса прониклась, стала разглядывать лошадей внимательно. Словно что-то предчувствуя, она сначала отказалась заходить в конюшню:

– Не люблю запах навоза.

– Где ты навоз унюхала? – возмутилась я.

В конюшне действительно пахло отнюдь не навозом. Я заподозрила, что шейх покупает для своих лошадок духи в лучших бутиках. Или для них специально создали лошадиные.

Стойла просторные, не стойла, а целые комнаты.

Мне понравились двери у стойл – кованые ворота с провалом посередине, чтобы лошади было удобно высовывать любопытную морду.

А морды… песня! У арабской породы морда особенная, пирамидальной формы, в меру маленькая на длинной изящной шее.

Сауд показал лошадь, действительно похожую на погибшую Амаль, только чуть моложе. Звали ее Юлдуз – Звездочка. Тоже хорошее имя.

На голове у локала непременная вязанная шапочка – гафия. Белоснежная и нерастянутая.

Как вы думаете, сколько этих шапочек у «нормального» локала?

Поверх гафии гутра – большой платок (белый, молочный или в мелкую красную клетку), которую удерживает двойной жгут икала, обычно черного цвета. Икалы бывают украшенными несколькими вставками вроде пушистых шариков.

От постоянного ношения, гафии еще и прижатой гутрой и икалом, большинство мужчин после тридцати начинают активно лысеть (а не арабы не так?).

К тому же им очень идут эти головные уборы, которые подчеркивают роскошь ресниц, разлет бровей и белки больших темных глаз.

И вообще, араб без головного убора – не араб! И солнце тут ни при чем.

Сауд ушел разговаривать с конюхом, я стояла, поглаживая шею Юлдуз, а Раиса через два стойла любезничала с тем самым вороным, которого пугали на площадке. Причину того, что произошло дальше, я поняла нескоро, но отреагировала быстро.

Услышав вскрик Раисы, я обернулась и увидела ее сидящей на корточках с лицом, спрятанным в колени. Руки судорожно натягивали на голову абаю.

– Раиса, что?! Лошадь укусила?

Она лишь прохрипела:

– Никаб…

Но я уже все поняла сама – лошадь почему-то зацепила шейлу и никаб женщины и, видно, стянула с головы. Черная ткань валялась под копытами скакуна, которого бросился успокаивать конюх. Ситуация грозила неприятностями, никому не позволено пугать драгоценных животных шейха Мухаммеда.

Раису необходимо увести подальше, а она отказывалась не только взять взамен своего никаба мой шарф, чтобы соорудить хиджаб, но даже подняться на ноги:

– Нет.

В голосе столько муки, что я дрогнула. Она ненормальная, никто не заставляет арабских женщин прятать лица по самые ресницы, могла бы просто надеть платок. Но раздумывать некогда, я решительно стянула с головы собственный никаб и подала ей:

– Держи.

Пока Раиса натягивала его на себя, я быстро заплела волосы в косу и спрятала под абаю, а шарф попыталась превратить в хиджаб. Сделать это без зеркала нелегко, на помощь пришла моя надсмотрщица. Встретившись с ней взглядом, я обомлела – стальные глаза были полны слез благодарности:

– Спасибо.

Сауд словно и не заметил происшествия. Впрочем, какое дело хозяину до проблем Раисы?

Он купил Юлдуз, через несколько дней наш конюх Мехмед должен приехать за лошадью, чтобы доставить ее к нам в оазис. Я представляла восторг горевавшего из-за гибели Амаль конюха.

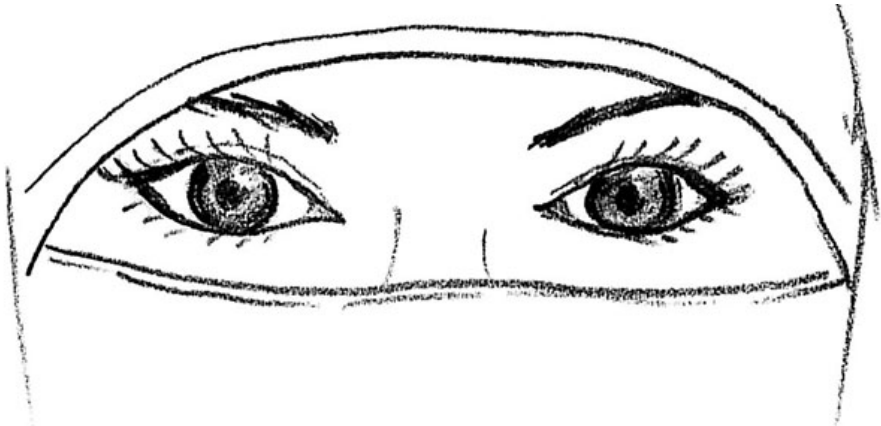
На мой вопрос, сколько стоит Юлдуз, Салим только отмахнулся. Улучив момент, ответила Раиса:

– Полмиллиона.

– Чего полмиллиона?

– Долларов, конечно.

Я ахнула и сникла. На такую дорогую лошадь мне едва ли позволят еще раз посмотреть, не то что сесть.



Мы видели Раису всегда такой…

И все-таки решилась, просительно поинтересовалась у Сауда, разрешит ли он мне хоть разок сесть в седло Юлдуз, если та, конечно, вообще будет под седлом. Сауд изумленно воззрился на меня:

– А для кого я ее купил?

– Ты купил Юлдуз, чтобы я могла совершать на ней прогулки, как делала это на Амаль?

Он еще пару мгновений смотрел на меня, потом повернулся к Раисе:

– Объясни ей, что я не развожу лошадей. Они в моих конюшнях для того, чтобы ездить.

Сауд не стал заезжать в оазис, высадив нас на хорошо знакомом мне углу у рощи. Я решила, что он боится застрять с Лианой, но пока мы шли до шатров, Раиса успела опровергнуть мои измышления:

– Он на Лиану сердит из-за Амаль.

– Сауд догадывается, кто виноват в гибели Амаль?

– Конечно, знает! Хозяин умней, чем ты о нем думаешь.

Это хорошо и плохо. То есть что сердит, очень даже хорошо, но всего лишь сердит – это означало, что Лиана столь дорога Сауду, что он лишь пожурил фаворитку за потерю дорогой лошади. Я прекрасно понимала, что Амаль стоит немного дешевле Юлдуз.

– Он никогда не разбирается в противостоянии женщин в гареме?

Раиса фыркнула:

– Конечно, нет! Какой уважающий себя мужчина станет этим заниматься?!

Почему-то мелькнула мысль, что это стоит запомнить. Зачем,

не знала сама.

Когда мы подошли к нашему шатру, Раиса вдруг замерла:

– Стой! Где Асият?

– Вон. – Я кивнула на девушку, щебетавшую с подругами у фонтана.

– К окну не подходи и в шатер не входи. Вообще не двигайся.

– Почему?

– Стой, я сказала!

Оставалось только изумляться. Раиса скользнула за бассейном к своему шатру и вскоре появилась обратно. Походка у нее была немного странной, женщина словно что-то прятала под абаей. На приветствия девушек только махнула рукой, мол, не до вас.

Она осторожно подошла ко мне, кивнула на шатер:

– Ничего не слышишь?

Если честно, я слышала какой-то шорох.

Не дожидаясь моего ответа, Раиса шагнула к окну, что-то вытащила из-под абаи и швырнула внутрь. Мне показалось, что это животное.

Изнутри донеслись странные звуки – клекот, ворчание, мяуканье и шипение. И тут я сообразила:

– Там… змея?!

Раиса только кивнула.

Так вот к чему она прислушивалась! Я тоже уловила шорох, но и помыслить не могла, что это смертельная опасность.

Когда звуки борьбы прекратились и все стихло, Раиса еще осторожно послушала и кивком позвала меня внутрь:

– Надеюсь, она была одна…

Я не знаю, что это был за зверек, наверное, мангуст. Читала, что мангусты вовсе не охотятся на змей, разве что в случае смертельной опасности пускают против смертоносных зубов собственные очень острые и используют свою мгновенную реакцию.

Вцепившись такими зубами в горло довольно крупной змеи, зверек лежал то ли без сил, то ли вовсе бездыханным. Раиса приказала мне позвать ее приближенного работника Хосрова и молчать о том, что произошло.

Совсем недавно я возмутилась бы, подняв крик на весь оазис, но сейчас лишь кивнула. Я в другом, чужом мире, причем чужом не из-за пустыни вокруг, а из-за ставки в соперничестве. Здесь ставка – сама жизнь, причем необязательно моя. Ведь войди в шатер первой Асият – погибла бы она!

Не удалось погубить меня стеклом в еде – решили убить

змеиным ядом. И ведь не придерешься. Никто ничего не видел и не знает. Змеи не подотчетны, ползают себе где хотят.

Раиса собрала всех, кроме меня. Асият потом рассказала, о чем шел разговор.

Раиса сказала, что знает, кто это сделал, и почему тоже знает. Объявила, что, если будет еще одна попытка даже не убить, а просто навредить мне, обо всем станет известно хозяину. Обо мне сказала, что я скоро уеду, потому нет смысла пытаться меня убить, чтобы при этом погибнуть тоже.

А еще приказала не приближаться ни ко мне, ни к Асият, ни к нашему шатру.

– Даже если это сделает та, которая пока ни в чем не виновата, все будет свалено на нее.

Значит, Раиса знает, чьи это проделки. Я решила вынудить ее назвать имя!

Она молча выслушала, потом покачала головой:

– Ничего я тебе не назову. И хозяину жаловаться бесполезно, даже если он будет знать, то скорее пожертвует тобой, чем…

Ничего себе заявленьице!

Но она была непоколебима:

– Ты зря подозреваешь Лиану, зря пыталась ее утопить. Молчи, я знаю, что пыталась, видела все. Я же тебе сказала: сначала собери доказательства. Это не она. Лиана всего лишь наложница, а у тебя враг куда сильней.

– Кто?!

– Тебя хозяин обещал увезти в Дубай? Так добивайся этого, пусть вернет тебя в твою прежнюю жизнь.

Он щедрый в накладе не останешься. Только держись от всего этого, – она обвела взглядом оазис, – и от самого хозяина подальше. Если, конечно, жить хочешь.

Я вспомнила, что не поблагодарила за спасение.

– Спасибо, ты сегодня меня спасла…

– Ты меня тоже.

Я открыла рот, чтобы спросить, от чего именно, но увидела спину черной абаи. И чего она так рядится, вечно одни глаза видны?

В невиновность Лианы я не поверила, кому еще, как не ей, стремительно теряющей интерес Сауда, ревновать меня к нему и мстить почем зря?

К тому же помимо Лианы самой влиятельной была сама Раиса. Возможно, еще мужчины, но они не в счет, я гостей не развлекаю, они меня даже не видели ни разу. Поразмыслив, я решила, что Раиса просто выгораживает Лиану, чтобы я не нажаловалась Сауду.

С этого дня что-то изменилось, заметила и Асият:

– Раиса стала к тебе добрее.

Я понимала, что спасла Раису от чего-то очень страшного, только не понимала, от чего именно. Асият ответить не могла, заявив, что о Раисе никто и ничего не знает. Говорить даже Асият о том, что у нашей мучительницы светлые волосы, я не стала.

Немного погодя я узнала в чем дело, но прежде случилось то, что изменило всю мою последующую жизнь.

В тот вечер Сауд впервые перешагнул порог моего шатра не как хозяин, а как влюбленный мужчина.

Я уже приняла душ и расчесывала высушенные волосы. Блеска его глаз было достаточно, чтобы понять, что сейчас произойдет, Асият исчезла, словно ее в шатре никогда и не было.

Прошло немало времени, но я до сих пор помню каждое мгновение того вечера.

Идеально, когда в мужчине сочетаются сила и бережность, ласка и настойчивость, горячий темперамент и умение сдержать себя в нужный момент. А если он еще и красив, умен и принц на белом коне?

Шансов устоять у меня не было. Но я и не желала держать оборону, я устала представлять его с другой, засыпать и просыпаться с мыслями о нем, всячески эти самые мысли изгоняя.

Да, у него семья, жены и дети. Да, моя соперница в двух шагах, и она ни за что не простит мне этой минуты. Да, это всего лишь тайный гарем, а у меня скоро закончится виза.

Но я так хотела быть счастливой с Саудом хотя бы в эту ночь, хотя бы ее часть, хоть минуточку! Мне не семнадцать лет, и я могла распоряжаться своим телом, своими чувствами, своей жизнью. Если бы я только знала, что так и получится!

Нет, даже если бы точно знала будущее, тогда не поступила иначе – я ответила на страсть Сауда со всей своей страстью. Неважно, кто я и кто он, неважно, где мы – в России или Эмиратах, в квартире, роскошном шатре или просто на песке, все неважно, кроме одного – мы вместе. Были забыты различия в менталитете, гражданстве, паспортах, языке… Осталась только страсть.

Я была согласна с Саудом – пустыня лучшее место на Земле, но если ты в пустыне с любимым человеком. Даже посреди Руб-эль-Хали можно быть счастливой.

Сколько это продолжалось – миг, час, вечность? Мне показалось, что миг, но этот миг равнялся вечности.

В исламской культуре после этого принято совершать омовение, поэтому Сауд отправился в душ, а я осталась лежать, кутаясь в покрывало, несмотря на жару. Вернулся в дишдаше, присел на край постели.

– Ты уже была с мужчиной?

Я поняла, что его волнует – я не девственница. Странно задавать такой вопрос в гареме, где собраны отъявленные соблазнительницы, но я ответила:

– Я давно взрослая девочка, Сауд.

Некоторое время он молчал, потом словно на что-то решился:

– Я все равно хочу, чтобы ты стала моей женой. Я тихонечко ахнула, но Сауд сделал резкий жест рукой.

– Помолчи, я говорю! У меня есть две жены и три дочери, я хочу, чтобы ты стала третьей женой и родила сына. Ты примешь ислам.

Сауд встал, прошелся по спальне. Я послушно молчала, ожидая вопроса о согласии. Не дождалась.

– Для этого месяц будешь изучать Коран в мечети и правила поведения. Потом я покажу тебя своей семье. Надеюсь, понравишься. Быть третьей женой шейха лучше, чем одной из наложниц здесь! – в его голосе звучала насмешка. – Завтра на рассвете мы уедем в Дубай.

Он бросал мне слова, не заботясь о том, какое они производят впечатление.

Сауд ушел, а я поймала себя на том, что стучу зубами, словно от холода. Скользнувшая в шатер Асият бросилась ко мне:

– Что?! Хозяин побил тебя?

– Нет! Нет, все хорошо…

Я не знала, можно ли кому-то говорить о сделанном предложении, но потом решила, что Асият единственная, кому я вообще могу что-то сказать, к тому же она не болтлива.

– Сауд предложил мне стать его третьей женой. Только молчи об этом.

– Вах! Конечно, молчу. Ложись, я тебя укрою, поспи.

Я лежала, свернувшись калачиком, под несколькими покрывалами, которые нахлобучила на меня верная Асият, и пыталась разобраться, что же чувствую.

Шейх, настоящий принц на настоящем белом коне, человек, которому ничего не стоило подарить мне великолепную лошадь за полмиллиона, предложил стать его женой. Разве это не сказка про замарашку Золушку?

И поняла, что нет. Ничего Сауд не предлагал, он сообщил мне о своем желании, не интересуясь моим. Он хочет, чтобы я

стала его третьей женой и родила сына, но сначала нужно изучить Коран и правила поведения и стать мусульманкой. При этом ни слова о том, хочу ли этого я.

Я давно была готова к близости с ним, даже долгой близости, готова соперничать с Лианой, но стать женой?.. Оказалось, что к этому не готова.

Не знаю, что надумала бы, но в шатер вошла Раиса. Сделала знак Асият, чтобы та вышла:

– И не подслушивай. Я тебя знаю!

Теперь Раиса присела на край постели, посидела и вдруг достала из-под абаи мою сумочку с документами:

– Я знаю, что хозяин предложил тебе. Возьми, здесь твои документы.

Я чувствовала, что она хочет сказать еще что-то, но не решается.

– Осуждаешь? Я люблю его, правда, люблю.

Раиса вздохнула:

– Не осуждаю. Я бывала на твоем месте. Хочу только дать совет, хотя понимаю, что ты не послушаешь.

Я молчала, что можно ответить?

Она усмехнулась:

– Асият должна была рассказать тебе о его семье, я ее просила. Но коротко еще поясню. У Сауда семья не просто королевской крови, а полностью королевской. А первая жена и вовсе из потомков Пророка. Ты там будешь приблудной дворняжкой.

Я не сразу поверила тому, что услышала. Слова «приблудной дворняжкой» Раиса произнесла по-русски!

– Ты… ты русская?!

– Нет, белоруска, но это неважно. Я почти забыла язык, потому говорить буду по-английски. Повторяю: ты в той семье никто. Сауд решил поселить тебя со своей старшей сестрой отдельно. Салима очень хороший человек, она поможет тебе освоиться, выучить правила поведения и родословную, поводит на занятия по изучению Корана. Но никогда не задавай ей вопросов о ее собственной семье и муже.

– Почему?

– То, что я скажу, забудь сразу, но запомни.

Как можно забыть и запомнить одновременно, но я понимала, что здесь можно все.

– Салима была замужем против воли семьи за шиитом. Иранской семье по вкусу не пришлась, несмотря на свою родословную и хороший характер. Ее там обвинили в том, чего

быть просто не могло – в измене мужу. Доказать не смогли, но последовал развод и возвращение домой. Такие женщины замуж не выходят. Она живет одна и тебе сможет помочь.

– У нее есть дети?

– Если жена неугодна, дети остаются с отцом. Мужчине нужно очень постараться, чтобы детей оставили матери. Здесь приоритет отцов и мужчин вообще.

Раиса рассказывала еще о Салиме, о семье Сауда, наставляла, как себя вести, а потом вдруг объявила:

– Но я очень надеюсь, что ты им не понравишься и тебя вернут в Москву.

– Что?! – рассмеялась я.

– Поверь, ты никогда не станешь своей. И чем позже это поймешь, тем трудней будет для тебя же.

Я не сразу поняла, что тебе не нужны деньги Сауда, как этим всем. Но и то, что ты в него влюбилась, тоже плохо. Семья обязательно будет против вашего брака, а он обязан подчиниться семье. Если пойдет против воли, станет изгоем. Ни ему, ни тебе это не нужно.

– Раиса, разве мусульманин не может жениться на не мусульманке? Принимать ислам обязательно?

– Вообще-то, нет, но Сауд – наследный принц, ему нельзя иначе. Вот это станет твоей главной проблемой – ты не сможешь стать настоящей правоверной, а потому будешь в этой семье чужой. Всегда.

– Почему ты так уверенно это говоришь?

Я уже понимала, что у Раисы не все так просто, не зря она относится к Сауду как к младшему брату – заботливо и строго, но при этом почитая, как все арабки почитают своих мужчин независимо от их возраста.

– Я была замужем за членом этой семьи целых четыре месяца, я их знаю изнутри.

– А почему ты?..

Я не договорила, но она без слов поняла мой вопрос, усмехнулась и…

Я не смогла удержаться и вздрогнула, когда Раиса вдруг сняла никаб.

У нее глаза красавицы – сталь, опушенная черными ресницами. Пусть в них часто злость и даже ненависть, но глаза хороши. А вот ниже…

Все остальное было безжалостно изуродовано как попало зажившими шрамами, изрыто ими до самого подбородка!

Потерявшие форму губы усмехнулись:

– Что, страшно?

– Раиса…

Я поняла, почему она тогда в конюшне сидела, закрывшись от всех, пока я не отдала свой никаб. Поняла, от чего именно спасла ее.

– Вот что может случиться с той, которая оказалась неугодна родственнице.

– Тебя изуродовал кто-то из этой семьи?!

– Я была четвертой женой двоюродного дяди Сауда. Называть тебе его имя не буду, чтобы, если встретишься с ним, не наделала глупостей. Он не виноват, мне плеснула в лицо кислотой его вторая жена. Я уклониться успела, глаза не пострадали, а остальное…

Она уже вернула никаб на место.

– А операцию сделать?

– Здесь их не делают. Но речь не обо мне…

– Сауд знает? – Я кивнула на никаб.

– Конечно. Послушай мой совет: как бы тебе ни хотелось стать женой принца, постарайся избежать этого. Не ссорься, не обижай Сауда, достаточно не понравиться его матери. Здесь все твои документы. Не отдавай паспорт, хватит загранпаспорта, вообще, не говори, что он у тебя есть, ты не обязана была брать с собой. Им все равно, а для тебя кусок свободы.

Сколько раз потом я поблагодарила Раиса за этот совет! Как и за следующий:

– У тебя на шее был крестик. Не вздумай его кому-то показать. Особенно если решишь принять ислам. Ты ведь упрямая, уверена, что именно у тебя все получится, потому голову в петлю сунешь обязательно. Ладно, если будет совсем тошно или непонятно – звони, подскажу и помогу чем смогу.

– Раиса, почему ты так ненавидела меня?

– Как ты думаешь, птица в клетке любит соловья на ветке? Уверяю тебя – нет! Сначала я считала тебя продажной дрянью, потом, когда ты неудачно попыталась удрать, дурой, потом изощренной хищницей. Не могла понять, что же ты задумала. То, что ты к Сауду неравнодушна, бросалось в глаза с первого дня, но ты не висла на нем, как Лиана, не соблазняла.

И не уходила, хотя могла бы. А потом поняла, что ты его любишь. А я не люблю никого. Ни-ко-го!

Я улыбнулась:

– Неправда, ты любишь Сауда, но как-то по-матерински. Сколько тебе лет?

– Тридцать четыре. Он на братика моего младшего похож, только у того глаза светлые. Ты была сегодня с Саудом? А средство принимала?

Я постаралась не смотреть ей в глаза.

– Да… А что это?

– Противозачаточное. Врешь, не принимала.

– Всего-то раз.

– Иногда одного раза бывает достаточно. Ладно. Асият возьмешь с собой, она тебе пригодится. Если решишься, то учи арабский, без него трудно.

– Спасибо.

У двери Раиса вдруг обернулась:

– А Лиану он не бросит, так и будет к ней ездить.

Исчезая в двери ванной, я пробормотала:

– Поживем – увидим.

И услышала в ответ по-русски:

– Эх, девка…

Глава 6

Я понимала состояние Лианы – она никак не могла понять, радоваться или печалиться. С одной стороны, я наконец уезжала из оазиса, исчезала основная головная боль.

С другой, я уезжала не просто с хозяином, а чтобы выйти за него замуж! Этого не скрывала почему-то Раиса.

И все же Лиана вышла проводить, вероятно, чтобы убедиться, что не я вернусь через две минуты. Сауд отправился сам, а нас с Асият в Дубай отвез Али, он знал адрес.

Асият страшно переживала, где она будет жить в квартире, чтобы не мешать нам с хозяином. Сауд для нее по-прежнему хозяин.

Я заверила, что, во-первых, Сауд с нами жить не будет, во-вторых, мы будем рядом с его сестрой, в-третьих, место всегда найдется.

Я была права, место не просто нашлось, его хватило бы для половины гарема, квартира на восемьдесят третьем этаже была почти 200 метров площадью. Скромненькая такая жилплощадь, которая обычно стояла пустой и использовалась только вот в таких случаях – гостей приютить, отдельно пожить, если дома надоело, и так далее. Хотя, если домашние достали, мужчины обычно уезжали в президентские люксы отелей, а женщины… на шопинг в Европу.

Но об этом потом.

В квартире нас встретила красивая молодая женщина, одного взгляда на которую было достаточно, чтобы понять, что это сестра Сауда – те же черные омуты под густейшими ресницами, брови вразлет и четкий контур губ. У обоих хорошая форма носа, не отвлекающая от остального лица.

Они поцеловались с Саудом, причем было заметно, что радуются встрече от души. Сауд показал на меня:

– Салима, это Амаль, твоя подопечная и моя будущая жена.

Она широко улыбнулась, показав тридцать два жемчужных зуба:

– Располагайся как дома, ступай легко, Амаль.

Последовали объятья с Салимой. Она пахла чистотой и тонкими духами. А я… дорога есть дорога, даже если в машине с кондиционером.

Сауд сделал жест, предлагающий нам пройти в гостиную. Оказалось, Али просто принес мои вещи.

Асият в холле стояла, оглядываясь широко раскрытыми

глазами.

– Сауд, я же сказала, чтобы вы ничего не брали! Мы все завтра купим. Или даже сегодня.

– Это рисунки Амаль.

– Ты рисуешь?!

– Да.

– Ладно, иди, иди! – замахала Салима на Сау да. – У нас и без тебя дел полно!

Сауд позвал меня в холл, а Асият сделал знак, чтобы прошла в гостиную.

– Будь послушной девочкой и запоминай, что скажет Салима. Она плохого не посоветует.

Сауд притянул меня к себе и поцеловал так, что я потеряла дыхание. Не знаю, как долго это продолжалось, наверное, не очень, но его губы я помнила долго.

– Завтра приду.

Когда за ним закрылась дверь, в холл вышла Салима, хмыкнула:

– И ты готова выйти замуж за этого монстра? – палец указал на дверь.

– Почему монстра?

– Мой брат чудовище. Ты еще узнаешь его в постели.

Я вспомнила ночь и подумала, что либо сестра не знает брата, либо мы говорим о разных людях. Очень хотелось спросить, откуда у нее такие сведения, Салима, словно подслушав мои мысли, пояснила:

– Его жены стонали от его аппетитов.

Я с трудом сдержала улыбку, подумав, что совсем не прочь пострадать.

– …Сначала в душ! Или ты предпочитаешь ванну?

– Все равно, лишь бы вымыться после дороги.

– Хорошо. Все, что знает о тебе Сауд, знаю и я, что еще захочешь, расскажешь сама. Но больше буду рассказывать и объяснять я. Прежде чем встретиться с нашей мамой, ты должна хорошо подготовиться. Иди в душ!

Я поступила в полное распоряжение Салимы.

Она на год старше Сауда, но выглядела значительно моложе своих лет. В джинсах и блузке, с распущенными волосами и неброским макияжем, Салима больше походила на европейку, чем на арабку, хотя что я знала об арабках?

Пришлось констатировать, что ничего. Но я очень хотела узнать. Понять этот мир, научиться в нем жить, чтобы быть рядом с «монстром» Саудом и испытать на себе его «чудовищную» потенцию.

Началась учеба.

У Салимы была своя служанка – Халиса, с которой Асият быстро подружилась. Они поселились в одной комнате и все делали вместе, стоило позвать одну – прибегали обе.

Приведя себя в порядок и поев, я выдержала первый сеанс обучения, вернее, расспросов. Вопреки обещанию больше рассказывать самой в первые часы Салима задавала вопросы.

Потом мы поехали «совершать шопинг», как пояснила Салима. Я бы назвала это «зачисткой самых дорогих бутиков». Если после нашего визита там что-то и осталось, то лишь потому, что опытные владельцы бутиков были готовы к таким налетам дочери шейха.

Салима

И это при том, что Салима, оказывается, не отличалась любовью к шопингу. А те, кто отличается, вывозят грузовиками?

Салима вопросу удивилась:

– Разве можно покупать иначе? Вдруг что-то не подойдет или передумаешь? Лучше купить, а потом вернуть, чем жалеть, что не взяла.

Логично. Я не стала объяснять принцессе, что есть люди, которые сначала деньги копят, а потом идут покупать, ни к чему рассказывать человеку с другой планеты, что у нас золото на

граммы меряют, а не на килограммы или метры стенда. Каждому свое.

Салиме понравилось, как я ношу абаю и никаб, она заверила меня, что это не всем дано, некоторые ходят, как овечьи бурдюки. Сразу возник вопрос, зачем их вообще надевать в суперсовременном Дубае, где на улицах полно туристок в мини?

Неужели шейха Махасин (мать Сауда, Рашида, Салимы и еще нескольких принцев и принцесс) столь строга, что не позволяет ходить с открытым лицом?

Нет, шейха не так строга и ничего не запрещает, хотя она строго соблюдает обычаи. Конечно, муж или мать могут запретить женщине или девушке открывать лицо и фигуру, ведь даже в Коране всего лишь совет прикрывать все, что возбуждает мужчин, оставляя лицо и руки открытыми, но абаю носят вовсе не потому.

– Мы сами предпочитаем защищать себя от оскорбительных взглядов.

Я не стала говорить, что не понимаю этого, ведь не давай повода и тебя оскорблять не будут, но Салима заметила мое несогласие и решила показать на примере:

– Скажи, тебе есть дело до вон того парня, что на нас глазеет?

– Конечно нет!

– А до девушки за прилавком? А до главы семейства, которое нам только что встретилось? А до взглядов вон тех женщин?

Я «неткала» и «неткала». Действительно, какое мне дело до приставучего индуса или мужчины, везущего в коляске сразу двоих малышей? До болтающих по телефону, обернутых черной тканью девушек или мило улыбающейся продавщицы бутика? Кстати, девушки на меня не обращали внимания, а продавщица одинаково улыбалась всем.

– При чем здесь это?

– Тогда для кого ты намерена обнажаться?

– Да не собираюсь я обнажаться!

– Тогда закрой тело и голову перед чужими, а показывай только своим – мужу и его родственникам. Оглянись и посмотри, разве тебя не коробят откровенные взгляды, которые недостойные мужчины бросают на раздетых девушек? Почему им не противно, когда их ощупывают этими взглядами? Вот от чего защищает абая. Надежней, конечно, иметь мужа или охранника рядом.

Я не сдавалась.

Да, множество индусов, пакистанцев и иже с ними, истосковавшихся по своим дамам, оставленным дома, находили своеобразное удовольствие в разглядывании легко одетых

туристок и грязных намеках более скромным девушкам. От этого отчасти можно спрятаться под абаей и никабом, но зачем тогда набивать шкафы модной и очень дорогой одеждой, если в ней никуда нельзя выйти?

– Кому вы показываете то, что покупаете? Только своему зеркалу?

Салима рассмеялась:

– Вот ошибка европейки! В университете у меня были подруги, которые задавали такие вопросы. Я объясняла просто. Скажи, сколько у тебя братьев и сестер?

– Один младший брат по отцу в его втором браке. При чем здесь это?

– А у твоего отца? А у матери? Хорошо, не отвечай, просто скажи, сколько у тебя родственников, к которым ты можешь пойти на день рожденья за месяц? Немного и даже не каждый месяц, правда? А у меня по отцу восемнадцать братьев и шестнадцать сестер. У многих есть жены, мужья и дети. А еще тети и дяди, племянники, двоюродные сестры и братья. Это моя семья, понимаешь? И в этой семье каждый день у кого-то день рожденья.

Я только головой помотала, да уж… Главная проблема никого не забыть поздравить. Салима согласилась:

– Говорят, что мы любим болтать по телефону и не любим писать письма даже электронные. Но если я всем буду писать, у меня пальцы распухнут.

– А если будешь всем звонить – распухнет ухо.

Она расхохоталась:

– Ты права, иногда даже болят уши, хотя я не так много звоню. А ведь еще есть помолвки, вечеринки по поводу выздоровления, получения диплома, окончания школы, рождения детей, просто посиделки… А свадьбы?! Если ты будешь то и дело показываться в одном и том же, все решат, что твой муж обнищал.

Чтобы приманить туристов и местных на шопинг, в Дубае дважды в год проводятся грандиозные мероприятия.

Первое – в январе-феврале Дубайский торговый фестиваль, когда скидки на знаменитые бренды достигают 50—70 %!

Это время европейцев и американцев, которые толпами бродят по моллам, сметая все на своем пути.

Второе – с середины июля до конца июля Дубайские летние сюрпризы. Это месяц Рамадана, а ограничения

в пост легче переносить, будучи занятым шопингом.

Честно говоря, неделя кулинарии в такой период выглядит несколько издевательски, правда, проводить ее стараются до или после поста, и за то спасибо.

– Серьезно?

– Конечно! Мужа осудят за то, что плохо обеспечивает жену, а тебе постараются подарить полный шкаф одежды, обуви, сумок и всего остального. Мужчина просто не имеет права не поддерживать жену в шопинге.

– Значит, мне грозит беспрестанный шопинг?

– Тебе не нравится? – изумилась Салима.

Я призналась, что предпочла бы покупать книги вместо сумок или одежды, а за часы, проведенные в Дубай Молле, лучше потратила бы на рисунки.

Она смотрела на меня как на нечто диковинное:

– Сауд об этом знает?

– Думаю, догадывается.

– Вот почему он в тебя влюбился!

Я замерла от такого признания, вдруг сообразив, что от самого Сауда ни разу не услышала признания в любви.

Он пришел вечером, одобрил наши покупки, хотя продемонстрировать все не удалось, сообщил, что договорился с имамом о завтрашней беседе со мной. Провожая его, я решила хоть шуткой выманить у Сауда признание. На слова Салимы он возразил:

– Я люблю тебя не только потому, что ты необычная. Я хочу тебя! И если моя мать даст согласие на наш брак, я буду чаще здесь бывать.

Меня обдало горячей волной от одного понимания, чем Сауд мне «грозит».

Значит, согласие на наш брак должна дать его мать? Взрослый тридцатидвухлетний мужчина, у которого уже есть свои дети, должен спрашивать разрешения, чтобы взять третью по счету жену?

Салима подтвердила:

– Да, так принято. Брак должна одобрить семья, иначе получится, что человек пошел против ее воли. А главная у нас в семье мама. Отец далеко и доверяет ей в таких вопросах, знает, что она строго соблюдает традиции, никому не позволит поступить неправильно.

– Расскажи о ваших родителях.

У шейха Муслима много детей, по нашим меркам очень много – больше тридцати. Причем никаких наложниц, только жены. И никогда больше разрешенных Кораном четырех, он просто разводился с одной, чтобы взять другую.

Отдав дань деторождению, какая-то из жен покидала супружеское ложе, ее место занимала более молодая. Получившая развод супруга оставляла детей их отцу и получала полную свободу и роскошные отступные.

Меня такой факт покоробил:

– Как мать может оставить детей ради призрачной свободы?!

Салима возразила:

– Во-первых, отец всегда оговаривал это в брачных контрактах. И не он один – так поступают все. Разве у шейха Дубая Мухаммеда не так? У него детей не меньше, а жены сменяют одна другую.

– Бог с ним. Скажи, а ваша мать также?

– Разведена ли? Нет, она первая и старшая жена, у них контракт иной. К тому же у мамы слишком хорошая родословная.

Я вспомнила рассказ Асият о благородной крови матери Сауда.

– Но родители живут отдельно?

Салима нахмурилась, видно, это была открытая рана семьи.

– Шейх отдает предпочтение своей нынешней второй жене, хотя вообще-то она восьмая, и ее сыну Мансуру. Ты услышишь это имя.

Я кивнула, уже слышала. Это главный соперник Сауда в борьбе за трон.

– Мама не захотела воевать во дворце и даже бывать на разных мероприятиях рядом с той, что не бережет традиции и не считается с древностью рода, и уехала в Дубай.

Ясно, обиделась на мужа, предпочитавшего другую.

– Давно вы здесь?

– Давно. С тех вор, как шейх стал больше замечать своего третьего сына. Мама забрала всех нас и поселилась сначала в здешнем дворце, но там тесно, а потом на Пальме Джумейра. Там у нас большой дом, целый дворец только для нас – мамы, братьев с семьями, тетями и моими сестрами. Тебе там понравится. Но мама строгая, она соблюдает традиции и правила, считает, что иначе все развалится. Ты должна очень постараться понравиться ей.

Это я слышала не в первый раз.

– Постараюсь…

…На вопрос о женах Салима ответила более коротко:

– С Бушрой у тебя проблем не будет, она спокойная, а вот старшую Мозу опасайся. Она из хашимитской династии и очень гордится этим. Будь осторожна. Но Сауд тебя в обиду не даст.

Я подумала, что смогу и сама не дать себя в обиду, но предпочла промолчать. Как я считала, пока промолчать.

В ту ночь я долго не могла заснуть, и снились мне огни Дубай Молла, горы покупок и строгие шейхи, почему-то толпой вопрошающие:

– Зачем ты приехала в Эмираты?!

Но все равно я не могла понять, чем же пугала меня Раиса. Семья Сауда пока в лице Салимы показалась мне замечательной. Я была в сказке, красивой сказке – мне предложил стать его женой настоящий принц, он привез меня в роскошную квартиру, его сестра так добра и заботлива… И нужно-то всего ничего – понравиться его маме.

Судя по рассказам Салимы, шейха Махасин вовсе не дикий зверь и даже не Раиса, она строга, но справедлива. Шейха согласилась, чтобы я пожила в этой квартире, а Салима обучала меня. Я решила сделать все, чтобы понравиться матери Сауда и всем его родственникам, даже заносчивой первой жене Мозе.

Не могла поверить сама себе: я готова не только соглашаться делить Сауда с двумя другими женами, но и признавать их первенство? Где моя гордость?!

Но вспоминала руки и горячие губы Сауда и понимала, что ради него готова. Волшебство моей сказки заключалось вовсе не в огромной квартире или дворце на Пальме Джумейра, не в королевских регалиях принца, не в его белых или черных лошадях, не в возможности ездить на самых дорогих машинах или обвеситься килограммами золота и скупить все новые коллекции мировых брендов, не в родственниках королевской крови, а в самом Сауде. Его губы, его прикосновения и даже «угрозы» делали мою жизнь сказкой.

Я просто влюбилась по уши. Не в наследного принца Сауда, а в страстного мужчину, который хотел меня настолько, что готов убедить свою семью в необходимости нашего брака. То, что Сауд не пожелал сделать меня просто любовницей или оставить в гареме, как Лиану, свидетельствовало о его любви ко мне, а не просто минутной страсти.

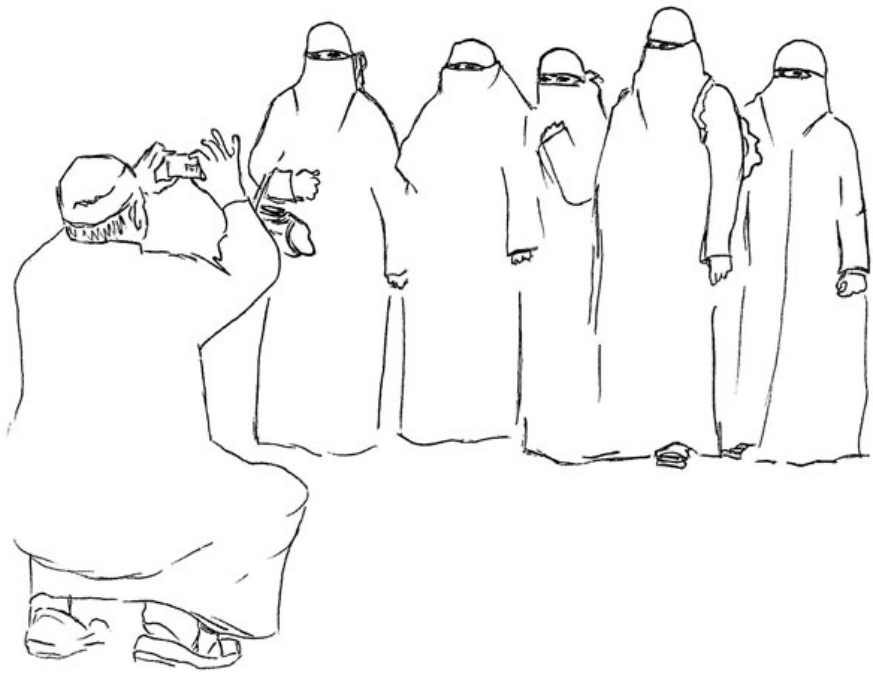
Когда-то он сказал, что для любви ему нужна Лиана, а я для бесед. Теперь я была уверена, что нужна и для любви тоже.

Я останусь такой же необычной – любящей рисовать и читать, любящей жизнь, но при этом буду соблюдать все правила и требования семьи моего любимого, чтобы ему не приходилось

разрываться между мной и семьей, подчинюсь всем этим правилам, даже излишне строгим и нелепым, чтобы не доставлять ему неприятностей, чтобы он никогда не пожалел, что после ночи любви сказал, что хочет видеть меня своей женой.

Я была полна решимости свернуть любые горы и родить десяток сыновей, только чтобы сделать счастливым Сауда, потому что без его счастья не будет и моего.

И ислам принять тоже была готова.



Я не удержалась и сфотографировала тоже. Как он их отличать на снимках будет?

…Весь следующий месяц я напряженно училась. Каждый день в определенное время Салима привозила меня в мечеть на беседу с имамом, потом следовали занятия дома. Имам объяснял мне основы Корана, учил правильно их понимать и следовать заповедям. Салима потом дома учила со мной молитвы.

У каждого свой путь к Богу, я не буду ни рассказывать, как его прошла, ни объяснять, почему выбрала или передумала. Веру не обсуждают.

Но учили меня не только Корану и совершению намаза, Салима внушала правила взаимоотношений в семье, поведения с чужими, я запоминала приветствия, рассматривала фотографии шейхов, их жен, принцев, принцесс, зазубривала имена многочисленных родственников, причем не только ныне

живущих, но и давно почивших.

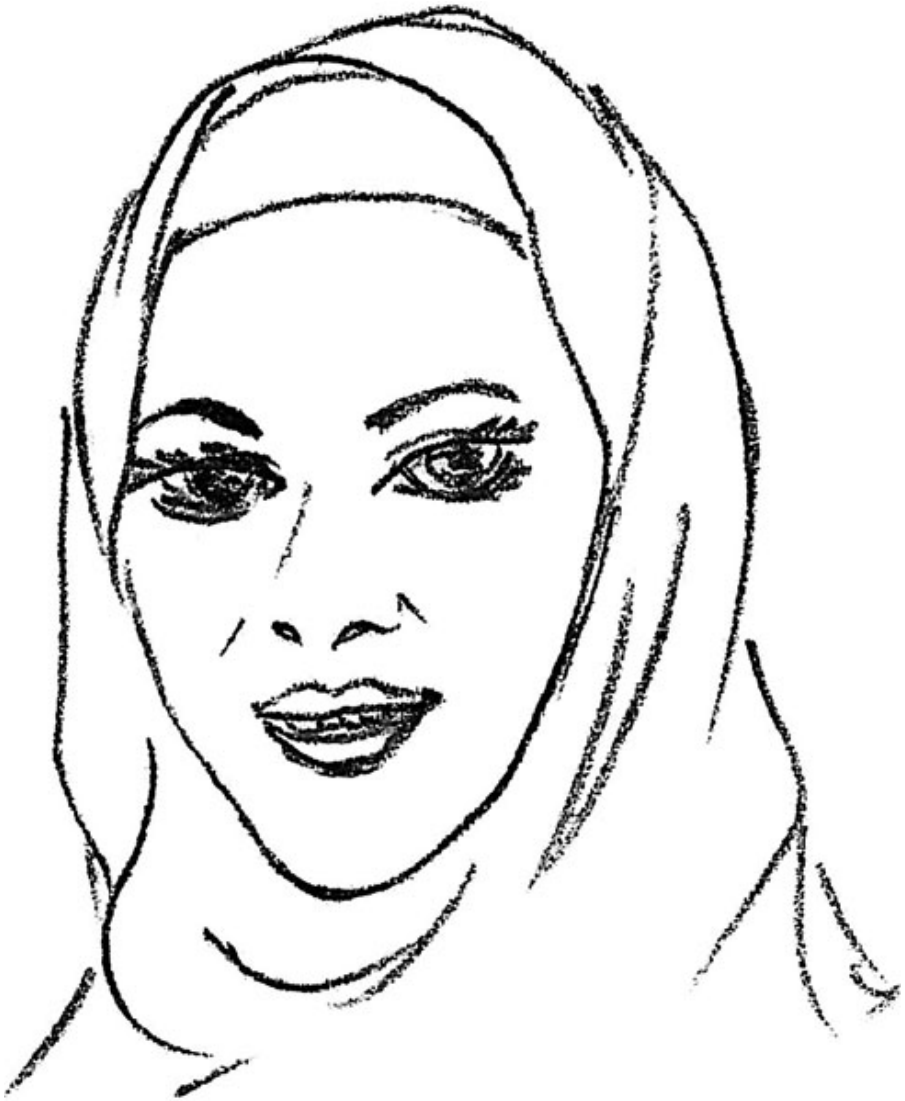
Училась красиво есть без ножа и вилки, подводить тонкой линией глаза, изящно держать в руке телефон, чтобы браслеты только позвякивали, но не сваливались до локтя, запоминала правила этикета, названия и ароматы роскошных духов и отличия сумок моделей одного года от другого в пределах одной фирмы…

Сауд приезжал каждый день, радовался моим успехам, рвению, с которым я пыталась освоиться в новой для меня жизни, а на прощание целовал так, что губы болели весь вечер. Однажды он стащил с меня блузку и оставил по следу на каждой груди. Я готова была отдаться ему прямо в холле, а он готов меня взять, но мы вовремя справились с собой. И это тоже нравилось обоим.

Несмотря на необычное место знакомства и своеобразный повод, на то, что мы уже были близки, наши отношения оставались чистыми. Поцелуи со следами на груди не самое большое преступление даже для строгой морали. Во всяком случае, я так считала.

…Но у меня появилась тайна и от него, и от Салимы.

Иметь тайну некрасиво, но пока я не была уверена, к тому же признаваться стыдно. Дело в том, что прошла неделя после определенного дня, и я началадумать, что опасения Раисы по поводу невыпитого зелья сбылись. Кажется, я беременна!



От этой женщины зависела моя судьба

Я пыталась убедить себя, что неделя задержки – это чепуха в условиях перемены климата и пережитого стресса, но в глубине души понимала, что это так. Подумав, решила, что пока ничего говорить не буду. Пусть сначала скажет свое слово шейха Маха син. Вдруг я ей не понравлюсь, чего тогда переживать?

…И вот наступил день, когда Салима и Сауд решили, что меня можно показать шейхе Махасин.

Я тряслась так, словно от мнения этой женщины зависела сама моя жизнь. Наверное, тогда так и было, я уже точно знала, что Сауд не сможет быть счастлив, если пойдет против семьи, он

очень привязан к матери и дорожит ее мнением. А я уже не смогу жить без него.

Помню последние минуты перед ее приходом. Водитель Али сообщил, что они приехали и поднимаются в лифте. Мы стояли в холле, словно гвардейцы перед выходом королевы. Сауд вдруг притянул меня к себе, прижался губами к виску и тихо произнес:

– Я женюсь на тебе, даже если она будет против!

Из моих глаз едва не брызнули слезы. По-моему, Салима услышала брата, потому что у нее тоже на глазах выступила предательская влага.

– Мама, это Амаль…

Перед нами стояла очень красивая, статная женщина с черными, как сама ночь, глазами, унаследованными ее детьми. Бывает породистая красота, которую не портят годы, такую красоту время словно шлифует, отсекая все лишнее и оставляя только совершенные черты.

Шейха Махасин именно такого типа. У меня мелькнула мысль: на кого же можно было променять эту женщину?

Полные достоинства движения, величавая сдержанность во всем. Перед ней хотелось просто встать на колени. Когда я позже сказала об этом Сауду, тот удивился:

– Мне тоже всегда хочется, хотя я ее сын.

Она что-то спрашивала, я отвечала. Я сумела скрыть все, что хотела скрыть, умудрилась не сказать глупости и, кажется, понравилась матери моего любимого.

Бред! Мне двадцать четыре года, я не ребенок и не искательница мужа, я самодостаточна и уверена в себе, но тут дрожала, как девчонка, боясь сказать не то, сделать не то, даже подумать не то.

Спокойствие пришло вдруг – после мысли о том, что в случае отказа (словно это я сваталась к Сауду, а не он ко мне) мы с ним сможем оставаться любовниками, а потом он будет прилетать ко мне в Москву. Даже озорно подумалось, что его можно раскрутить на спонсорство мультфильма.

Вот это мысленное возвращение в привычный мир без массы ограничений словно освободило меня от пут, я стала самой собой и видела не шейху с одной королевской кровью в венах, а просто красивую строгую женщину, любящую своего сына и переживающую из-за его предстоящей женитьбы.

Да, мы с ней родились и воспитаны в разных мирах, но мы любим одного и того же мужчину, только она материнской любовью, а я женской. И этот мужчина любит нас обеих, потому у

нас нет другого выхода, кроме как понравиться друг дружке. Причем она должна стараться понравиться мне не меньше, чем я ей. Сауд сказал, что готов жениться на мне вопреки мнению матери. Она не может не чувствовать этого своим сердцем.

Смена настроения явно пошла мне на пользу – я стала раскованней, смеялась, шутила, вела себя естественно.

Махасин дала высочайшее соизволение на наш брак. Шейх, не особо утруждавший себя проблемами женитьбы (да еще и третьей) старшего сына, согласился с женой.

Окончив месячный курс по изучению основ Корана, я приняла ислам.

Теперь могла состояться наша свадьба. К этому времени я не сомневалась, что ношу под сердцем ребенка от Сауда, но сказать ему об этом никак не получалось. Салима не позволила брату оставаться у нас на ночь, попросту выставив его за дверь в первый же вечер.

Я смеялась – ничего, у нас все впереди.

Свадьба была «скромненькой», гостей на 250, не больше. Для Эмиратов это действительно ничто, но мне и их хватило.

Три дня свадьбы я помню как совершеннейший кошмар днем и полнейшее счастье ночью.

Днем жить и даже двигаться приходилось по подсказке, все вокруг разговаривали по-арабски, были на одно лицо, страшно орали и почему-то считали своим долгом сообщить о надежде, что у нас с Саудом все сложится счастливо.

Ночью мы с моим принцем оставались вдвоем в той самой огромной квартире, откуда Салима уехала к себе, забрав служанок, а Асият появлялась только утром, чтобы помочь мне подготовиться к очередному дню экзекуции.

Мое свадебное платье было вот таким. И не скажешь, что свадьба арабская…

Это были ночи любви и восторга! Сауд умел получать удовольствие и дарить его, но я с каждой следующей ночью замечала, что, разгораясь, его страсть словно сжигала нежность и бережность. Муж становился все более ненасытным и от этого требовательным и даже жестким. Он желал и не терпел отказа!

Мне и в голову не приходило отказывать, тело откликалось и было готово любить снова и снова, но частенько Сауд не интересовался моими желаниями вообще. Существовало только

его «хочу».

Закончились три дня коротеньких свадебных торжеств, но мы во дворец не переехали, было решено еще на месяц оставить меня в квартире. Началась довольно странная жизнь – Сауд приходил и уходил, когда хотел, не всегда даже на ночь или утром, я же вынуждена сидеть, ожидая.

Мне хотелось куда-то поехать с ним, пусть даже на верблюжьи бега, просто погулять по Дубаю, съездить в пустыню… Но он жил своей отдельной от меня жизнью, не желая допускать в нее. Бывали минуты, когда я, устав от нелепого безделья (не все же время рисовать?), даже жалела о времени, проведенном в гареме: там у меня свободы было больше, чем здесь.

Сауд на мои стенания ответил коротко:

– Я еще не насладился тобой.

Было приятно и как-то неуютно, но я убедила себя, что это здорово.

Теперь, когда прошло немало времени, я, вспоминая события тех месяцев, понимаю, что на многое сознательно закрывала глаза, делая вид, что так и надо, либо надеясь, что все пройдет и как-то само собой разрешится.

Если Сауд был слишком жесток и даже груб, я приписывала это страсти. Если нетерпелив и не считался с моими желаниями или неготовностью, радовалась, что он уже соскучился. Не отвечал на расспросы – считала, что не хочет нагружать меня ненужной информацией, явно что-то скрывал – полагала, что у мужчины должны быть свои дела.

Он пропустил ночь и пах духами – я оправдала это тем, что у него две жены помимо меня, а такие духи могут быть не только у Лианы…

Однажды, не выдержав сомнений, позвонила Раисе. Та ответила, что хозяин трижды был здесь – один раз с гостями, еще два сам.

– Я тебя предупреждала, что он Лиану не бросит.

К тому времени когда я переехала во дворец, уже поняла, что буду делить Сауда с другими женщинами и ничего с этим поделать не смогу. Надеяться на то, что, женившись на мне, он изменится, было глупо, исправить что-то невозможно.

Меня никто не понимал, ни Асият, ни Салима. Мужчина должен иметь несколько женщин, что в этом такого? Он редко любит меня? Если достаточно часто, то в чем дело? Если его хватает на всех, пусть любит всех.

…Во дворце легче не стало ни в чем. Сауд жил в своей комнате, трех жен посещал по очереди (вот когда я пожалела о квартире, там хоть не видишь остальных, к тому же муж мог

приходить так часто, как пожелает), но еще чаще уезжал, и я понимала куда. Хоть назад в гарем просись!

Я быстро осознала, что и здесь нахожусь в гареме.

Пальма Джумейра – искусственно созданный огромный остров в виде верхушки пальмы, дома на котором были распроданы за сорок восемь часов после того, как отрылась продажа. И это несмотря на заоблачные цены и, на мой взгляд, не вполне удачную планировку вилл.

«Свой пляж» в действительности оказался просто берегом, куда может заходить кто угодно. И закрытые заборами со стороны улицы виллы с моря открыты. При этом в море не купаются, для этого перед виллами небольшие бассейны. Стоящие близко друг к другу в ряд дома для своих цен не слишком просторны и удобны, зелени мало, в окна видно соседей или улицу. Качество строительство так себе…

Но есть «листья», где виллы больше, соседей меньше, лужайки шире, качество отделки лучше. Да и сами дома разной планировки.

А на самых кончиках этих листьев стоят совсем большие виллы, у которых берег полукругом с трех сторон, и обзор отменный, и чужие не ходят, и площадей хватает.

Честно говоря, в абае и хиджабе не привыкшим взором не сразу узнаешь даже знакомую

Вот в такой, самой большой на всем острове, и жила Махасин со своими детьми (теми, кто пожелал жить с ней, у остальных – свои дома или квартиры). Рашид с семьей жил отдельно и при встрече всегда делал вид, что не узнает меня, даже когда мы уже были официально знакомы. Позже столь странное поведение озадачило одну из его жен и привело к печальным последствиям для меня.

…Даже зная всех родственников по фотографиям и рассказам Салимы, я не сразу поняла, кто есть кто и кем кому приходится. Зато быстро поняла, почему мужчины норовят из дома слинять.

Они вообще жили своей жизнью, недоступной для женской половины. Подозреваю, что просто развлекались на стороне, хотя называлось это деловыми поездками. Считалось, что у мужчин много обязанностей, ведь они управляют эмиратом. В чем заключается это управление, не смог объяснить и Сауд. Вообще-

то, они действительно числились министрами и имели еще множество ответственных государственных постов, каждый из которых приносил немалую зарплату, но едва ли проводили время в министерских кабинетах, а если и бывали там, то лишь номинально.

Думаю, остальные жены прекрасно понимали, где бывают и чем занимаются их мужья и сыновья, но предпочитали этого не замечать. В семье строго соблюдались арабские традиции, позволяющие мужчинам жить в свое удовольствие (теперь ведь не было тяжелого труда и необходимости зарабатывать на содержания семьи), а женщинам в свое. Эти два мира соприкасались только по ночам в спальнях или на праздниках.

Наверное, современные арабы живут не так, но я увидела именно такой мир.

Мужчина – Бог, дети – неуправляемые божки, женщина – богиня с множеством ограничений. Ее осыпают дарами (еще чаще женщина осыпает себя сама во время шопинга), ей якобы даже поклоняются, но ее главная задача – рожать здоровых детей (лучше сыновей) и не задавать вопросы.

Детей воспитывают няни. Бедуинке положено кормить ребенка до одиннадцати месяцев грудью, но большинство наших красавиц делало все, чтобы этого избежать и не испортить грудь.

У детей «счастливое детство», во время которого они вообще не знают слова «нет».

Это превращает дом в цыганский табор, возведенный в какую-то степень. Не только я замечала, что дубайским детям позволено все. Они кричат, бегают, дерутся, чего-то требуют, куда-то лезут…

Закрывать от них дверь бесполезно, что-то прятать тоже. Запретов не существует, чем мелюзга и пользуется. Когда абсолютно неуправляемая банда несется по дому, лучше отползти в сторону и прижаться к стене – целей будешь.

Категорически запрещено заходить только в комнаты бабушки, то есть Махасин. Остальные терпят. Организовать их в какую-то игру не удалось и с двадцатого раза, безнадежно махнув рукой, я такие попытки оставила. Рисунки пришлось спрятать как можно дальше, теперь рисовать удавалось только по ночам, когда детская банда засыпала, а Сауд отсутствовал.

Младшие дети плохо понимали английский, старшие часто делали вид, что не понимают.

Если бы только они! Женщины прикидывались глухими, стоило заговорить по-английски, а между собой упорно болтали при мне на арабском. Конечно, я учила арабский и немало преуспела, но язык не выучишь за месяц.

Общение дома только на арабском – твердое требование

Махасин. Она считала, что только так удастся сохранить арабский дух в доме. Я подозревала, что будь ее воля, свекровь вообще поставила бы шатры в Руб-эль-Хали и внушала, как ее сын, что пустыня – самое красивое место на Земле. Что ж, она имела на это право.

Любимое занятие у женщин – шопинг. У каждой горы модных журналов, но самые новые друг от друга прячутся, чтобы через неделю после выхода сказать сопернице:

– Ты чоо-у?.. Это же модель прошлого месяца, сейчас такое не модно!

У всех настроены приложения с оповещениями о новинках самых известных брендов, торговых домов, просто магазинов. Умные торговцы этим пользуются, вынуждая дам мчаться в бутики и покупать, покупать, покупать…

Для меня осталось загадкой, куда они девают все, что перестало быть писком моды. Наверняка есть пункты скупки лишнего, иначе наш дворец был бы за полгода погребен под сумками, футболками, джинсами и прочим, прочим, прочим, как Помпеи под пеплом Везувия.

Салима раскрыла секрет, где покупать, не переплачивая.

– За бренд?

– Нет, знак бренда будет как надо. Но это… Поехали, покажу!

Мы поехали в Дейру.

Я помнила, что там самый большой в мире золотой рынок – Голд Сук, а также рынок специй. Золота действительно много, так много, что его перестаешь воспринимать, как что-то ценное. Килограммы, тонны сверкающего металла вперемежку с драгоценными и полудрагоценными камнями давят на психику не своей ценностью, а избыточностью.

Это слишком, а все, что слишком, не впечатляет.

Еще сильней покоробил рынок Карама.

> ***Аль-Карама – целый торговый район. Магазины и магазинчики занимают первые этажи невысоких, в три-четыре этажа, зданий. Специализируется на сумках, часах, кожаных изделиях, одежде, обуви и прочем.***
>
> ***Содержимое лавочек не радует, товары довольно низкого качества и изделия известных (но не знаменитых!) брендов встречаются редко.***
>
> ***Чтобы увидеть знаменитый контрафакт Карамы, нужно попросить показать изделия определенной марки. Въедливо расспросив покупателя и убедившись,***

что тот не из полиции, а еще лучше вообще не местный, клиента отведут в «сикрет шоп», где и продемонстрируют, как китайцы умеют подделывать все.

Туристы любят Караму, поскольку привезенная из Дубая подделка кажется им менее поддельной (импорт же!).

Рынок находится недалеко от одноименной станции метро.

Первое желание – уйти прочь. Ужасное скопище дешевой дребедени, сплошь китайские поделки с соответствующим качеством. И зазывалы:

– Сумка… сумка… сумка…

– Чисы… известный чисы…

Именно так – по-русски с невероятнейшим акцентом!

Все мировые бренды для тех, кто попроще и поглупей с чуть-чуть изуродованными логотипами (наши лихие 90-е!), смотреть не на что, в руки брать противно.

Я изумилась:

– Что здесь покупать?

Салима объяснила:

– Родха, жена Ахмада, покупает свои сумки здесь. Нужно сказать, что мы хотим купить сумку… и какую.

В каждой семье бывают бедные родственники. Ахмад из таких, он неимоверно ленив и предпочитает кальян всему остальному, а потому живет практически на подачки родственников, поскольку полученное от отца и государства уже спустил на содержание двух жен и восьми детей. Его старшая жена Зайя живет скромно, а вот Родха страдает и делает вид, что богата сама по себе. Все понимают, что это невозможно, но закрывают глаза на попытки Родхи соответствовать.

Я не раз замечала, что она выдает подделки за настоящие бренды, теперь получила возможность лицезреть, где же Родха эти подделки покупает.

То, что не в многочисленных магазинчиках аль-Карама – точно.

Пришлось сообщить толстому усатому индусу, в магазине которого сумки явно китайского производства (вот вездесущий народ эти китайцы!):

– Нужна сумка… Шанель. Сумка. Этого года, понятно?

Вряд ли он понял последнюю фразу, но понял, что я говорю по-русски, значит, русская дуреха, вышедшая замуж за экспата и теперь вынужденная посещать Караму. Что и требовалось.

Через пару минут мы уже шагали в «сикрет шоп» – тайный магазин в одной из квартир обшарпанного дома.

О, это был настоящий детектив. Облезлый подъезд, надписи, от которых Салима отвернулась (явно неприличные), давно не мытая лестница, впрочем, без облупленной краски и сообщений на стене о недостойном поведении какой-нибудь местной красотки, простенькая дверь… Наш сопровождающий постучал, подождал, постучал еще раз как-то иначе, потом произнес положенные слова, дождался ответа, произнес пароль, получил отзыв и еще раз постучал.

В жизни не видела такой конспирации! Но оказывается, я запросила бренд, который больше всех преследует подделки, разных рейдов по поимке «фаль шивошанельников» проводится много, это вынуждает продавцов осторожничать вдвойне.

Конечно, полиция знает о существовании контрафакта, но борется с ним вполсилы. Кстати, подкупать полицию себе дороже: предложив «договориться на месте», рискуете обрести «место» в тюрьме на некоторый срок и запрет въезда в страну навсегда.

Наконец, вожделенная дверь открылась, нас впустили внутрь.

Большая квартира битком забита сумками, ремнями, косметичками и прочим кожаным (хм…) барахлом. Выяснив у сопровождающего, чего же мы возжелали, продавец притащил с десяток сумок, на которых гордо красовались перекрещенные буквы С – логотип Шанель.

Первую же я отложила в сторону, даже не став рассматривать. Продавец насторожился:

– Что?

– Шанель не выпускает ничего из искусственной кожи.

Я с невозмутимым видом принялась перебирать остальные, которые были тут же выхвачены у меня из рук с извинениями. А нам предложено пройти дальше:

– Сикрет рум.

Мелькнула мысль, что вот из нее-то мы и не выйдем. Но все обошлось. В «сикрет руме» стояли стеклянные стенды с выставленными образцами. Ясно – подделки подороже. Я ткнула в один из них просто так. Думала, вытащит, чтобы посмотрела, но продавец, словно фокусник кролика из шляпы, достал откуда-то точно такую же сумку другого цвета. Она была настоящей или близко к настоящей.

Из-за зимнего похолодания (всего +28!) мужчины надели фланелевые дишдаши и заменили гатри на кашемировые палантины…

Дальше последовала демонстрация, призванная доказать, что перед нами кожа. Продавец обжег пламенем зажигалки сумку и позволил убедиться, что кожа не горит. Салима восхитилась:

– Пятьсот долларов за настоящую Шанель!

– Почти настоящую, – напомнила я и согласно кивнула продавцу: – Беру вот эту.

Моя протянутая к поджигаемой сумке рука повисла в воздухе. Никто отдавать мне этот экземпляр не собирался, второй продавец немедленно вытащил тот, на который я обратила

внимание в витрине. Развод дураков, ясно, что в витрине вовсе не то качество!

– Мне эта понравилась больше, оттенок нужный.

– Нет-нет, эту сумку уже много раз держали в руках, поджигали, ею пользовались… Нет, вот новая, совсем новая!

– Неважно, что ее поджигали, она мне подходит, – протянула продавцу деньги.

В двери «сикрет рум» появилась внушительная фигура, видно охранника. Это свидетельствовало, что либо я уйду с сумкой из витрины, либо… Что «либо»: не убьют же они меня? Но я благоразумно решила не проверять это предположение, кивнула:

– Ладно, давайте ту.

– Часы?

Интересно, а как он будет демонстрировать «Рол лекс»? Бриллиантом стекло резать?

Я помотала головой:

– Нет, денег нет.

Нам пришлось сделать круг по Караме, поскольку отслеживали нас плотно, причем, явно предупреждая своих, чтоб не связывались.

Смотреть нечего, в закрома Карамы больше не проведут, на остальное противно смотреть, на этом наш поход по рынку контрафакта закончился. Сумку я подарила Родхе, чем немедленно завоевала ее любовь.

Во дворце скучно, очень скучно. И дело не в том, что я плохо понимала арабский (а чаще вообще не понимала). Разговаривать с женщинами не о чем. Закончившие университеты или престижные колледжи Европы и Америки, несколько раз в год бывающие там ради шопинга, красавицы сознательно шопингом же себя и ограничили.

Они старались родить как можно скорей и больше, чтобы потом заниматься собой, к тому же та, которая не родила достаточно детей, считалась «недо…». Но после третьего ребенка повисало все – живот, грудь, кожа… Требовались серьезные нагрузки, чтобы восстановиться, а заниматься не хотелось. К тому же абая скрывала не только все достоинства фигуры, но и недостатки тоже. Все, кому за тридцать, становились упитанными бабищами.

Ладно бы это, если человек интересен, не столь важно, какова у него фигура. Но ведь интересных (для меня лично) не было! Я мечтала много времени проводить в лучших музеях мира, поскольку такая возможность теперь у меня была. Мы даже с Салимой договорились о разделении интересов – выезжали в

моллы на шопинг, она оставляла меня в книжном магазине «Кинокунья» в Дубай Мол ле, а сама отправлялась за покупками. Сначала со мной оставалась Асият, страдавшая от невозможности поглазеть на роскошные витрины (не на книги же ей смотреть!), потом, когда у меня появилась новая знакомая Анна, свободу получила и Асият тоже.

«Кинокунья» и магазин русской книги в Ламси Плаза (там, кстати, и магазин русских продуктов) стали моей отдушиной. Я не понимала иностранцев, с восторгом описывающих ряды стеллажей с кулинарными рецептами со всех стран мира. Они не бывали в больших книжных России. Для меня в «Кинокунье» стало приятным открытием наличие книг на русском! Не очень большой выбор, конечно, но Булгаков есть.

Я старалась читать по-арабски, понимая, что это пригодится. Хорошее оправдание, чтобы полдня проводить в книжном магазине, когда другие изучают содержимое бутиков.

В гареме я была белой вороной, но имевшей больше всех прав и привилегий. Здесь оказалась белой вороной с наименьшим количеством прав. Обычно у шейхов жены, кроме старшей, иностранки. Так вливается свежая кровь. Здесь отбор был иной – только свои, здесь кровь берегли. Одна я чужая, причем чужая во всем. Начинали сбываться слова Раисы, но я упорно пыталась не вспоминать ее пророчество, что вообще не смогу жить в этой семье. Не потому, что семья плохая, просто белых ворон чураются везде.

Считается, что восточные духи слишком резкие и пряные.

Это не так. Резкие и пряные до неприятия дешевые духи, а те, что стоят безумных денег, имеют невероятный аромат.

Если вы готовы отдать за роскошный флакон стоимость среднего автомобиля, то получите мечту на основе уда – смолы дерева агар. Это очень дорогое дерево, его дымом арабы норовят окурить все – одежду, дома, машины. У больных деревьев образуются смолянистые натеки, которые и являются основой дорогих духов.

К тому же масло уд сильнейший афродизиак (испытано на себе).

А еще уд помогает залечить раны, способствует пищеварению, питает кожу, устраняет морщины, успокаивает и помогает сердечной мышце…

Духи могут создать по вашему личному вкусу, стоить это будет безумно дорого, но зато есть уверенность, что запах будет только вашим.

…В моллах много семей или просто женщин с детьми, арабы вводят ребенка в мир взрослых с рождения. Малыши присутствуют на посиделках взрослых, ходят и ездят с ними повсюду.

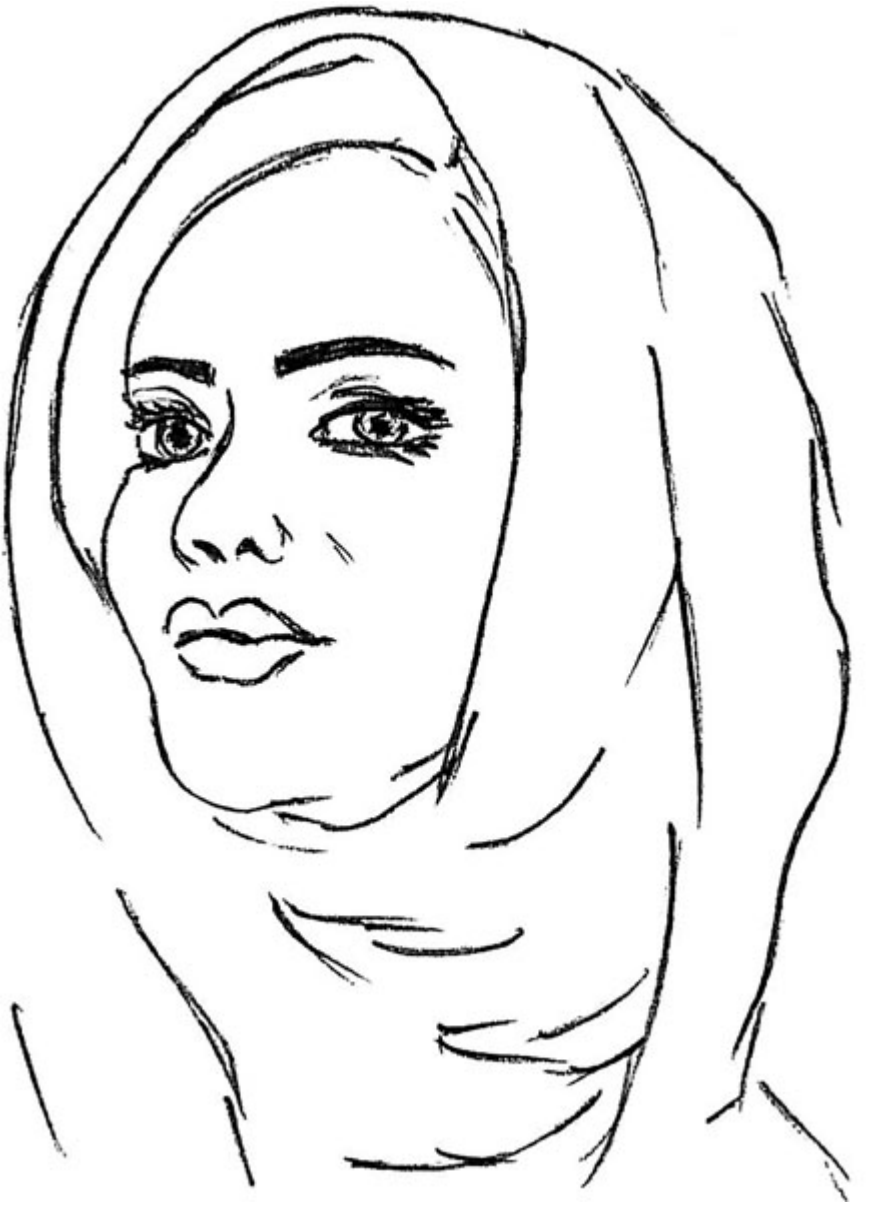
Конечно, женщина не одна с двумя детьми в коляске. Обычно коляску толкает счастливый папа, а мама болтает по телефону.

Если перед вами локалы, и того проще – впереди папа, за ним черные фигуры в абаях, сметающие со стендов все на своем пути (шопинг так шопинг!), вокруг толпа беснующихся ребятишек, на которых дамы не обращают ни малейшего внимания, в конце процессии пара нянь с колясками. Дети творят, что хотят, потому в любом торговом центре и вообще обществом месте стоит немолчный детский крик и визг. Сначала это возмущало, потом просто давило на уши, потом я научилась не замечать.

Научилась не в моллах – дома, поскольку такой же ор с утра до вечера стоял и во дворце тоже.

Обнаружив, что в «Кинокунье» визг слышен меньше, а в «Русской книге» эти банды вообще не бывают, я стала находить отдушину еще и в этом. Сауд над моей любовью к книгам только посмеивался, считая это очередным чудачеством. Остальные морщились или пожимали плечами, мол, что взять с дворняжки, у которой никогда и денег-то небось не было на приличный шопинг.

Однажды старшая жена Сауда Моза поинтересовалась, как часто российские девушки ездят в Милан за новыми коллекциями? А в Лондон?



Моза гордилась своими хашимитскими корнями

Я пояснила, что некоторые ездят очень часто, а некоторые никогда.

– А ты?

– Я не ездила. Мне это неинтересно.

Не нужно объяснять, что означал перегляд остальных женщин между собой…

Выставленный за небольшое нарушение законов

баннер означает запрет на посещение Эмиратов в течение полугода. Пара баннеров – и вас вообще в страну не пустят.

Баннеры не раздаются просто так, но оказаться на плохом счету можно всего лишь появившись на улице в нетрезвом состоянии и особенно подравшись!

Потому все вежливые и стараются улыбаться из последних сил. Если закатить рукава и показать кузькину мать все же пришлось, то прав всегда тот, кто первым побежал в полицию.

Полиция строгая, неподкупная и… пофигисткая.

Первое касается исключительно чужих, последнее локалов, а второе всех. Дать взятку себе дороже.

Я вспомнила рассказ Асият о старшей дочери Сауда, у которой есть капля хашимитской крови. Девочку можно только пожалеть: сколько бы капель драгоценной крови в ней не было, мужа она не найдет – у ребенка изуродована левая ножка, она короче правой и стоять бедняжке приходилось либо на пальчиках больной ножки, либо опираясь руками обо что-то. Не все дети воспринимали эту беду правильно, мальчишки часто просто изводили малышку.

Сауд ребенка любил, но во все слишком часто вмешивалась ее мать – Моза. Она и мне не позволила играть с дочерью. Мне было жалко искалеченную малышку, на вопрос, почему бы не повезти ее в Штаты и не сделать операцию, Салима посоветовала не задавать этот вопрос Сауду, мол, он возил, сделали только хуже. Это беда, которую стараются не замечать, чтобы не бередить лишний раз.

Вообще было заметно, что командует всем в доме Моза, она спокойно игнорировала любые запреты Махасин, ставила свои условия, бесконечно что-то от всех требовала или советовала и лезла не в свои дела. Сауд старшую жену тихо ненавидел, но поделать с ней ничего не мог. Могла бы Махасин, но та при малейшей проблеме самоустранялась, не желая вмешиваться.

Я с Мозой столкнулась довольно скоро, и дело не в том, что она старшая жена, а я младшая, Моза попыталась командовать и мной тоже. Несколько раз мне удалось увильнуть, сделав вид, что не понимаю, но наступил момент, когда это не получилось. Я огрызнулась, мол, сама разберусь, и сразу поняла, что одним врагом в моей жизни стало больше.

Мне к врагам не привыкать, в гареме сразу получила в соперницы Лиану. Но там все было временным и в тысячу раз

свободней. Здесь противостояние грозило растянуться на половину жизни (или до конца чьей-нибудь), и деться от него некуда.

За месяц я умудрилась нажить себе в лице Мозы настоящего врага. Наверное, во многом виновата я сама, нужно было прикинуться дурочкой, попросить у нее в чем-то совет, в чем-то повиниться или поплакать в жилетку, но я терпеть не могу это хитрое лицемерие, а потому заискивать не стала. Передо мной была Лиана, рожденная во дворце. Ума столько же, образование хоть и есть, но ничего не значило, поговорить не о чем, цель жизни шопинг, основное занятие сплетни и склоки.

За деньги возможно все!

Это весьма спорную истину в очередной раз доказали в ОАЭ.

О горнолыжном спуске в Дубае не слышал только ленивый. Арабы придумали соорудить под крышей молла 400-метровый спуск с искусственным снегом для лыжников и саночников. Конечно, эффектно – кататься на лыжах при температуре воздуха снаружи +50.

Но это не все.

Чего не хватает в пустыне? Конечно, дождя!

Швейцарская компания Metro Systems International взялась решить и этот вопрос. За год в оазисе Аль Айн прошло 52 искусственных дождя! Даже не дожди, а полноценные грозы – с громом, молниями и ливнями.

Дорого? Конечно, целых 11000000 долларов, но чего не сделаешь для любимых бедуинов. Это экспаты пусть восхищаются искусственным снегом в Дубае, а своим – настоящий дождь прямо посреди пустыни. Неважно, что вода в песок, мало будет – еще нальют.

Сауда она ненавидела еще сильней, чем он ее. Ненавидела за то, что не сумел стать любимцем отца, а значит, может не получить власть в наследство. Дочь ненавидела за болезнь, вторую жену Сауда Бушру презирала, а меня сначала была готова сделать своей шестеркой, а когда это не удалось, стала откровенно третировать. Я предпочитала уходить от стычек или вообще не появляться там, где находится Моза.

Для меня самыми важными были отношения с Саудом, я вынашивала план убедить его купить еще одну квартиру, чтобы поселиться с ребенком там и не видеть весь этот бардак. Почти получилось, мы даже съездили посмотреть несколько квартир в

новых небоскребах и просто на территории Дубай Марина.

Вне дома Сауд был иным, он превращался в того самого любителя лошадей и верблюдов, с которым мы удирали посмотреть закат в пустыне. Мне так хотелось оказаться в Руб-эль-Хали еще раз. Однажды попросила съездить, но Сауд отказался. Теперь я с тоской вспоминала время, когда была нужна ему для бесед, не подозревая, что скоро не будет и этого.

Но беда пришла откуда не ждала.

Глава 7

Потом, вспоминая все день за днем, я поняла, чьих это рук, вернее, языка дело. Что заставило Рашида выболтать жене о моем пребывании в оазисе в пустыне, не знаю, но его жена немедленно донесла об этом Мозе. Думаю, Моза подозревала о чем-то подобном, но доказательств не имела или не хотела иметь, иногда проще делать вид, что не знаешь.

Потом оказалось, что братья поссорились – Рашид в отсутствии Сауда, занятого мной, решил прибрать себе Лиану. Та сначала отнеслась к такому повороту благосклонно, боясь, что Сауд не вернется, а когда Сауд обнаружил предательство, повернула все так, словно ее попытались изнасиловать. Рашид появляться в гареме после ссоры перестал, но перестал и содержать этот оазис, переметнувшись к двоюродным братьям.

Постепенно оба остыли, все наладилось, даже Лиану стали делить на двоих, но в минуту обиды Рашид и сказал жене, что Сауд привез жену из гарема.

Не воспользоваться такой возможностью уничтожить меня Моза не могла, но просто объявить, что ее муж сделал третьей женой гаремную девку (кому какое дело, что я ничем таким там не занималась?), она не могла, это наверняка лишило бы Сауда надежд на престол, и она задумала куда более хитрый ход, даже целую операцию.

Беременность вечно скрывать не будешь, пришлось признаваться. Сауду я сказала раньше, но муж занимался противостоянием с Рашидом из-за Лианы, ему было не до меня и моей беременности. Обидно, но пришлось терпеть. Попытки поговорить и объяснить, что это крайне неприятно – знать о существовании гарема и Лианы, ни к чему не привели, Сауд разозлился, посоветовав поменьше слушать женские сплетни:

– Ты становишься на них похожей!

В ответ я попросила вспомнить, когда он в последний раз вообще разговаривал со мной или вывозил меня куда-то. Он что-то осознал, и мы отправились смотреть квартиры, но ничего не выбрали, и идея заглохла. А позже моему мужу совсем расхотелось создавать мне с будущим ребенком уютное гнездышко.

Я жила во дворце уже четвертый месяц, за это время не только своей не стала, но и окончательно превратилась в чужую (как же права была Раиса, предупреждая меня об этом!). Почувствовав, что малыш внутри шевелится, я решила, что пора

наконец показаться врачу.

Моза приняла меры, о которых я, да и никто другой, не подозревал.

Для начала она посоветовала обследоваться у ее врача, мол, доктор проверенная, все будет хорошо.

Возможно, Фатима и был опытным доктором, но то, что я услышала от нее, не лезло ни в какие ворота!

Она объявила, что у меня девочка с проблемами со здоровьем, но главное, ставила срок на два месяца больше, чем был в действительности.

– Этого не может быть!

– Что не может быть? Вот у меня результаты обследования. Вот ваше УЗИ.

Получалось, что я уже в Дубай прилетела беременной, но это вообще бред, поскольку я в последний год даже парня не имела!

Я спорила, доказывала, но та стояла на своем.

На мое счастье Сауд был в отъезде, он убил бы меня, даже не выслушав.

Плохо, что к Фатиме со мной ходила Моза. Она взяла снимки, сделанные при УЗИ, зачем-то изучила и вынесла вердикт:

– Фатима права, у меня ребенок был таким же на таком же сроке.

– Мне еще ходить и ходить, ребенок только шевелиться начал! – взвыла я.

Через день весь дом гудел о том, что я не только «оттуда», но еще и беременна чужим ребенком.

Думаю, в тот момент Моза пожалела о том, что заварила такую кашу, но было поздно.

Махасин упорно молчала, она просто не знала, как поступить. Еще хуже стало, когда приехал Сауд.

Не знаю, кто из женщин сообщил ему «приятное» известие – мать или Моза, но, придя вечером ко мне в комнату, он даже обнимать не стал, просто сел на кровать с мрачным видом. Я поняла, что за разговор предстоит.

– Что сказала тебе врач?

– Она ошибается.

– Фатима наблюдала всех женщин нашей семьи и ни у одной не ошиблась! Какой срок она тебе поставила и что это значит?

Я решила говорить откровенно:

– Я забеременела в ту ночь, когда ты пришел ко мне в шатер. Но она ставит на два месяца больше, чего быть просто не может.

– Почему же, разве ты была девушкой, когда мы встретились? И почему ты не сказала мне о своем положении перед свадьбой? Не знала или забыла?

Я смотрела на Сауда, не веря своим глазам. Передо мной был совсем другой человек, такой вполне мог ударить хлыстом тренера за несчастный случай с верблюдом. И почему мужчина так хорошо все посчитал со сроками, кто ему напел в уши эти слова?

Никакие попытки переубедить его не удавались, Сауд стоял на своем: Фатима верно указала сроки всем женщинам до меня, а я все время лгала, лгу и теперь. Обманув его и принеся в дом чужого ребенка, я плюнула в душу не только ему, но и всей семье.

Я не выдержала:

– Сауд, я понимаю, что услышать такие подозрения о твоей жене тяжело, но остановись, остынь, подумай. Когда я в срок рожу ребенка, вам всем будет стыдно. Это твой ребенок, неважно сын или дочь, я не была ни с кем другим в последний год. Он будет похож на тебя и будет носить твои гены.

– Замолчи!

Я поняла, что еще слово, и он меня ударит.

– Замолчи! Ты, презренная лгунья. Я поверил тебе, едва не порвал со своей семьей, хотя меня предупреждали…

– Кто, Рашид?

Сауд только зубами заскрипел. Встал, но у двери все же добавил:

– В гарем не продают кого попало, если продали, значит, знали, кто ты.

Лучше бы ударил…

Я сидела оглушенная, не в силах даже осознать произошедшее. Единственный человек, который мог за меня заступиться и заставить всех замолчать, наоборот, оказался самым жестоким и несправедливым обвинителем.

От меня отвернулись все, Асият приносила еду прямо в комнату и пыталась убедить, что все образуется, забудется, мало ли кто какие ошибки не совершал.

– Асият! Но ты-то знаешь, что мы были с Сау дом вместе до свадьбы! – взмолилась я.

Она отвела глаза, пробормотав:

– Но говорят, что ты в Дубай приехала уже…

Я расхохоталась:

– И ты, Брут!

– Кто?

– Неважно.

– Я тебе верю, но остальные… Хозяйка сказала, что с тобой надо развестись…

Я не стала уточнять, какая именно хозяйка. Если так пойдет, то это будет единственным выходом. Слава богу, мы не в Саудии, где на мою спину уже сыпались бы удары палок, а на голову падали камни.

…Салиме я сказала просто:

– Я не понимаю, что происходит. Я чиста, это ребенок Сауда и родится позже. Доказать не могу, да и не хочу.

> ***Врача и клинику, где появится на свет новый гражданин ОАЭ, выбирают тщательно. Конечно, это будет женщина, желательно мусульманка и обязательно высокой квалификации.***
>
> ***Сами врачи очень любят и одновременно боятся принимать роды у богатых локалок. В случае рождения здорового, крепкого мальчика всю бригаду ждут богатые подарки, например, купить врачу шикарную машину, а медсестрам машины немного дешевле в порядке вещей.***

Она промолчала, а на следующий день велела взять свои документы и никого не приглашать с собой, лучше вообще не говорить о поездке. Понимая, что просьба не зря, я все сделала как надо и только в машине поинтересовалась, куда же мы едем.

– В Абу-Даби.

– Зачем так далеко?

– Там мой врач, я хочу показать тебя ей.

Мой черный ангел Фатима

Это лучшее, что Салима могла для меня сделать. Я знала, почему она ездит в клинику Абу-Даби – не хочет, чтобы вся семья была в курсе ее сугубо личных дел.

Клиника, как и все в Эмиратах, суперсовременная, персонал вежлив до приторности и профессионален до невозможности. Из-за высокой оплаты труда фирмы имеют возможность устраивать конкурсы и выбирать лучших специалистов своего дела. Экспаты здесь настоящие профессионалы, а локалов стараются держать на тех должностях, от которых ничего не зависит. Обидное для граждан ОАЭ утверждение? Но на 90 % это так. Возможно, их

время еще не пришло.

Врач, к которой мы приехали, еще была занята, нас попросили подождать четверть часа. Я обрадовалась, не услышав при этом «иншалла». Значит, есть надежда, что через час примут.

Салима решила воспользоваться проволочкой и отправилась кого-то проведать, я осталась сидеть.

В холл вошла молодая женщина-европейка, гордо несущая свой большой живот. Ее встретили как старую знакомую, но сообщили, что доктор Мариам пока занята, и я тоже жду. Женщина рассмеялась и сказала, что готова подождать.

Я невольно позавидовала ее манере общения, возможности не прятать себя под черной одеждой, не задумываться, видят ли тебя чужие мужчины… Вдруг поняла, как же мне не хватает прежней легкой жизни!

Женщина подсела ко мне и представилась:

– Здравствуйте, я Анна.

Я чуть не ответила, что я тоже. Аня – мое настоящее имя, мы оказались тезками.

– Амаль.

– У вас мальчик или девочка? – кивнула новая знакомая на мой живот.

– Сказали, что девочка. А у вас?

– Тоже девочка. Когда рожать?

– Через месяц.

– И мне! Мариам хороший доктор, опытный. Моя подруга у нее рожала, говорит, и не заметила. Не бойтесь, – она положила пальцы на мою руку, – все будет хорошо.

– Да, конечно.

В это время из кабинета вышла пациентка, и меня пригласили войти. Салимы еще не было, но Анна подтолкнула:

– Идите, идите…

И снова я видела европейку, явно Марию или Мэри, у которой в Дубае все сложилось, все было хорошо.

Я не люблю посещать врачей этой специальности, а уж с моими нынешними проблемами… Но меня встретили так, что половина тяжести с души спала:

– Сейчас проведем осмотр, сделаем УЗИ и посмотрим, что там не так с вашей девочкой. Она активно шевелится?

– Нет, не очень.

– А начала в срок?

Я смутилась:

– Доктор, мне ставят срок на два месяца больший, чем должно быть.

Немного погодя она показывала мне на экране, как ведет себя мой… сын!

– Да, у вас мальчик, это, несомненно, и родится он через полтора месяца. Не переживайте. Ваш врач просто ошиблась, такое бывает. Малыш крупный, возможно, очень крупный, и лежал так, что не разглядели.

Я точно знала, что не ошиблась, Фатима не показывала мне ребенка на экране, только хмуро сообщила результаты и сунула в руки снимок, ничего не объясняя.

– Но вот результаты…

Мариам некоторое время изучала снимок под специальной лампой, а потом вернула мне со смехом:

– Это не ваш малыш, успокойтесь. Не буду забивать голову подробностями, но можете сообщить мужу, что снимки перепутали. На этом действительно маленькая девочка с дефектом левой ножки.

Мариам назначила мне следующую встречу, заставила пообещать, что я обязательно приду, отдала настоящий снимок с результатами и посоветовала брать пример с Анны.

Сама Анна участливо поинтересовалась:

– Ну что, не все так серьезно, судя по счастливому виду?

– У меня сын и родится еще нескоро!

– Вау! Я же говорила, что доктор Мариам творит чудеса!

К нам спешила Салима:

– Мариам, вы освободились? Амаль можно заходить?

– Она уже побывала и сама тебе все расскажет.

– Амаль?..

– Салима, пойдем в машину, там объясню.

…В машине Салима включила кондиционер и повернулась ко мне:

– Твоя девочка здорова?

Я показала ей первый снимок:

– Нет, вот эта девочка больна. А мой мальчик, который здесь, – я с удовольствием погладила живот, – здоров, хвала Всевышнему, и родится в срок!

Она с недоумением разглядывала два снимка, с первого взгляда было ясно, что это разные дети.

– Амаль, я ожидала, что тебя обманули, но не настолько же! Кто-то подменил снимок. А что с этой девочкой, она действительно больна?

– У бедняжки дефект левой ступни.

Салима уже завела мотор, но с места не двинулась, едва я успела закончить фразу, как мы, не сговариваясь, уставились друг на дружку с возгласом:

– Вот дрянь!

В нашей семье была девочка с дефектом левой ступни!

– Послушай, ты не должна никому говорить, что узнала правду, никому! Моза способна подкупить всю клинику, не только своего врача. Положат, сделают кесарево и объявят, что внутри был крокодил!

Меня снова охватило отчаянье:

– Но мне муж не верит!

– И Сауду тоже не говори, потерпи. Носи ребенка, не обращай внимания ни на какие обвинения. Когда родишь, тогда и скажешь правду. Если бы это была не Моза, мы справились, но с ней…

Я понимала, что она права, но каково же было мне! Сауд считал меня шлюхой, приехавшей в Дубай уже беременной, не желал признавать ребенка своим. И дело не в том, что ждал третью девочку, он не верил, что это его ребенок.

Салима сумела убедить меня, я промолчала и снимок спрятала.

На мое счастье Мозе оказалось не до нас, она улетела сначала в Милан, потом в Лондон, а потом навестить свою мать. Хашимитской принцессе рады везде.

В ее отсутствие Фатима меня к себе не вызывала, попыталась напомнить о необходимости посетить врача младшая сестра Сауда Шамса, но я ее осадила:

– Нет! Когда родится, тогда и родится. На все воля Всевышнего.

Она была вынуждена ответить:

– Иншалла.

Зато я трижды побывала у Мариам, прошла полное обследование, подтвердившее, что у нас с сыном все хорошо, разве что нужно поменьше нервничать. Я заверила, что ничуть не нервничаю.

Мариам сделала вид, что поверила, а вот моя новая знакомая Анна нет. Мы с ней проходили обследование одновременно и почти подружились. Обменялись телефонами, болтали, шутили по поводу собственной неуклюжести и неповоротливости.

Мариам

Я уловила в его произношении знакомые нотки и поинтересовалась, откуда она. Оказалось, что родилась Анна в Архангельске, в первый класс пошла в московскую школу, но потом они с родителями переехали в Бельгию, да там и остались. Когда вышла замуж за Барри, уехала и из Брюсселя, у Барри бизнес и в Абу-Даби, и в Дубае, и в Манаме, и в Дохе…

– Только в Эр-Рияде нет, там мне слишком тяжело.

Анна не поверила в мое женское счастье и постепенно вытянула из меня мою историю вплоть до подмены результатов УЗИ.

– Знаешь, я сразу поняла, что у тебя что-то не так, глаза

слишком грустные. Даже после того, как узнала о здоровом малыше, остались грустными. Я много лет прожила в Аравии, знаю, как выглядят женщины, которым нужна помощь. Тебе нужна. Мой совет: сходи в посольство или в консульство в Дубае, там ближе. Они помогут или что-то подскажут. Ты сильно рискуешь.

А еще она сказала, что они с мужем члены организации, которая помогает европейкам, попавшим в арабских странах в беду, и дала простенький мобильный с одним-единственным номером – своим:

– Если понадобится помощь, набери меня. Отвечу или я, или Барри, если я буду занята. – Она погладила свой живот. – Мы поможем в любом случае. И у тебя есть Салима, она хорошая, только несчастливая.

Так у меня появилась подруга-европейка.

Мы встречались с ней и в Дубае, вместе сидели в кафе, болтали, гуляли, старательно оберегая свои животы. Салиме с нами скучно, она все же предпочитала шопинг, а потому оставляла нас под присмотром Асият и отправлялась с Халисой по бутикам. Иногда приходилось ей звонить и напоминать, что мне пора домой.

Все это оказалось возможным, потому что Моза с сестрой улетели в Европу.

> ***Порции в ресторанах (других заведений не держат, вернее, любая кафешка гордо именуется именно так) просто гигантские, это надо учитывать, делая заказ. Арабы очень не любят вида оставшейся еды, ведь это означает, что приготовлено плохо.***

Я носила свою тайну – сына – с гордостью. Это была восхитительная тайна, я представляла потрясение Сауда, когда ребенок родится вовремя. Как же мне хотелось, чтобы тогда он понял, как ошибался, снова признался мне в любви и обещал больше никогда не сомневаться в моей верности!

Я берегла тайну, но глаза светились, их блеск заметили. Бушра поинтересовалась, чему это я так рада. За ней задали этот вопрос и другие.

– Будущему ребенку.

> ***Арабы очень любят детей, конечно, мальчик предпочтительней, но и девочку папа будет носить на руках, купать, менять подгузники, водить за ручку, катать на лошадке… До тех пор, пока девочка не***

вырастет, она принцесса для своего отца.

Мужчины не считают зазорным толкать коляску, когда жена рядом болтает по телефону, вести детей за ручку, носить на руках…

Но локалы этого практически не делают. У локалов для ухода за детьми есть сонм нянь и прислуги, а вот возиться со своими малышами они любят.

А еще брать детей с собой повсюду. Не только в Европе или Америке дети с родителями путешествуют, ходят по магазинам, сидят в кафе. В еще большей степени это развито у арабов, причем без скидки на возраст.

Арабский ребенок, одетый как взрослый, сидит с мужчинами за столом на празднике, наблюдает за скачками, слушает их разговоры… Его не возьмут только на мальчишник, а за столом неприличные беседы вестись не будут. Мужчины рода ответственны за воспитание младшего поколения, они не допустят, чтобы уши малолетних членов семьи оскорбили некрасивые или грубые слова.

Девочки в это время учатся премудростям жизни рядом с мамами, которые тоже не делают скидки на возраст, разве что о супружеских тайнах при пятилетней особе болтать не будут.

Позже я не раз пыталась понять, не зря ли послушала Салиму и не рассказала о втором УЗИ сразу хотя бы Сауду. Возможно, все произошло бы иначе.

Но прошлое не знает сослагательного наклонения. Сначала я не сказала о беременности еще до свадьбы, потом промолчала об УЗИ… Я сама давала Сауду повод сомневаться и даже не пыталась представить доказательства невиновности, считая оскорбительной саму необходимость оправдываться.

А он сомневался все сильней, вернее, уже не сомневался – не верил мне.

Жены, мать, а в гареме, куда Сауд продолжал ездить, и Лиана внушали, что я ношу чужого ребенка. Единственный довод, который приводила в свою защиту я, – ту самую последнюю ночь в гареме. Отношения становились все хуже. Говорить о походах к Мариам и результатах УЗИ уже не имело смысла, это выглядело бы нелепой попыткой оправдаться задним числом. Теперь оставалось ждать рождения ребенка, поправить положение дел мог только наш сын.

Однажды я позвонила Раисе, но не для того, чтобы пожаловаться, у меня был другой повод.

Я рассказала Анне о беде Раисы, та живо откликнулась:

– Можно же сделать пластическую операцию, и не одну. Предложи своей знакомой связаться с нами, мы поможем выехать в Европу или Америку, там ее прооперируют и исправят все, что можно. Если у нее нет средств, это сделают за счет спонсоров.

Раиса выслушала предложение, вздохнула и… отказалась.

– Нет, Амаль, я останусь такой, какая есть. Всевышний наказал меня, значит, так тому и быть. Нет, я выбрала свою жизнь. Расскажи лучше, как ты.

Раиса посоветовала мне немедленно сказать правду Сауду и показать снимок.

– Даже если не поверит сейчас, потом ему будет легче принять правду. Она же в твою пользу, зачем ты скрываешь?

Я поняла, что она права, от Сауда скрывать не стоило ничего. Он мог бы поселить меня в той квартире, оградить от Мозы и Фатимы, но главное – он сам бы не переживал. Я понимала, каково это гордому мужчине, да еще и приведшему женщину в дом из гарема, услышать, что ее ребенок не от него.

Решила последовать совету Раисы, но ничего не вышло.

Это был кошмарный разговор, вернее, ссора.

Вместо того чтобы держать себя в руках и как можно спокойней и ласковей постараться донести до него всю информацию, я взорвалась – не выдержали постоянного напряжения нервы.

Я даже не помню, в ответ на что заорала:

– Черт побери! Почему я должна все время оправдываться в том, чего не делала?!

Первые два слова были произнесены по-русски. Это привело Сауда в ярость, он взорвался в ответ:

– Что ты произнесла?! Что произнесла ты, мусульманка?!

Тут я допустила вторую ошибку, также машинально взмолилась:

– Господи, да я не подумала, что говорю! Я устала от…

Договорить не успела, потому что, держась за щеку, отлетела от его удара на постель.

Сауд зашипел мне в раскрытые от ужаса глаза:

– Ты так и не стала мусульманкой! Лживая дрянь, обманула всех – не только меня, но и имама! Прикинулась мусульманкой, но даже пост не соблюдаешь?

Я действительно пила воду днем в Рамадан, но ведь беременным разрешено некоторое послабление…

– Своего шайтана поминаешь и своего бога в свидетели в моем доме зовешь?!

Мой любимый человек, который совсем недавно был готов жениться на мне против воли семьи, теперь также готов задушить меня собственными руками, только заподозрив в нарушении

религиозных запретов. Я многое могла бы возразить ему: разве они с Рашидом не нарушали законы в гареме? Разве мало тех, кому это и в вину не ставится?

Но все возражения вылетели из головы от ужаса, потому что Сауд произносил страшные слова:

– Я готов был простить тебе чужого щенка в твоей гнилой утробе, но простить оскорбление веры моих предков никогда! Не удивлюсь, если ты хранишь свой крест где-нибудь, как о тебе говорили.

Он метнулся к двери, я понимала зачем – сейчас позовет женщин, чтобы обыскали комнату. Они найдут крестик, выбросить который у меня не поднялась рука, а отдать так и не собралась. Моя вина, но разве столь сильная?

Забыв о боли в начавшей распухать щеке, я бросилась к комоду, где в боковом ящичке лежал крестик. Взять его успела, а вот перепрятать нет, только отскочила к зеркалу, якобы разглядывая свое отражение.

В комнату вернулся Сауд с Бушрой и парой особо рьяных родственниц. На шум сбежались еще женщины.

Они галдели по-арабски, я ничего не понимала, но по тому, как Бушра сразу полезла в комод, я поняла, что она точно знала о месте нахождения тайника. Прозвучало слово «обыск». Это означало мою гибель. Сауд не мог, да и не желал заступаться, напротив, человек, ради которого я отреклась даже от самой себя, сейчас отдавал меня на растерзание только за то, что произнесла не те слова.

Я стояла, сжимая крестик, и думала о том, что меня просто убьют, когда перевернув всю комнату, обнаружат крестик в моем кулаке. Они не фанатики, но такого не простят. В Саудовской Аравии меня по приговору шариатского суда просто забили бы камнями, здесь не Саудия, камней не будет, но и прощения тоже. Сауд разведется со мной раньше, чем я успею выйти из этой комнаты, а брошенная жена без родни никто, у нее нет защиты против обвинений в измене и прелюбодеянии.

И вдруг я почувствовала, как мой кулак осторожно разжимают. Салима тоже пришла в мою комнату, встала так, чтобы никому не было видно мою руку, и просто забрала из нее крестик.

Немного постояла, наблюдая творящуюся вакханалию, покачала головой и вышла, словно не в состоянии видеть все это. В это время появилась Махасин, потому на Салиму не обратили внимания, ушла и ушла.

Обыск шел по всем правилам, любая полиция могла позавидовать. Главное – женщины знали, что искать. Я

обратилась к Сауду:

– Что они ищут?

Он не успел ответить, ко мне подскочила старая ведьма Хайя и, грозя скрюченным пальцем перед носом, выкрикнула:

– Крест у тебя хранится! Неправоверной осталась?!

Я отшатнулась от нее, потом невольно оттолкнула:

– Глупости!

Она заверещала так, словно я ударила ее. Орала, брызгая слюной:

– Найду – убью!

Махасин, поморщившись, вышла, но моя экзекуция не закончилась. Поняв, что ей никто не может, а, главное, не хочет помешать уничтожить меня, Хайя взвыла:

– Ее надо обыскать, на ней этот символ!

Сауд стоял и смотрел. Неужели он готов отдать меня на растерзание этой ведьме?! Внутри что-то сломалось, что-то главное, что восстановлению не подлежит.

Я не допустила, чтобы они меня раздели, без команды расстегнула кхандуру, сбросила с плеч и на пол. Взялась за тонкую нижнюю сорочку. Все это, не спуская глаз со стоявшего молча Сауда.

– Тебе это нравится?

Он выскочил за дверь.

Женщины ничего не нашли, Хайя снова скомандовала, чтобы облазили все закоулки в комнате:

– Спрятала, ведьма! Ищите!

Я надела кхандуру и тоже вышла в холл. Сауд стоял у окна, зубы сжаты так сильно, что побелели скулы.

– Сауд, ты обещал, что дашь мне развод, если будет плохо. Я хочу развестись.

Я говорила тихо и устало, действительно устала бороться и оправдываться, устала что-то доказывать, быть виноватой, не зная вины, устала подстраиваться, терпеть, уступать, ломать саму себя через колено. Сначала все это было нужно ради Сауда, ради его любви. Потом ради сына, которого носила под сердцем. Но теперь я сомневалась, что самому сыну это будет нужно.

В ту минуту казалось, что я никогда не смогу забыть и простить безобразную сцену обыска с раздеванием. Не прощу, прежде всего Сауду. Он мог что угодно говорить мне, даже ударить мог, сам обыскать, но только не привлекать этих ведьм, которые только того и ждали, чтобы унизить меня как можно сильней.

Уже сегодня вся семья будет знать об обыске, даже при том, что они ничего не найдут, языки почешут вволю, пересказывая

сколько и какого белья обнаружено у меня в шкафах, какого цвета трусики я предпочитаю и прочее.

Неужели он этого не понимал?

Я не стала дожидаться ответа, повернулась и отправилась к Салиме: не возвращаться же в комнату, где старые ведьмы продолжали переворачивать все?

– Я вернусь через две недели – решим.

Вот и все. Он согласен, Сауд согласен через две недели развестись со мной. Почему не сегодня, не сейчас? Для развода женщине требуется основание и доказательства своей правоты, мужчине требуется лишь собственное желание развестись. Он просто произнесет трижды при свидетелях формулу – и снова холост. Дети остаются с ним…

Дети! Я прижала руки к животу: нет, малыш, тебя я в этом доме не оставлю.

– Салима, ты можешь завтра отвезти меня в российское консульство?

– Что ты задумала?

– Сауд готов дать мне развод, я вернусь домой.

– Так все плохо? Может, он еще передумает? Он просто разозлился, но ты сама виновата: разве можно делать такие вещи?

– Какие вещи? Ничего в этом нет!

Салима покачала головой:

– Есть. Ты даже не понимаешь, что есть. Но Сауд тебя любит и простит, ему только время нужно. Вот родится ребенок, и он все забудет.

– Салима, я не забуду!

В свою комнату я не вернулась, не смогла заставить себя лечь на постель, которую перевернули эти ведьмы и куда упала от удара мужа. Там не было ничего мне дорогого.

Спала я у Салимы на диване, свернувшись калачиком. Она пыталась уговорить хотя бы перебраться в постель, но мне не хотелось ничего. Домой, только домой!

Почему бы не вцепиться в Сауда прямо там в комнате и потребовать произнести формулу развода? Свидетели имелись. Но я не настояла, а Сауд утром уехал в деловую поездку в Америку, как мне было сказано.

У Салимы нашла фотографию. Оказалось, это Максум, когда учился в Лондоне

Махасин вела себя странно, она словно не замечала происходящего в ее же доме.

Салима отвезла меня на виллу 621 на 6-й улице в российское консульство. Там внимательно выслушали и согласились с моими доводами – мне следует развестись и как можно скорей. Это можно сделать и в России, но муж может возразить из-за ребенка.

– Как скоро вам рожать?

– Через два месяца, даже чуть больше.

– Попытайтесь решить все мирно – получите развод или хотя

бы разрешение на выезд и приходите снова. Мы поможем вам вернуться домой. Если не получится, приходите просто с документами, только не рожайте ребенка здесь, вы не сможете вывезти его. Не затягивайте.

Я прислушалась к совету и позвонила Сауду:

– Мне нужен мой паспорт и согласие на выезд. Развод я оформлю в России, тебе даже возиться не придется.

Муж разозлился:

– Я сказал, что вернусь через две недели и все решу!

– Я не могу ждать!

– Почему? Ты же твердишь, что рожать нескоро?

– Сауд, разве ты недостаточно уже унизил меня? Или еще требуется?

– Приеду – разберусь!

Я нажала отбой и его последующий звонок сбросила. Было обидно, муж загонял меня в тупик, пользуясь своим правом.

Но мне не оставалось ничего, кроме ожидания. Две недели… Через две недели Сауд произнесет формулу развода, и я буду свободна.

Ерунда, не буду, после того надо оформить кучу бумаг, но хотя бы паспорт будет в руках, сейчас и того нет.

Это не так, мой внутренний российский паспорт, который я, единственный раз послушав Раису, не отдала Сауду, лежал спрятанным у Салимы. Но мне он сейчас был не нужен.

Я жила в комнатах у Салимы, оставив в бывшей своей все, что там было.

Из дома вернулась уезжавшая проведать родню Асият, попыталась навести порядок, но я ей запретила:

– Кто разорил, тот пусть и убирает.

Комната стояла закрытой…

Сауд где-то пропадал, из обрывков разговоров Махасин с Мозой по телефону я поняла, что никакой Америки нет, наверняка он снова в объятьях Лианы. Конечно, можно позвонить Раисе и попросить помочь, но не хотелось снова унижаться перед мужем.

Мир рушился…

Злополучный крестик теперь хранился в косметичке с документами, которую я вместе с папкой рисунков отвезла к Анне в Абу-Даби. Самой Анне назначили дату кесарева сечения, чуть раньше, чем должны быть роды, но решено не ждать. Через неделю они с Барри станут счастливыми родителями маленькой девочки. Барри уже сейчас ходил важный, словно это он, а не Анна должен родить.

Моего ребенка, кроме меня самой, никто не ждал. Даже Салима сникла. Ее обследование показало безнадежность проведенного лечения, бесплодие из-за потерянного когда-то ребенка неизлечимо. Она не пожелала еще рожать от мужа-тирана, а теперь расплачивалась невозможностью не только выносить, но и вообще зачать ребенка. Кто возьмет такую женщину замуж, будь она какой угодно крови?

Ей не до меня, пустили к себе пожить, и то хорошо. Кроме того, Салима чувствовала себя словно обманутой – она так старалась, чтобы у нас с Саудом все сложилось, чтобы я стала настоящей арабской женой, а я ее подвела во всем…

Из вояжа вернулась Моза – красивая, злая, по-прежнему ненавидящая меня.

Узнала, что я больше не хожу к Фатиме, закатила скандал. Я отбивалась, как могла, но, честно говоря, устала. Мне бы недельку пережить, Сауд обещал вернуться. Обещаниям арабов нельзя верить, но так хотелось…

И снова я поступила глупо, мне нужно было перебраться в ту квартиру, где я начинала свой путь в этой семье, и пожить до рождения ребенка там, но я не захотела еще одного скандала и осталась во дворце. Итог был печальным.

Моза привезла Фатиму прямо во дворец и вынудила меня показаться ей.

Крик после этого стоял такой, что было слышно и на берегу. Фатима утверждала, что я погубила ребенка своим наплевательским отношением к лечению! Нужно было все это время делать какие-то уколы, чтобы девочка родилась хоть отчасти здоровой, а я даже не отвечала на ее звонки!

Честно говоря, не отвечала.

Я попыталась огрызнуться, заявив, что ничего делать не буду, кто родится, тот и родится. Фатима требовала срочно лечь в клинику, я отказалась категорически. Последовало заявление, что в таком случае она вообще ни за что не отвечает. Но все равно Фатима назначила какие-то уколы, объявив, что иначе просто смерть. Моза кричала, что не допустит чьей-то гибели в нашем доме, я обязана думать не только о себе… А я смотрела на ее девочку, которая стояла, опершись на спинку кресла, потому что иначе никак, и думала, почему она вместо шопинга не повезла ребенка на лечение в Америку.

Я сознавала, что эти уколы погубят если не меня, то моего ребенка, но поделать ничего не могла. Даже Салима оказалась беспомощна. Оставалась надежда, что Мариам придумает какое-

то «противоядие» или хотя бы положит в клинику к себе.

В тот вечер я подчинилась, вынуждена была подчиниться…

Ночью почувствовала себя плохо, внутренности скрутило так, словно что-то рвалось по-живому. Я никогда не рожала, но достаточно наслышана от подруг о схватках и прочей прелести появления ребенка на свет.

Понимая, что укол мог спровоцировать преждевременные роды, бросилась к Салиме.

Увидев меня в полусогнутом состоянии, та сразу все поняла:

– Поехали!

Мы выбрались через запасные ворота и помчались. Конечно, отъезд не прошел незамеченным, Салиме сразу позвонили, она что-то прокричала в трубку и отключила мобильный. У меня в голове билась одна мысль: успеть добраться до консульства, чтобы ребенок родился на территории России.

– Дай твой телефон!

Я подала. Салима позвонила Мариам и сообщила, что везет меня в клинику, кажется, я рожаю. Было слышно, как доктор изумилась:

– Еще рано!

Но тут же пообещала, что через четверть часа будет в операционной.

– Салима, мне нужно в консульство, – я с трудом разлепляла губы от боли, приступы которой накатывали все чаще.

– Какое консульство?! Тебе в клинику нужно.

В Дубае отменные дороги и в три часа ночи на них нет пробок, но мы почти сразу наткнулись на полицейскую машину. У меня мелькнула мысль, что это постаралась Махасин, Салима потом призналась, что подумала о том же. Но мы ошиблись, просто полицейским показалось странным, что дорогая машина с двузначным номером и женщиной за рулем летит невесть куда посреди ночи. Зато услышав причину нашей спешки, полицейские включили все свои сирены и сопроводили нас до самой клиники «с ветерком», которого и без того достаточно на скорости в 160 км/ час. Салима могла бы ехать и быстрей, но боялась за меня.

Никаб не для всех наказание. Лейла в никабе и в хиджабе…

В клинику примчались одновременно с Мариам, та сразу приказала везти меня рожать и побежала готовиться сама.

Роды были стремительными, чуть больше чем через полчаса я услышала совет Мариам:

– Давай, ты все сможешь!

Потом была очередная разрывающая внутренности боль, детский крик и снова голос Мариам:

– У тебя сын! Ух ты, какой крупный!

Малыш родился крупным даже для доношенного ребенка. Мариам смеялась:

– Доходи ты до срока, родила бы богатыря больше четырех с половиной килограммов.

> ***Штрафы за вес нарушения очень большие, особенно за превышение скорости на дорогах.***
>
> ***Разрешенная скорость – 120 км/час, но превысить нетрудно, если все вокруг едут еще быстрей. Нарушения фиксируют видеокамеры, штрафы никто не присылает, их приходится оплачивать либо при возвращении взятой напрокат машины, либо в конце года, когда проходит техосмотр. В таком случае готовьтесь к солидным суммам от полутора тысяч дирхамов, даже если вы очень осторожный водитель.***

А я осторожно прижимала выложенного на грудь младенца и

просто радовалась. Было наплевать на то, что и кто подумает, в чем еще меня обвинят, у меня родился сын – большой, крепкий, здоровый, несмотря на все происки моих врагинь!

Понимание, что крупный ребенок добавит сомнений у моих дубайских родственниц и Сауда, конечно, было, но я задвинула его далеко-далеко. Я подумаю об этом потом когда-нибудь, главное – мой малыш сладко причмокивает, впервые в жизни получая свою порцию материнского молока.

Глава 8

Рядом со мной не было никого из родственников, даже Салима вынуждена уехать. Я на нее не обижалась, напротив, была благодарна за то, что привезла меня в клинику вопреки запрету что-либо делать.

Уже рассвело, а я лежала, глядя в потолок и пытаясь понять, как теперь быть.

Салима больше не помощница, ее и без того посадят под замок.

У меня здоровый сын, а не больная дочь – это плюс. Но сын родился через полгода после нашей свадьбы, как это объяснить родственникам? Отсутствие кого бы то ни было рядом со мной, молчащий телефон и то, что никого не интересовало мое и ребенка состояние, подтверждало, что слушать объяснения не намерены. Вероятно, родственники также ломали головы над вопросом, как быть со мной.

И все же ситуация складывалась не в мою пользу. Конечно, пройдет время, сделают анализ ДНК, я докажу, что это сын Сауда, но ведь ни прежних отношений с ним, ни просто нормальных с семьей уже не будет.

К рассвету я поняла: проблему можно решить по-хорошему, во всяком случае, попытаться это сделать. Возможно, я зря все время лезла на рожон – старалась доказать всем и Сауду особенно, что ношу его ребенка, что срок куда меньше, чем поставили в той клинике, что моей вины нет ни в чем. Нужно было сделать вид, что подчинилась, и осторожно договориться о разводе, как советовали в консульстве.

Теперь обратного пути нет. А какой есть?

Что, если воспользоваться нелюбовью семьи к себе и ребенку и недоверием мужа, чтобы уехать вместе с сыном без возражений с их стороны? Семья считает, что я белая ворона? Значит, они не будут против, чтобы ворона исчезла. Сауд не верит, что это его ребенок? Значит, он даст не только развод, но и согласие на выезд моего мальчика из страны.

Только больше нельзя ссориться, надо смириться и попросить. Ради того, чтобы вернуться с сыном в Москву, я была готова даже на это.

Когда солнце заглянуло в окошко, у меня был готов план.

Позвонила Сауду:

– Я родила сына. Большой крепкий мальчик.

Мгновение, которое он молчал, показалось вечностью.

– Поздравляю…

Там у него слышались веселые женские голоса, я даже знала, чьи именно. «Деловая поездка в Америку» проходила под плеск воды в бассейне среди барханов Руб-эль-Хали. Стало очень больно, и я допустила серьезную ошибку – зачем-то добавила:

– На тебя похож.

– Посмотрим.

Осознав, что зря уточнила похожесть, я поторопилась осуществить свой план:

– Сауд, ты обещал, что дашь развод…

– Приеду – все решу.

– Когда ты приедешь?

Я больше не намерена ждать его вечные обещания, чем скорей разведемся, тем лучше.

– Скоро. Иншалла. – И вдруг разозлился: – Ты вообще сорок дней нечистая. Забыла?

Я не забыла, а потому нажала отбой.

Я «нечистая», поскольку родила ребенка. Согласна, полтора месяца женщине не до мужа в любом случае, но, когда муж резвится с проститутками (пусть и личными) в бассейне, пока жена рожает, это некрасиво. Конечно, он не знал, что я в клинике, но даже не счел нужным попросить Лиану помолчать. Сауд не скрывал от меня, где проводит время, я для него никто.

Глаза поневоле застлали слезы, быстро смахнув их, я нашла номер Махасин.

Похоже, моя красавица-свекровь все знала, но она даже не поздравила, а лишь поинтересовалась:

– Кому ты еще сообщила?

– Только Сауду.

– Больше никому не говори, и без того уже натворила бед.

Очень хотелось огрызнуться, но я взяла себя в руки. Сейчас нельзя ссориться, сотрудники консульства правы – мне нужно получить развод как можно тише.

Махасин вздохнула и сообщила:

– Нигде не появляйся, всем сказано, что тебя положили сохранять плод. Когда отпустят из клиники, поедешь на ту квартиру, где жила до свадьбы. За тобой приедут Али и Асият. Будешь под присмотром Махмуда.

Терпеть не могу безумно медлительного и туповатого Али и урода Махмуда, но сейчас заставила себя промолчать. Я уже поняла, что именно они задумали – сказать, что я в клинике, чтобы дотянуть до положенных девяти месяцев после свадьбы. А там…

Варианта три, как у Ходжи Насреддина: или я умру, или осел,

или султан.

В мою палату заглянула Анна:

– Эй, кто тут у нас родился?

Вот кого я была рада видеть! У Анны на следующий день назначена операция, мой сын опередил ее девочку.

Анна убедила меня, что все самое плохое позади, главное – у меня здоровенький сын, остальное наладится. Она как-то ловко разложила все по полочкам, и получилось, что жизнь можно наладить.

Сауд не дал мне развод сразу, значит, он меня любит и не хочет разводиться, просто мешает родня.

Как папа…

Простить я ему все прощу – и неверие, и оскорбления, и даже

удар и обыск, женщины ради детей и не такое прощали.

Только нужно поселиться отдельно, чтобы с семьей не встречаться. Я им не нужна, они мне.

Услышав о предложении Махасин переехать на квартиру, Анна даже обрадовалась, мол, вот он и выход – будешь жить там, а Сауд будет приходить. Лучше иметь приходящего мужа, чем жить в одном доме с двумя его женами и бешеными тетками.

И что не развелась, тоже хорошо – сыну нужен отец! А за такого бутуза меня будут любить все. Я им всем еще докажу, кто самый лучший, еще все прощения просить будут!

Анна умела внушать оптимизм, но не забыла напомнить, что они с Барри всегда готовы помочь.

Я рассмеялась:

– Куда вам, у вас скоро наша невеста появится, ни до кого будет.

– Давай, правда, обручим детей, чтобы загодя знали, кто их половинка, и ни на кого другого не смотрели?

Когда она уходила из палаты (позвали готовиться к операции), мне показалось, что жизнь еще может наладиться.

Всех встречают у клиники с цветами и криками восторга. Меня ждали только Асият и Али. Асият была счастлива сразу всем – у меня родился сын, мы будем жить отдельно от этих ведьм, мы не разводимся с Саудом прямо завтра…

Я не стала говорить, что это все равно произойдет, пусть хоть у Асият останутся иллюзии.

Моему малышу шел второй месяц. Мы жили в просторной квартире, Салим (я назвала сына в честь своей спасительницы) хорошо кушал, хорошо спал и быстро рос. К нам никто не заезжал и даже не звонил, я была табу для всех, кроме врача, которого пригласила сама по рекомендации Мариам.

Анна родила девочку, но все оказалось не так просто, и ей с ребенком пришлось провести целых три недели в клинике. Им с Барри было не до меня.

Салима не появлялась потому, что впала в сильнейшую депрессию и не выходила из своей комнаты совсем. Врачи опасались за ее психику. Я пыталась предложить ей переехать к нам, но несчастная женщина ужаснулась самой мысли:

– Я и без того совершила грех и теперь расплачиваюсь! Нельзя жить рядом с неверной.

Я ужаснулась, если ее крыша съедет окончательно, она запросто расскажет, как вынесла мой крестик из комнаты.

Оставалось надеяться, что Салима не проговорится.

Я пока старалась не думать о будущем, жила одним днем и заботами сына – кормление, купание, сон, памперсы, снова кормление… Всем женщинам, имеющим детей, это знакомо – первый месяц пролетает незаметно, хотя тянется долго, понимаешь, что он прошел, только когда видишь первый «юбилей» ребенка.

Первой в доме появилась Махасин, все такая же красивая и спокойно-властная. Она принесла подарки Салиму. Долго стояла, глядя на спящего малыша. Разговаривать с ней не хотелось, но и попросить уйти тоже нельзя – квартира ее, я здесь в гостях.

Наконец Махасин решилась:

– Ты утверждаешь, что должна родить почти на два месяца позже, и что ребенок от моего сына?

Если честно, мне очень хотелось ответить «нет», но в колыбельке лежала копия Сауда, потому я просто промолчала.

– Где Сауд познакомился с тобой?

Я вспомнила смех Лианы, который слышала, еще не придя в себя после родов, и… рассказала Махасин о гареме в пустыне. Если арабская женщина не захочет, чтобы вы поняли, что именно она думает, вы никогда этого не узнаете, даже если ее лицо открыто. Взгляд Махасин остался непроницаем, и все же что-то подсказало, что о гареме она знает.

– Так вот ты откуда… Но там женщины определенного сорта.

– Они приезжают сами, меня привезли обманом.

– Все так говорят… – Все же она отвернулась, чтобы даже случайно не выдать свои мысли. Стояла очень красивая, давно ненужная мужу женщина, задумчиво смотрела в окно на раскинувшийся внизу Дубай и пыталась придумать, как быть со мной, тоже ненужной своему мужу. Она не желала признавать меня подругой по несчастью, с первого дня воздвигая между мной и собой прозрачную непробиваемую стену.

Но сейчас мне было наплевать на беды Махасин, своих с избытком. Однако она могла помочь, потому следовало сдерживаться. И все же я возразила:

– Меня привезли без чувств. И предназначалась я сначала Рашиду, но не позволила себя тронуть, разбив ему нос. Помните, год назад он ходил с опухшим носом и говорил, что упал с верблюда?

Теперь Махасин внимательно смотрела на меня, конечно, она помнила нелепый вид своего среднего сына, а вот я его видеть с носом-картошкой не могла, разве что и впрямь разукрасив собственноручно.

– А потом кому принадлежала?

Зря я расслабилась, свекровь сдаваться не собиралась, в ее голосе звучала едкая насмешка.

– Никому. Только однажды Сауду, в ту ночь он предложил мне принять ислам и стать его третьей женой. На рассвете мы приехали в Дубай…

– И он в это верит?

– Конечно, нет! Его убедили, что я прилетела в Дубай уже беременной от другого. Моза…

Она не дала договорить, подняла руку, останавливая:

– Я знаю, что сделала Моза. Но даже если Сауд был с тобой счастлив, ты все равно сломала ему жизнь.

В то мгновение я поняла, как изменил меня год пребывания в Дубае. Любая на моем месте просто взвыла бы: «Я?!» Год назад я тоже взвыла, но сейчас все гневные мысли, все эмоции – обида, возмущение, даже ярость остались внутри, лишь губы сжались. Передо мной стояла не просто женщина много старше, а главная женщина семьи, мать моего мужа, она говорила несправедливые вещи, но все, что я могла – подумать, что Аллах ее накажет за несправедливое отношение ко мне.

Махасин внимательно наблюдала за тем, как я справляюсь с собой, видно, осталась довольна, но вздохнула:

– Будь ты женщиной нашего круга, я не противилась бы твоему присутствию, но ты чужая.

– Так отпустите меня.

– Это решать Сауду. Он завтра приедет.

Изящная рука с ухоженными ногтями скользнула в сумку, и на стол легла банковская карточка.

– Она на твое имя. Средств достаточно, вопросов не будет.

Махасин покупала у меня спокойствие своей семьи, выкупала свободу своего сына. Не понимала, что я сама желаю исчезнуть, или знала, что Сауд прогнать меня не решится? Или уже осознала главное – я, как и она, своего сына не отдам? Если я возьму деньги, буду связана с ней обязательством. Я покачала головой:

– Для меня сын важней. Как и для вас.

– Это решит Сауд. Едва ли он отдаст тебе сына.

Это я понимала и без объяснений, спросила о другом:

– Почему вы не запретили наш брак?

Она снова долго смотрела на небоскребы и полоску залива вдали, потом усмехнулась:

– Сауд был влюблен и готов пойти против всех. Он все равно женился бы, к чему запрещать? Но история с тобой лишила его возможности быть наследным принцем, ты его несчастье.

И снова во всем виновата я!

– Я буду биться за своего сына.

Она в ответ пожала плечами, в голосе прозвучали ледяные нотки:

– И проиграешь.

Я могла возражать сколько угодно, говорить, что Сауда никто не заставлял на мне жениться и даже держать в своем гареме, не вынуждал верить лживой Мозе и заранее отказываться от своего сына, что он мог дать мне развод еще до рождения ребенка, и я никогда не напомнила бы о себе, что я вообще не рвалась в этот

рай в золотой клетке…

Но Махасин все это не нужно, она знала свою материнскую правоту – чужая женщина совратила ее сына, еще и лишив возможности стать следующим шейхом.

Свекровь ушла, сын спал, а я размышляла.

Что за игру вела Махасин с самого начала?

Она согласилась на наш с Саудом брак, представив все шейху в лучшем виде, хотя прекрасно понимала, что брак развалится. А потом наблюдала, как меня третирует семья. Махасин ничего не делает просто так, если она поступала подобным образом, значит, есть причина, и я должна понять, в чем дело!

Это не разбрасывание навоза по территории и не мытье головы в фонтане, на кон поставлена жизнь моего сына, ошибиться я не имею права.

Итак, зачем Махасин понадобился заведомо обреченный брак? Ведь зачем-то же понадобился?

Сауд старший из сыновей шейха, рожденных двумя женами. Он должен получить трон, но не получит из-за женитьбы на мне.

Однако ни для кого не секрет, что сам шейх откровенно предпочитает вторую жену и ее старшего сына, который даже моложе Рашида. То, что принца Асада предпочитают лентяю Рашиду, неудивительно, Асад умен, энергичен, обаятелен и прочее. Но Сауд ему ни в чем не уступает! Он тоже умен, образован, энергичен, все поручения выполнял прекрасно, он любимец многих. А старшая жена у Сауда вообще хашимитских кровей…

И вдруг я поняла, что именно в этом все дело!

Пасьянс раскладывался просто.

С одной стороны, старший сын, имеющий все моральные права на престол, с другой – третий, столь же хорош и любимец отца. Кого из них выберет шейх?

Если старшего – не миновать ссоры с любимой женой и ее кланом, весьма влиятельным и деятельным. Если младшего – в стране возможно серьезное недовольство, к тому же Сауд не намерен уступать свое право.

Махасин отстранена от дел, да никогда ими и не занималась, но не понимать ситуацию она не могла. Вторая жена не просто отобрала у нее мужа, она отобрала возможность стать матерью наследника.

Но Махасин должна была понимать и другое: если шейх назовет наследником Асада, каким ударом это будет для Сауда. Сам отказаться от престола он тоже не может, это удар по самолюбию.

И тогда умная (или просто хитрая) мать воспользовалась

моим появлением в жизни Сауда. Получилось, что он виноват сам – пожелал жениться на иноверке не королевской крови. А потом еще передряги с ребенком… У шейха появился повод назвать наследником другого, но Сауд при этом не выглядел ничтожеством – во всем виновата женщина, то есть я.

То, что придумает одна женщина, не исправят и десять мужчин.

Оставалось понять, знал ли сам Сауд о таком раскладе?

…Но что мне делать в сложившейся ситуации?

Если Сауд перестанет быть наследным принцем, то его и меня заодно оставят в покое? Это давало слабую надежду все исправить.

Я понимала, что Сауд злится из-за дурацкой ситуации, в которой оказался, но ведь троном жизнь не ограничивается, в ней столько всего хорошего. У нас сын, да еще какой! Не понять, что это не его ребенок, Сауд не сможет. К тому же я настою на анализе ДНК.

Что, если предложить ему уехать в Европу, ведь своих жен Сауд не любит, а таких, как Лиана, найдется много? Я с ужасом поняла, что готова простить ему Лиану, если только все снова склеится.

Махасин «помогла» своему сыну уйти от трона, который он не получил бы все равно, я могу попробовать помочь уйти от той жизни, которая ему самому давно осточертела.

Я допускала ошибку миллионов женщин, самонадеянно решая за супруга, как для него лучше.

И вторую, полагая, что треснутую чашку можно склеить бесследно. Или что некрасивое отражение в зеркале чужое. Любовь, конечно, зла, но все время оправдывать ее этим нельзя, зло может зайти слишком далеко и погубить тебя самого.

Но оставался еще одна нераскрытая тайна. Думая о Лиане и Сауде в гареме, я вспомнила слова Раисы о заклятом враге. Понятно, что это не Лиана, а кто-то серьезней. Кто?

Неужели Махасин?

Но зачем ей убивать какую-то наложницу, не проще ли не соглашаться на наш брак?

Я мысленно перебрала всех и никого не нашла. Не Сауд же в самом деле?!

И вдруг…

Господи, как же я о Рашиде забыла?! Вот кто никак не мог допустить, чтобы я просто вернулась в Дубай, ведь тогда я непременно взялась бы за Вадима, а тот не стал скрывать своих клиентов. Вряд ли Рашид сильно пострадал бы, но неприятностей

не избежать. Куда проще сделать так, чтобы я вообще перестала существовать.

Вспоминая, кто больше всего вился вокруг меня и Асият, я поняла, что не ошибаюсь – это Рания, любимица Рашида в гареме.

Не удалось отравить меня или убить иначе, он решил обезопасить себя на случай, если я проговорюсь здесь. Как отвлечь глупую женщину от своих собственных грешков перед ней? Просто рассказать о чужих, да еще и таких!

Я оказалась в эпицентре разборок из-за трона и разборок между братьями из-за гарема. Я-то ладно, никто не мешал поступить согласно совету Раисы – попросту не понравиться Махасин, но почему за мои ошибки должен отвечать мой сын?

Меньше всего я хотела, чтобы он вырос в этом террариуме. Можно возразить, что и в европейских семьях, даже внешне самых благополучных, бывают террариумы покруче, но мне не было дела до всех, я думала о себе и сыне. Нет, сначала о сыне, а потом о себе.

Сауд приехал, когда я его не ждала. Окинул оценивающим взглядом, усмехнулся:

– Ты поправилась… Верно говорят, что женщинам полезно рожать.

Поправилась… Я сумасшедшими усилиями возвращала былую форму, а он радовался лишним килограммам! Эх, Восток, Восток…

В глазах Сауда откровенный мужской интерес. Если честно, во мне все откликнулось на его зов. Мы давным-давно не были вместе, еще до того, как он меня ударил, но я помнила каково это – таять в его объятьях. Вспомнила и дала слабину.

Через минуту оставалось уже только слабо отбиваться:

– Сауд, я еще не готова…

Я не забыла ничего – его несправедливость, фактически предательство, голос Лианы, то, что он вообще перестал интересоваться моими желаниями. Но я любила Сауда, а когда женщина любит, она найдет оправдания почти любым поступкам мужчины. Это наша всеобщая женская слабость – в руках любимого человека мы теряем волю.

Но Сауд сам все испортил. Он словно забыл, что я его жена, а не одна из девушек его гарема.

– Сауд!

Нет, не забыл – прижал мои раскинутые руки к постели, зашипел в лицо:

– Ты моя жена, и я могу брать тебя, когда захочу!

Я подчинилась. Он прав – он мой муж, а я жена…

Тело помимо моей воли ответило, оно соскучилось по близости, жаждало ее. Мелькнула мысль: может, все наладится? У нас сын…

После он принял душ и ушел, не сказав ни слова, даже не обещав вернуться.

Я долго стояла под душем, смывая бессильные слезы. Плакать глупо, нужно было на что-то решиться. Проснулся Салим, Асият покормила его, а я все лила и лила воду.

Если бы я успела, как советовали в консульстве, получить развод и улететь, чтобы ребенок родился в России, это был бы мой и только мой сын. Но мы в Эмиратах, здесь дети, особенно сыновья, папины. Между таким папой, как Сауд, и такой мамой, как я, суд непременно выберет папу. Это значит, что, потеряв отношения с мужем, я потеряю и сына.

Оставалось только попытаться эти отношения наладить. Ради своего ребенка я была готова на все.

Сауд меня явно хотел, хотя любовью это называть едва ли стоило. Может, попытаться родить еще одно ребенка? Если это будет еще один сын, меня не посмеют вышвырнуть как приблудную кошку. И беременной не выставят из дома.

Значит, надо быть послушной, причем не только с мужем, но и с семьей.

Может, я сумею все же наладить с ними отношения? Не буду никому возражать, не стану лезть на рожон, буду жить отдельно… Салиму я нужна, я кормлю его грудью, значит, он будет со мной, это главное. Позволить, чтобы у меня отняли ребенка, я не могла! Я была готова примириться и быть вежливой со всеми, даже же с Мозой, которую хотелось придушить, терпеть любые их выходки, обиды и обвинения, чтобы оставаться с сыном.

Я готова даже прекратить тренировки ради потери лишнего веса. Буду толстой? Но если Сауду так больше нравится…

До чего может дойти женщина в своих уступках? До чего угодно, если цена – ее ребенок.

Если бы я тогда знала, что все уже решено!

…Сауд пришел на следующий день, когда Салим не спал. Арабы очень любят детей, а возиться со здоровым красивым ребенком приятно кому угодно. Сын сразу пошел к папе на руки, таращил на него круглые черные глазенки и счастливо улыбался. Улыбался и Сауд.

Потом он смотрел, как я кормлю нашего сына, а когда сытый Салим уснул, мы снова были вместе. Полная решимости стать образцовой арабской женой, я не сопротивлялась, но муж ласков все равно не был. Ничего, все образуется, не мытьем, так катаньем – решила я.

Асият изумилась моей внезапно возникшей любви к сладостям и отказу от тренировок, но возражать не стала. Ананасы заменены финиками, хлебцы – пирожными, а в кофе отныне клалось немыслимое количество сахара.

Депиляция, блестящие волосы, благоухающая кожа… – я готовилась к приходу мужа. Сауд бывал каждый день, но замечал ли мои ухищрения?

Он приходил днем, а ночи проводил с другими – Бушрой, Мозой и даже Лианой. Однажды я уловила запах именно ее духов от волос мужа. Но я терпела, старательно убеждала себя, что в этом нет ничего страшного, что здесь все мужчины такие, что на эту тему лучше даже не думать. Это, кстати, хороший способ решить проблемы с изменами – делать вид, что о них не догадываешься. Не только перед мужем делать вид, но и перед самой собой.

Позиция страуса, детей, закрывающих лица ладошками, чтобы не видеть страшного. Но я Амаль – надежда, которая умирает последней. Я из последних сил надеялась, что у меня получится, что все наладится.

Через несколько дней Сауд пришел мрачный, долго стоял, глядя на спящего Салима, в то время как я ломала голову, как остановить мужа, если у него вдруг возникнет желание провести со мной время, потому как должна приехать врач, чтобы осмотреть малыша.

И вдруг услышала:

– Он похож на Рашида.

– На кого?!

Хотелось поинтересоваться, не перегрелся ли Сауд на солнце, но я взяла себя в руки. А он продолжил:

– Да, похож на меня, но ведь мы с Рашидом братья. Ты родила его через девять месяцев после того, как тебя купил Рашид.

В первое мгновение я даже дар речи потеряла, потом, судорожно сглотнув, все же возразила:

– Ты же видел, как я познакомилась с твоим братом!

Не знаю, чем закончился бы наш разговор, но раздался звонок – пришла врач.

Елена экспат, она очень хороший и добрый доктор, дети ее обожают. А ей самой очень нравился Салим.

Елена, хотя и не мусульманка, всегда в хиджабе, а на улице часто и в абае, так меньше проблем с чужими и сомнений у пациентов, даже экспатов.

> ***В Дубае все самое-самое. В том числе и… мороженое.***
>
> ***Самое дорогое мороженое в мире на сегодня (завтра могут придумать дороже) – в Scoopi Cafe. Называется оно «Черный бриллиант» и стоит 817 долларов США. В его состав вошли лучшие ингредиенты со всего мира – мадагаскарский ванильный пломбир, иранский шафран, итальянский трюфель, а сверху лакомство усыпано хлопьями 23-каратного съедобного золота.***
>
> ***Подают его в чашечке и ложечке от Версаче.***
>
> ***Еще не пробовали? Поспешите.***
>
> ***Кафе на Джумейра-роуд возле пляжа.***

– Как наш малыш? Ой, и папа дома? Как хорошо…

Все у нее получалось как-то быстро и ласково, вымыв руки,

она подошла к проснувшемуся Салиму. Малыш с удовольствием потянулся к доброй тете.

Мужская походка… Иначе в дишдаше никак…

Осматривая мальчика и задавая мне вопросы, Елена между делом похвалила, обращаясь к Сауду:

– Какой у вас крупный и крепкий малыш. Если бы мама доносила его до срока, был бы богатырь больше четырех килограммов.

Сауд заметно напрягся:

– Он родился недоношенным?

– Конечно! Семь месяцев не девять. А вы не знали? – Она удивленно переводила взгляд с Сауда на меня и обратно.

Я демонстративно не стала приходить мужу на помощь, а тот пробормотал:

– Я не вмешиваюсь в женские дела, к тому же только что приехал.

– Да… мы семимесячные, но крупные… – Елена сгибала и разгибала ручки Салима, тот делал зарядку с удовольствием.

Провожать Елену пошел Сауд. Не знаю, что там говорила ему врач за пределами детской комнаты, но я ожидала по крайней мере извинений за нелепые подозрения, высказанные полчаса назад. Врач подтвердила все, что я твердила до сих пор, сняла с меня все подозрения и обвинения, должна же я получить компенсацию за перенесенные страдания? Теперь Сауд просто обязан принести повинную. Конечно, я прощу, уже простила, но хотелось бы услышать его признание ошибки.

Получила, но не то.

Сауд уехал вместе с врачом, а через час Махмуд принес и демонстративно поставил передо мной на стол красивый пакет, в котором оказался роскошный ювелирный набор – колье, серьги, перстни, браслеты…

Конечно, я не против, это означало, что муж признает свою вину. А извинения принесет завтра.

Но никакого смущения на следующий день заметно не было, все по-прежнему. Сауд исправил допущенную по отношению ко мне несправедливость дорогущим подарком и считал вопрос закрытым, а объяснения излишними. Ну да, где он, а где я?

Снова близость просто от избытка тестостерона, и только. Я его жена, и он мог брать меня, когда пожелает. Мои желания при этом в расчет не брались.

Теперь мне не хотелось начинать утро с очередной депиляции, пичкать себя сладким в надежде экстренно испортить фигуру или подолгу примерять серьги в надежде, что он заметит.

Сауд узнал главное – что я не лгала ему, но отношение ко мне не изменилось. Надеяться на изменение в будущем не стоило, но я никуда не могла деться от Салима. Моя радость и моя боль, мое счастье, моя амаль – надежда. На что? Не знаю, просто на жизнь, на то, что он вырастет не таким, что для него любимая женщина будет одна и на всю жизнь и что ему не придется выбирать между любовью и капризами строгих родственников.

Битву за свою семью я проиграла семье Сауда. Битву за самого Сауда – Лиане.

Мелькнула мысль, что и бороться не стоило, но сделанного не вернешь. К тому же я нутром чувствовала, что вот-вот должно случиться что-то нехорошее.

Глава 9

Так продолжалось еще неделю.

А потом Сауд пришел мрачный, сел на диван, уперев локти в колени и стиснув кисти рук так, что побелели костяшки пальцев. Я забеспокоилась:

– Сауд, что-то случилось?

Опустилась перед ним на пол.

Он заговорил глухо и гневно:

– Уже девять месяцев после нашей свадьбы. Можно объявлять о сыне.

Словно я против или забыла об этом!

Муж встал, прошел к окну, остановился точно на том месте, где стояла Махасин. И снова я видела красивого человека, задумчиво разглядывающего картину за окном, который ломал голову над вопросом, что делать со мной.

Махасин боялась, что Сауд не сумеет от меня отказаться, и была права. Но и назвать меня равной или почти равной членам своей семьи он тоже не мог. Девять месяцев назад мой любимый был готов жениться на мне вопреки воле своей семьи, теперь не мог даже признать меня матерью своего единственного сына! Победила семья, я как была, так и осталась чужой.

Родись дочь, Сауд просто поселил бы меня отдельно и скрывал от остальных, но у нас сын. Единственный сын, очень похожий на отца, отказаться от которого он не может, как не может оставить рядом его мать… Идет XXI век, мы в современнейшем городе мира, но мой муж, пользующийся новейшими достижениями цивилизации, не может сохранить брак с женой только потому, что его семья против. И я знала почему.

> ***Психологи утверждают, что менталитеты христианина и мусульманина отличаются, прежде всего доминированием чувства вины или чувства стыда.***
>
> ***У христианина сильнее чувство вины. Совершая что-то несоответствующее христианским ценностям, он чувствует вину перед жертвой, перед собой, перед Богом. Чувствует, даже если это отрицает, если пытается доказать, что ему наплевать, даже если о проступке никто не знает и не узнает…***
>
> ***Это называется совестью.***

Она есть у всех, и у тех, кто объявляет себя циником и совершает смертные грехи словно назло себе и всему миру.

У мусульман доминирует чувство стыда.

Это стыд перед семьей, перед своим кланом, перед соотечественниками, перед братьями по вере.

И если его поступок одобряют окружающие (прежде всего семья!), значит, одобряет Аллах. Стыдиться таких поступков не стоит.

Потому по отношению к чужаку мусульманин поступит так, как решит семья. Перед чужим, кем бы тот ни был, не стыдно, а вот перед семьей СТЫДНО.

Семья была против меня, вероятно, опасаясь осуждения более широкого круга. Сауд оказался перед выбором – пойти против воли семьи и стать изгоем или отказаться от меня.

Я смотрела на любимое красивое лицо и силилась проглотить вставший в горле ком, чтобы спросить, что же он решил.

– Что ты на меня смотришь? Что?!

Он любил и ненавидел меня в равной степени. Нет, не любил – хотел. Только и всего. Но страсть чувство недолгое…

Я опустила взгляд и голову. Что можно сказать, спросить, как возразить на непроизнесенные слова? Мне не нужно объяснять, что между мной и семьей Сауд выбрал семью.

– Ты разведешься со мной?

Если бы я возразила, напомнила о его неверности, даже расплакалась, Сауд получил повод взорваться, наорать в ответ и расправиться со мной по-своему, никто бы его не осудил. Но я осталась спокойна и вида не подала, что у меня на душе.

Мгновение он молчал, потом поморщился:

– После свадьбы Шамсы мы объявим о рождении Салима. Потом решим.

– Когда у Шамсы свадьба?

– Завтра. Ты не пойдешь!

Я отвернулась к колыбельке спящего сына.

– И не собиралась!

Сауд только зубами заскрипел, резко повернулся и вышел. Хлопнула входная дверь…

Сколько я стояла, бездумно глядя вдаль на залив, – не знаю.

Да и о чем было думать? Больше ждать от Сауда нечего, наша семья не восстановится (да и была ли?). Но мне угрожало расставание с Салимом! Мудрая Махасин предвидела это и предложила мне деньги для исчезновения. Я бы ушла, и без денег

ушла, позволь они мне забрать с собой сына.

Что, если Махасин тогда приходила нарочно, чтобы я успела исчезнуть вместе с малышом до того, как его увидит Сауд? Тогда я упустила прекрасную возможность.

Да нет, я не могла просто взять и увезти ребенка, рожденного от гражданина ОАЭ, без его на то согласил. Возможность была упущена гораздо раньше, когда Салим еще не родился.

Но сколько ни думай, положения это не изменит, его меняют только действия.

Завтра свадьба Шамсы, которая будет не меньше трех дней. Три дня всем будет не до нас с Салимом. У меня есть ВСЕГО ТРИ ДНЯ. А помочь некому.

И вдруг я вспомнила об Анне. Вот кто отвезет меня сразу в посольство в Абу-Даби! Конечно, туда, куда же еще? Я была готова мчаться немедленно.

Мелькнула мысль, ушел ли с Саудом Махмуд.

Черта с два! От этого бугая никуда не денешься. Отравить его, что ли?

Махмуда я могла бы и отравить, его не жалко, но в случае нашего с Салимом исчезновения пострадают и Асият с Али, а они не заслужили. Значит, нужно сделать так, чтобы никого не смогли обвинить.

Я решила подождать до завтра.

ЗАВТРА.

Вечером достала запасной телефон и отправила СМС Анне. Латинскими буквами, но по-русски: «Нужна помощь».

Ответ пришел немедленно: «Куда приехать?»

«Завтра в 10 на…» – Я сообщила адрес нашей подземной парковки и код пропуска.

Теперь нужно предупредить Асият, она не выдаст, но не должна быть дома, когда я уйду.

– Асият, помнишь, что я натворила в первую ночь в Хали?

Девушка широко раскрыла глаза, но кивнула. Конечно, она помнила, что я сбежала.

– Завтра вы с Али поедете в Дубай Молл с длинным списком покупок.

Она снова кивнула, но потом скосила глаза в сторону гостиной, где вальяжно развалился на диване ненавистный Махмуд:

– А?..

– Ты забудешь свой телефон…

Казалось, все продумано: Асият и Али отправятся за

покупками, я следом отошлю Махмуда с телефоном Асият, а пока он будет ходить, спущусь вниз к машине и в посольство. Там меня в обиду не дадут.

Я понимала, что увожу гражданина ОАЭ, и надеялась только на то, что Махасин не позволит Сауду поднять скандал, который грозил бы оглаской.

Если возникнут проблемы с Махмудом (он мог вспомнить, что у Али тоже есть телефон и отказаться догонять Асият), то я готова подсыпать ему в кофе снотворное, вернее, средство от аллергии с мощным седативным эффектом.

Были заготовлены даже таблички на дверь: «Не шуметь. Ребенок спит!»

Я не брала с собой ничего, кроме пары запасных памперсов и бутылочки со смесью и водой.

Утро выдалось нервным, чувствуя мое беспокойство, Салим тоже не спал.

Асият послушно уехала в молл за покупками. Она едва не заплакала при расставании, пришлось даже прижать палец к губам в знак молчания. Хорошо, что квартира большая, а в детскую мы Махмуда не пускали никогда.

И вот за ними с Али закрылась дверь…

Махмуд, как и ожидалось, догонять Асият не согласился, фыркнул, что разиня возьмет телефон у Али. Пришлось перейти к плану В.

– Махмуд, почему ты такой злой? Тебя в детстве обижали? Кофе хочешь?

Я подала ему кофе с довольно большим количеством таблеток, но усомнилась, что этого хватит. А больше насыпать нельзя, будет слишком явно ощущаться вкус добавки.

На вопросы о своем характере и детстве он не ответил, кофе взял. Помня, что Махмуд очень любит сладости, я поставила на стол все, что было в доме, а было, учитывая мои попытки растолстеть, немало.

– Это вместо свадебного угощения. Нас с тобой не позвали, давай угостимся в честь Шамсы здесь.

Соль на рану, он явно переживал из-за невозможности погулять на свадьбе, а потому взял пирожное, за ним другое… Снотворного не заметил, но и засыпать тоже не собирался, стал просто вялым.

Я незаметно проверила телефон, Барри сообщил, что он уже на месте. Нужно спешить, чужая машина, слишком долго стоящая на парковке, может вызвать лишний интерес. Пришлось предложить моему церберу еще кофе и сладости.

– Давай, я чего-то сонный… А ты чего не пьешь?

– У меня ребенок…

Он не посмел бы так разговаривать ни с Бушрой, ни с Мозой, перед ними Махмуд тихоня. А я опальная жена и невестка, мерзавец прекрасно это понимал и не упускал возможности унизить.

Я уселась на диван напротив, взяла стакан воды, помотала в разные стороны головой, словно разминая шею, и сообщила:

– Скоро наше здесь безвылазное сидение закончится.

Внизу меня ждала машина и непонятно что дальше, а я вынуждена разыгрывать вальяжную лень…

Махмуд недоверчиво покосился:

– Чего это?

Едва ли Сауд раскрывал ему свои планы, потому я как можно независимей пожала плечами:

– После свадьбы Шамсы объявят о рождении Салима, и мне больше не нужно будет прятаться.

Похоже, заявление произвело на Махмуда впечатление, даже сел прямо. Все правильно, с супругой хозяина, родившей наследника, надо быть повежливей.

Будучи в смятении, он выпил еще две чашки кофе и наконец вырубился.

Я немного подождала, потолкала его рукой:

– Эй, ты заснул, что ли?

На всякий случай попыталась растолкать. Убедившись, что снотворное подействовало, поспешила выполнять свой план дальше. Прошло не более четверти часа, а мне казалось, что целый день.

На запасной телефон пришла эсэмэска, ясно, что это Барри торопит. Решив посмотреть позже, я сунула телефон в сумочку и вынула из колыбельки сына:

– Пора, малыш. Нам пора домой.

Небольшая сумка готова с вечера, цербер спал, оставалось только уйти. На дверь детской комнаты жевательной резинкой приклеена табличка, что малыш спит, вторую такую я решила прикрепить снаружи на входную дверь на случай, если придет в голову заглянуть кому-то непредвиденному. Украшенный стразами телефон – свадебный подарок – остался небрежно валяться на диване в гостиной.

У самой двери вдруг остановилась и взяла со столика ключ от квартиры. Арабы никогда не закрывают двери квартир и домов и машины, особенно в фешенебельных районах, но я закрыла.

На мое счастье, Салим спал. Вспомнила, что не вынула из сумки банковскую карточку, когда-то данную Махасин, но

возвращаться не стала. Прикрепив записку на дверь, я направилась к лифту и вдруг услышала, что тот поднимается. Лифт мог проехать и мимо, мы крайне редко сталкивались с соседями по этажу, но что-то толкнуло меня отступить к выходу на лестницу. Ею пользуется только прислуга, убирающая этажи, и технические работники, но она есть, и дверь оказалась открыта.

Юркнула и застыла, осторожно глядя в щелку. Только бы Салим не заплакал. Это даже хорошо, что лифт на нашем этаже, сейчас кто-то из соседей пройдет к себе, а я смогу уехать, не ожидая подъема кабины снизу.

В следующее мгновение я вознесла молитвы всем богам сразу за свою предусмотрительность, потому что из лифта вышел и направился к нашей квартире… Сауд! Я не стала дожидаться, пока он разберется с запиской и закрытой дверью, опрометью бросилась вверх по лестнице, прижимаясь губами к лобику сына и умоляя его только не подавать голос!

На следующем этаже дверь тоже оказалась открытой, дальше предстояло промчаться по длинному коридору, чтобы спуститься другим лифтом. Я не могла рисковать и воспользоваться нашим.

Знаете, когда самые скоростные лифты ползают медленней черепах? Когда неподалеку муж, от которого ты сбежала, а в руках ребенок, которого практически украла.

В кабине снова мольба всем святым, чтобы никто не подсел по пути. Женщины в абае и никабе не ходят одни, тем более с ребенком на руках.

Пронесло, не подсели…

Заглянув в телефон, я хмыкнула: это Барри предупреждал меня о приближении супруга. Эсэмэска гласила: «МУЖ!!!»

Что было бы, прочитай я ее раньше?

Сообщая о своей готовности к встрече, Барри назвал номер места, где встал. Я не могла бежать, это вызвало бы подозрения, а ведь так хотелось. Когда повернула к нужному ряду, ноги подкосились, пришлось остановиться и перевести дух. Казалось, вмешивается сама судьба: рядом с «Мерседесом» Анны стоял «Бентли» Сауда!

Господи, а если он не один, если в машине кто-то сидит?!

Я помахала Барри рукой издали. Увидел, выехал, подобрал меня в проезде.

– Как ты умудрилась с ним не встретиться?

– Барри, быстрей, потом расскажу.

– Куда?

– В Абу-Даби.

Немного погодя, убедившись, что погони пока нет, мы

обменялись рассказами о том, каково это – увидеть, что мужчина, женщине которого ты помогаешь сбежать, ставит машину рядом с твоей, и о том, как ускользнуть буквально из-под носа у мужа, способного стереть в порошок.

– Куда теперь, что ты придумала?

– В посольство. У меня нет выбора.

Барри покачал головой:

– Плохая идея. Именно там тебя и будут искать.

– Меня не отдадут наши.

– Тебя нет, а вот его…

– Барри, нельзя отобрать ребенка у матери!

– Ты не гражданка страны, а отец гражданин, и сын тоже. Его заберут.

Мог бы и не напоминать.

– Ладно, поехали к нам, там что-нибудь придумаем.

Скепсис в голосе Барри подсказал мне, что придумывать нечего, ситуация патовая.

Мы добрались быстро, Салима было пора кормить и переодевать, что я и сделала в уютном доме моих друзей, которые очень хотели помочь, но не могли этого сделать. Оказалось, что напоить снотворным Махмуда и сбежать из дома это такая малая толика…

Девочка у Анны и Барри тоже крепенькая и черноглазая в папу. Анна рассмеялась:

– Смотри, братик и сестричка!

Мы избегали разговоров о том, как я буду возвращаться или возвращать Салима. Это казалось неизбежным. Я не могла долго сидеть с ребенком в стенах посольства, но в стенах этого гостеприимного дома еще меньше. Я понимала, что нужно уходить…

Пока возились с детьми, Анна посетовала:

– Предупреди ты раньше, мы бы заготовили документы… У нас есть, но с ребенком ни одних.

Она склонилась над малышами, усмехнулась:

– У нас единственные документы – детские, на Марьяну…

И вдруг резко выпрямилась:

– Улетай по моим документам! А что, мы с тобой похожи. – Анна рывком подтянула меня к большому зеркалу.

Мы действительно похожи – одна форма лица, разрез глаз, даже форма губ, но я пышноволосая блондинка, а она коротко стриженая брюнетка.

– Барри, пусть Амаль летит по нашим с Марьяной документам, детей не проверяют. А про волосы скажешь, что

просто нарастила и осветлилась. Хиджаб наденешь, в конце концов!

Я усмехнулась:

– И радужку глаз сменю тоже…

Но Анна не сдавалась:

– А если не самолетом?

– Вплавь на надувном матрасе? Или пешком по пустыне?

> ***В целях борьбы с проникновением в страну нежелательных или уже однажды депортированных иностранцев в ОАЭ введено сканирование сетчатки глаз.***
>
> ***Это позволило остановить на паспортном контроле немало нарушителей закона.***
>
> ***Следует иметь в виду, что, если однажды проблемы с законом в ОАЭ уже были, не стоит пытаться въехать туда еще раз. И выехать тоже…***
>
> ***Высылают прочь с удовольствием, но если нет претензий у полиции.***

– Нет, машиной.

Барри сокрушенно покачал головой:

– Машиной через всю Саудовскую Аравию?

– До Дохи, а там самолетом. Волосы спрячешь под хиджабом. Можно доехать машиной до Дохи, у Барри там бизнес и резерв в отеле. А там… он посадит тебя в самолет и вернется обратно.

– А документы?

Анна снова повернулась к мужу:

– Отвези человека в Париж, в Лондон, куда угодно в Европу, и вернись. Ты говорил, что у тебя три дня отдыха.

Я понимала, что создаю невообразимые проблемы друзьям, но другого выхода просто не видела. Барри мыслил более реалистично, чем его жена:

– Ты хоть представляешь, что с нами со всеми будет, если от нее потребуют снять хиджаб при досмотре?

Тут вмешалась уже я:

– Вся проблема в волосах? Остальное реально?

– Ну… в принципе да.

– Здесь есть парикмахерская поближе?

– Рядом…

– Дай твой паспорт.

– Амаль, что ты задумала?

– Хочу стать на тебя похожей. Кстати, в Москве я была Аней, здесь переименовали. Барри, ты отвезешь меня в Европу?

Через четверть часа я сидела в кресле и убеждала мастера сделать меня такой, как фотография в паспорте.

Та ахнула:

– Стричь такие волосы?!

– Хочу быть похожей на свою фотографию, надоело доказывать, что это я.

Мастер усомнилась в целесообразности такого поступка, но требование клиента закон, и на пол полетели пряди моих светлых волос. Зато еще через час я разглядывала короткую стрижку из черных волос. Пожалуй, даже Сауд узнал бы меня не сразу.

– Годится!

Моя спасительница АННА

…Было решено, что Анна немедленно уедет на такси к своей приятельнице Симоне в Дубай, а мы на машине Барри отправимся в сторону Саудовской Аравии.

С Анной прощались очень нежно. Она дала мне телефон своих родителей с просьбой когда-нибудь сообщить, как сложилась моя жизнь. Я вызубрила эти цифры, не рискуя ничего записывать.

…И вот машина Барри взяла курс на Саудовскую Аравию.

Нам предстояло проехать больше пятисот километров: сначала по ОАЭ, потом немного по Саудовской Аравии, а потом по Катару. В Дохе решено сесть на ближайший рейс в Европу, чтобы Барри мог поскорей вернуться с документами к своей семье.

Сумасшедшая идея, но другой просто не имелось.

Впереди не только долгий путь в непростых условиях, но и дважды пересечение границ и два контроля в аэропортах. Хотя Барри утверждал, что и сам не сразу поймет, кто из нас его жена, опасность оставалась. Мы переодели Салима в девчоночьи наряды, запаслись всем, чем смогли, чтобы пореже выходить из машины, и помчались по отменному эмиратскому шоссе на северо-восток.

Нужно спешить, три часа назад Сауд обнаружил, что Махмуд спит, а мы с Салимом исчезли. Конечно, он в Дубае, но кто знает, какие меры предпринял мой муж, поняв, что я сбежала?

На наше счастье Салим проявил свои лучшие мужские качества – он мужественно молчал, когда нужно было молчать, терпел и не капризничал.

– Маленький мой… нам еще очень далеко и долго, но мы едем домой.

Я не стала уточнять, что в Москве нас никто не ждет, думать об этом не хотелось.

А вот Барри уточнил:

– У тебя есть в Москве родственники-то?

– Есть! – бодро заверила я в ответ.

– Врешь. Тогда лучше в Париж, я передам тебя человеку, который поможет. Будешь жить в Брюсселе.

– Мне все равно где, лишь бы со своим сыном и подальше отсюда.

– Попробуй поспать, – посоветовал Барри и был прав. Бессонная от тяжелых мыслей и переживаний ночь начала сказываться, у меня раскалывалась голова и слипались глаза.

Первая часть дороги была довольно нудной, слева бесконечный песок, справа где-то недалеко залив, который местные упорно называют морем. Временами воду даже видно, иногда только слышно, но всегда она чувствовалась. Просто с одной стороны сухое пекло, с другой пекло влажное.

Но в машине с хорошим кондиционером этого не чувствуешь.

Рассказывать о дороге скучно, как и смотреть на пейзаж за окном, тем более я все-таки заснула. Проснулась, только когда Салим потребовал кушать. Мы дважды останавливались до

границы, выходили поразмяться и сразу ныряли в помещение под кондиционеры.

И вот граница.

В пустыне нет никаких заборов из колючей проволоки и контрольно-следовых полос, вдоль которых ходили бы местные пограничники с местными мухта рами на поводках, но миновать контрольный пункт не получится, не позволят видеокамеры. Мы и не собирались.

Длинная арка, возвещающая, что здесь еще Объединенные Арабские Эмираты, а дальше уже нет, песочного цвета кабины пропуска, привычные светофоры границы – красный и зеленый… Но у каждого полицейский. Они проверяли все легковые машины!

– Не паникуй, – посоветовал Барри.

– И не собираюсь.

– Может, никаб?

Я поняла, что, призывая меня не паниковать, сам Барри страшно нервничает.

– Нет, у нас глаза разные, нельзя, чтобы обратили внимание на них. Не переживай, все будет хорошо.

Подошла наша очередь…

В открытое окно машины пахнуло таким жаром, что я содрогнулась. Не дай бог поломаться кондиционеру!

Полицейский был достаточно вежлив и внимателен. А еще немногословен.

– Цель?

Барри, подавший документы, спокойно пожал плечами:

– В Доху, у меня там бизнес.

Личность Барри сомнений не вызвала, а вот моя…

– Мисс Анна, ваша цель поездки?

Я тоже пожала плечами:

– Я с мужем.

– И маленьким ребенком?

Он имел основания сомневаться: не лучшее время тащиться за полтысячи километров за мужем с крохой на руках, вернее, в детском кресле машины.

И это при том, что есть самолеты и быстрые катера от Абу-Даби до Дохи.

– Мы оттуда летим в Европу.

Офицер выпрямился, но документы не отдал. Как же долго тянулись эти мгновения!

Что же вызвало его сомнения? Наша похожесть с Анной играла свою роль. Если Сауд успел разослать мои фотографии по всем постам, то… Женщина европейской внешности и с маленьким ребенком должна вызвать подозрения. «Только не

паниковать!» – убеждала я себя.

Полицейский позвал кого-то, от кабинки к нам подошла девушка в форме. Она обошла машину, жестом показала, чтобы открыли правое переднее окно, склонилась, чтобы лучше видеть меня. Это очень плохо, полицейские-женщины куда жестче мужчин, особенно в отношении женщин-иноверок, их очень трудно обмануть.

– Мисс, снимите хиджаб и очки.

Думаю, в тот момент Барри тысячу раз мысленно поблагодарил меня за авантюру с парикмахерской. Я тоже!

Я спокойно сняла хиджаб, взбила свои короткие, теперь темные, волосы, медленно сняла очки, но смотреть ей в глаза не стала. У меня глаза серые, а у Анны карие.

И снова пауза – полицейская сличала увиденное с фото! Значит, меня все-таки ищут. Если сейчас заставит поднять глаза, беды не миновать.

Я решительно взялась за застежку абаи (мы на границе с Саудовской Аравией, а там абая обязательна даже для иностранок), сбросила ее с плеч.

– Офицер, что еще я должна снять?

Это был вызов, но дольше мучиться невозможно. Салим беспокойно ворочался в своем кресле, чувствуя жару, спина и затылок Барри напряжены до предела.

Но я знала, что делала – в вырезе блузки виден крестик! Заметив его, полицейская поспешно вернула документы, отстранилась и махнула рукой:

– Следуйте дальше.

Как только мы проехали пост, Барри нашел в себе силы поинтересоваться:

– Что ты там такое сняла? Что она увидела?

– У меня крестик на шее.

– С ума сошла?!

– Имею право, я же не показываю его всем, – проворчала я, наглухо застегивая абаю.

– Ты же мусульманка!

– Не надо сейчас об этом, ладно? Всевышний меня простит. Не спеши, я хиджаб надену.

После такого досмотра в Эмиратах чего следовало ждать в Саудовской Аравии? Но обратного пути у нас просто не было.

Саудовский офицер был еще более важен и медлителен. Он внимательно изучал поданные документы, правда, не пытаясь сличать фотографии с оригиналами. И тут допустила ошибку я, успокаивая захныкавшего от жары Салима:

– Мое солнышко, сейчас поедем, сейчас…

Офицер напрягся, я сообразила, что «солнышко» и «сын» на английском звучат похоже, и поспешила исправить оплошность:

– Офицер, моей дочери очень жарко. Можно мы закроем окно и включим кондиционер, пока вы проверяете?

Барри, не дожидаясь ответа, просто вышел из машины, захлопнув дверь.

Наконец офицер вернул документы. Мы могли ехать дальше.

Я мрачно объявила:

– На следующей границе придется раздеться до пояса.

– И попасть в тюрьму. Ты в Саудовской Аравии.

Кто бы сомневался!

На запад уходила прямая как стрела трасса в сторону Эр-Рияда, но мы свернули на северо-запад, нам надо в Катар.

На границе с Катаром нас проверять не пожелали по обе стороны, просто заглянули в документы и все.

Но расслабляться было рано, впереди аэропорт.

Расслабляться оказалось вообще рано.

Мы ехали по территории Катара уже минут двадцать. Барри решил не делать крюк до основной трассы через Салву (чтоб я знала, что это такое!) и свернул на дорогу через пустыню. Шоссе так себе, а по сравнению с отменными освещенными трассами Эмиратов и вовсе деревенская дорога, но ехать можно, асфальт лучше, чем на многих московских улицах.

Когда мотор чихнул первый раз, а Барри тихонько ругнулся, я внимания не обратила. Потом еще и еще… И вдруг…

– Что, Барри?

Он вышел из машины, плотно прикрыв дверь. Я с тревогой наблюдала, как Барри возится в моторе. Вернее, это громко сказано. Здесь не принято ничего чинить и ни в чем разбираться самим, для всякого, даже самого мелкого ремонта существуют специалисты, а если нельзя починить быстро, то машину просто бросают. Специальный сервис авто заберет, отремонтирует и доставит владельцу.

Но мы в пустыне. Как у Высоцкого: «Вперед пятьсот, назад пятьсот». Пусть не пятьсот, а километров под тридцать, но в пустыне летом во второй половине дня тридцать равносильны этим пятистам.

Вспомнилось, что Барри и Анна перед нашим отъездом спорили, на какой машине ехать. Барри что-то говорил о чихающем моторе, а Анна твердила, что ее машина «засветилась» на парковке, и по пути будет полно разных станций обслуживания. Она права, ее номера наверняка уже считали, и

станции были, мы даже заправились на одной из них и посетили туалет, но там не занимались починкой, а свернуть в большой центр рядом с границей Барри не сообразил. Вернее, от волнения проскочил его и вспомнил только на территории Саудии.

Будь мы на основной трассе, нас бы уже либо починили, либо эвакуировали. Но мы в стороне и помощь вызвать не можем. К тому же пока она прибудет, при такой температуре можно испечься.

Я раздела Салима догола, старательно обмахивала его журналом, но помогало это все меньше и меньше. Без работающего кондиционера машина быстро нагревалась на солнце.

Я выбралась наружу. Пекло, знойное марево и бе ло-желтый песок вокруг. В Руб-эль-Хали песок оранжевый или красный, в Катаре светло-желтый и белый. В обе стороны на сколько хватало глаз – пустое шоссе. По нему ездят машины, даже большегрузы, но только не после обеда в четверг, когда все правоверные давно дома готовятся к пятничному отдыху и молитве.

– Барри, что?

Тот развел руками:

– Не знаю, что-то с мотором. Не заводится.

– Может, толкнуть?

– Что сделать?

– Машина иногда заводится, если ее заставить двигаться.

– Как можно заставить двигаться заглохшую машину?!

– Барри, все просто: подцепить тросом к другой машине или немного потолкать сзади.

– К чему подцепить или чем потолкать, Амаль?

Я, стараясь оставаться спокойной, объяснила:

– Цеплять не к чему, ты прав. Но толкнуть сзади можно. Ты садись за руль, а я попробую толкать. Иногда пяти метров достаточно. – Чтобы придать вес своим утверждениям, я добавила: – В России так нередко поступают.

Салим уже плакал, но сейчас я не могла уделить ему внимание, нужно завести машину, иначе плакать придется всем троим.

Барри ахнул:

– Русская сообразительность!

Я была горда, выросший в системе тотального сервиса Барри ни за что не сообразил бы попытаться завести свою машину «с толкача».

– В таком случае ты садись за руль, а я буду толкать…

Но мы зря радовались, сколько ни толкали, возвращаться в рабочее состояние машина не собиралась. А температура внутри

повысилась настолько, что пришлось открыть окна, чтобы устроить хоть какой-то сквознячок. Оказывается, все не так просто – приличные машины с передним приводом не заводятся с толкача. Честно говоря, я об этом не знала, поскольку приличной машины никогда не имела.

– Надо вызывать эвакуационную службу, – мрачно заявил Барри.

Он был прав, как это ни прискорбно, долго мы в таких условиях не выдержим. И Катар не Эмираты, возможно, на нашу машину не обратят пристального внимания. В любом случае ничего хорошего нас не ждет, но не погибать же в пустыне?

Я мысленно взмолилась:

– Господи, за что?! Если виновата я, покарай меня, но ребенка за что?! Он-то чем провинился перед тобой?

Барри взялся за телефон. Он прав, мы торчали посреди пустыни с заглохшим мотором уже больше получаса, пока приедет эвакуатор, пройдет еще немало времени, нужно вызывать помощь сейчас, чем бы это ни кончилось, иначе потом спасать будет просто некого.

Он уже набирал номер телефона, когда я увидела вдали на шоссе крохотную точку.

– Барри!

К нам приближался небольшой грузовичок далеко не первой молодости. Я выскочила на середину дороги и отчаянно замахала руками, словно он мог проехать мимо, не заметив.

Конечно, остановился, но водитель по-английски не разговаривал. Это неважно, он с полужеста понял, что машина Барри заглохла, заглянул под капот, что-то стал объяснять. Барри развел руками, тогда араб показал на мотор, а потом на песок, мол, набился, вот и нет контакта.

Дальше последовал интернациональный жест по скребывания пятерней затылка при раздумье и предложение зацепить нас тросом. Оставался вопрос, куда он нас потащит.

– Аль-Киранах!

Барри закивал и объяснил мне:

– Это на трассе Сальва за развязкой. Там есть автоцентр, я знаю.

Наш спаситель тоже закивал:

– Сальва, да, Сальва, – потом переспросил: – Сальва?

– Барри, он хочет знать, куда мы едем, не в Сальву ли?

Барри замотал головой:

– Нет, Доха.

Снова последовали радостные возгласы, потому я поняла почему – Киранах по пути на Доху.

Кондиционер не работал, пришлось открыть окна, помогало не очень, поскольку и ветер горячий, и ехали мы неспешно. Машина нашего спасителя и без того старалась, как могла, а он сам, высунув руку в окно, жестами показывал нам, что все хорошо.

Все познается в сравнении. Недавно ехавшие в прохладном воздухе кондиционера, теперь мы были рады и горячему в нынешней ситуации. Лишь бы ехать.

В Киранахе мы наконец сообразили познакомиться со своим спасителем. Барри ткнул себя в грудь, потом показал на меня:

– Барри. Анна.

Араб расплылся в улыбке, с гордостью сообщив:

– Саид!

От денег Саид сначала категорически отказывался, но потом взял, с изумлением взирая на доллары, поблагодарил и уехал, распевая что-то во весь голос.

Дальше ехали без приключений, но смена фильтров и приведение машины в порядок основательно нас задержали. Плюс невольная остановка в пустыне.

В результате мы подъезжали к Дохе в темноте. Рейс на Париж уже улетел.

В Дохе первым делом залезу под душ! – объявил Барри.

– Нет, мы сразу в аэропорт и на самолет. Первым же рейсом.

– Анна, я не могу. Устал неимоверно, нервы на пределе.

Я его понимала, но обрадовалась, что Барри назвал меня именем жены. Это хорошо, не собьется.

– Барри, ты молодец, сказал мне «Анна». А улететь надо как можно скорей. Вдруг они сообразят проверять аэропорты?

– Не сыпь соль на раны.

Я настояла и до самого аэропорта Дохи мы не останавливались.

– Барри, дорогой, потерпи, осталось не так много. И обратного пути тоже нет.

Он неплохо знал город и не стал пересекать его весь, мы проехали окраиной сразу к аэропорту Хамад на самом берегу залива.

Я видела фотографии аэропорта в Дохе, но было уже темно, в этом регионе темнеет рано и сразу вдруг, нет долгих сумерек, потому я ни на синюю многогранную «таблетку», ни на «пойманную волну», как называют здания аэропорта Дохи в путеводителях, не глянула. Не до окружающих красот, мне бы внутрь поскорей, да в самолет.

После пережитого кошмара с побегом и застрявшей в пустыне машиной казалось, стоит ступить на борт самолета, и я спасена.

В зале на табло первый же рейс – в Москву! Увидела – чуть не заплакала, а услышав русскую речь (какие-то спортсмены возвращались с соревнований) и вовсе закусила губу. Так хотелось броситься к ним с криком: «Ребята, возьмите нас с собой! Мы в сумках ваших готовы лететь и в багажном отделении».

Стояла и с тоской смотрела на веселых, молодых, сильных, болтающих по-русски, пока Барри не спустил с небес на землю, напомнив, что нам пора выбирать рейс. А что выбирать, если кроме Москвы ближайшие в Эр-Рияд (только не туда!) и в Лондон.

Это мне категорически не подходило. Но и ждать завтрашнего рейса в Париж я тоже не могла. Барри уже переживал из-за оставшейся без документов Анны.

– Давай я утром отвезу тебя в посольство в Дохе. Не знаю, где оно, но, думаю, не проблема найти. Это, конечно, плохой выход, но все же лучше, чем никакого.

Почему мы не посмотрели заранее рейс из Хама да, непонятно. Узнали только о парижском и успокоились. Были настолько зациклены на прохождении границ и опасности оказаться узнанными на территории Эмиратов и Саудии, что об остальном забыли. Думали, попади мы в Катар, и остальное сложится само собой.

Все решил звонок Анны.

Она старалась говорить спокойно, но это плохо удавалось. Бедная женщина сообщила, что ей позвонила соседка и сказала, что к ним приезжали какие-то люди, долго звонили в дверь и ходили вокруг дома, разглядывая машину Анны.

Это означало одно: нас все-таки вычислили по видео из парковки комплекса! Анна умоляла мужа поскорей решить все вопросы и возвращаться с ее документами. Или хотя бы просто вернуться!

– Барри, я боюсь!

Он обещал…

Я понимала, что это конец. Барри должен возвращаться, чтобы не попали в беду его жена и дочь, и я не могу его остановить, не имею права ждать еще чего-то, они и без того сделали для меня слишком много.

– Аня, я не знаю, что делать… Мне нужно домой, чтобы не погубить жену.

А я вдруг увидела на табло рейс на Дамаск, посадка на

который через два часа, и обратный, который прибывал… Судорожно пыталась посчитать вылет-прибытие и поняла, что между этими рейсами там, в Сирии, есть время.

– Барри, ты все равно не сможешь ехать ночью, нужно отдохнуть и поспать. Отвези меня в Дамаск, я оплачу все расходы. Ты поспишь в самолете и тут же вернешься обратно. А утром уедешь.

Он посмотрел на табло и понял логику моих рассуждений. Все верно, только это вынуждало его тащиться со мной в Сирию, в то время как его собственная Аня тряслась от страха в Дубае.

– Барри, если бы меня пустили в самолет без документов или по моим… Или можно было вернуть тебе Анины обратным рейсом.

Он протянул ко мне руку:

– Дай-ка Анин паспорт…

Я отдала, что еще я могла сделать?

Барри заглянул в раздел виз, о чем-то подумал и отошел в сторону, попросив меня посидеть. Я понимала, что, если сейчас он вдруг отправится к выходу, останавливать не буду, это было бы нечестно.

Но Барри не ушел, он кому-то звонил, что-то объяснял, что-то записывал. Неужели нашел какой-то выход?

– Что ты будешь делать в Дамаске?

– Там много наших. Там есть шанс выбраться в Россию.

– Я хотел отправить тебя в Бельгию.

Я вздохнула:

– Не до Бельгии, Барри. Отсюда выбраться бы.

– Хорошо, слушай меня внимательно.

Он сказал, что со мной не полетит, но отправит меня с документами Анны и их малышки. Сам вернется в Дубай ближайшим рейсом. В Дамаске меня встретит Леон, который уже выезжает туда из Бейрута специально ради этого. Я должна отдать ему документы, а дальше уж как знаю сама.

– На стоянке у аэропорта найдешь машину с вот такими номерами, в ней Леон. Если заблудишься, позвони вот по такому номеру… Леон привезет мне документы в Дубай утром. Аня, если Леон до семи утра не получит от тебя документы, я буду вынужден объявить, что они похищены. Ты меня поняла? Не оставайся в Дохе, это смертельно опасно для тебя.

– Почему я должна остаться, если до смерти хочу улететь?

– Не пропусти рейс, не проспи, не попадись, в конце концов! Твой рейс позже моего, ты будешь одна.

Я вспомнила о деньгах:

– Барри, возьми деньги за билеты. У меня наличные есть.

Он отказался, но посоветовал вернуть стоимость билета Леону, тот ведь не обязан по ночам ехать из Бейрута в Дамаск, а потом лететь в Дубай.

Прощаясь, Барри попросил:

– Аня, будь как можно осторожней.

Я от души поцеловала его в щеку:

– Барри, что бы ни случилось, я всегда буду благодарна вам с Анной и ни за что вас не выдам. Ты делай, как тебе лучше.

Он ушел на посадку, а я осталась – одна в совершенно чужой стране с чужими документами и маленьким сыном на руках, который в документах числился девочкой.

Малейший сбой грозил катастрофой, я вздрагивала от каждого громкого слова или чужого голоса. Объявления по аэропорту едва не вызвали истерику. Я, мусульманка, не только с открытым лицом и телом, но и с крестиком на шее! Вот это даже в достаточно свободном и разумном Катаре было настоящим преступлением, не говоря уж о том, что я увезла сына от отца и пересекла границу по чужим документам.

Но я знала одно: пока я жива, сына из рук не выпущу и ни слова не скажу об Анне и Барри.

Салим вел себя так, словно понимал, что решается наша с ним судьба. С самого утра ребенок только ел, спал и спокойно взирал вокруг. Поплакал совсем немного, когда было уж очень душно во время стоянки в пустыне. Он не возражал против долгого и трудного пути в машине, не капризничал, когда ему не давали спать, кормили как попало, когда несли, везли и подолгу не меняли памперс.

Проводив Барри, я отправилась в комнату гигиены приводить в порядок своего ребенка.

Девушка-служащая помогла мне помыть Салима, сменить памперс, покормить… Я не скрывала, что это сын, ведь здесь не требовали документы. Пока занималась сынишкой, началась регистрация на мой рейс. Я слегка расслабилась, спасение казалось таким близким…

И только увидев перед собой очередь на регистрацию, вдруг сообразила, что в сумке лежит мои российский паспорт и документы Салима. Что, если начнут досмотр? Проверяли не все сумки, но ведь проверяли!

Пришлось срочно делать вид, что у ребенка проблемы и снова исчезать в комнате гигиены. Девушка удивилась:

– Нужно сменить памперс?

Единственное место, где я могла спрятать документы, надеясь, что их не обнаружат сразу – именно памперс Салима. Но

как это сделать при такой помощнице?

– Можно вас попросить о помощи? Вы не принесете мне бутылку воды из вон того магазина?

– Зачем из магазина? У нас есть своя…

Я успела засунуть все сыну в памперс, поцеловав его в нос:

– Потерпи, родной. Так надо.

Спустя десять минут я похвалила себя за предусмотрительность – сумки проверяли. Найди таможенники там мои документы, это был бы крах!

– Миссис, вы помните, что ваша сирийская виза заканчивается послезавтра?

Хотелось сказать, что она нужна мне только на несколько часов, но я важно кивнула:

– Да, конечно, но я только увижусь там с родственницей и полечу дальше.

– У вас есть билет на следующий рейс?

Вот кто тянул меня за язык, а?! Но я выпуталась:

– У меня нет, он куплен там. Мы полетим в Париж вместе.

Я чуть изменила позу, и строгой таможеннице стал виден мой крестик. Снова сработало. Губы чуть презрительно дрогнули, и над рамкой загорелся зеленый свет – путь свободен.

Еще одним испытанием оказался досмотр моих немногочисленных вещей. Чтобы не выглядело странным, что у меня с собой только подгузники и ползунки, мы сложили в чемодан кое-какие носильные вещи Анны и уже в Дохе сунули туда же мои абаю и никаб, оставлять их в машине Барри было опасно.

Именно эти вещи привлекли недоуменное внимание девушки-контролера. Я объяснила:

– Взяла подруге в подарок.

И снова обругала себя за суету. Пришлось добавить:

– Я в Дубае так привыкла к абае, что чувствую себя без нее раздетой.

Это было правдой, как и то, что я раздета по местным меркам.

Она не имела права что-то отвечать, но не выдержала:

– Так почему не носите?

Я доверительно объяснила:

– Ребенка кормить неудобно.

– Вы кормите?

Дальше последовал жест, разрешающий пройти. Иногда можно и поспекулировать малышом.

Что могло еще произойти, если я уже прошла все проверки и

осталось только улететь? Я почему-то была уверена, что в Дамаске помогут, обязательно помогут.

Но оказалось, все далеко не закончено, Эмираты не собирались меня отпускать.

Самолет Эмиратских авиалиний, тех самых, на собеседование которых я не явилась, застряв в гареме Сауда. Меньше всего мне хотелось лететь самолетом этой страны, хотя они одни из лучших. Просто пока я на их борту, я все еще во власти Эмиратов, во власти Дубая. И семьи Сауда тоже.

Барри взял мне билет бизнес-класса, во-первых, так спокойней, во-вторых, Анна не летала иными, в-третьих, приличных в эконом-классе просто не было. Думаю, он и не спрашивал.

Приветливые девушки с белыми шарфиками, свисающими сбоку из красных шапочек-таблеток – изящная находка и фирменный знак арабских авиалиний… Я могла бы носить такой же, но вместо этого носила абаю и бриллианты. Казалось, каждый шаг по трапу приближает меня к спасению, но…

На верхней ступеньке рядом с двумя другими девушками стояла… о нет, только не это! Марина одна из тех, кого мы встретили у фонтана в последний день моей свободы. Она узнала меня, явно узнала, потому, что смотрела изумленно.

А мне понадобилось усилие, чтобы не броситься бежать. Вторая девушка вежливо поинтересовалась, бизнес или эконом-класс, подхватила мою сумку и проводила на мое место. Бизнес-класс был практически пуст, Дамаск не то место, куда часто летают состоятельные катарцы, во всяком случае, в свой выходной.

Теперь моя судьба была в руках Марины, которая наверняка знала, что я не та, за кого себя выдаю.

Хотелось плакать. Ну сколько же можно?! Когда же я наконец смогу вырваться на свободу из этого бесконечного лабиринта нестыковок, сложностей и опасностей?

Она обязана сообщить о несоответствии на борту, поскольку в списках пассажиров я числилась под чужим именем. Если Марина этого не сделает, и все раскроется, ее не просто уволят, она может жестоко поплатиться. Конечно, я буду до конца отрицать свое малейшее отношение к России и самой Марине, но это означает проверку и дотошный досмотр. Вот тогда и выяснится, что моя дочка в действительности сын, а я перекрашенная в черный блондинка. И пойдут прахом все усилия и переживания.

Обидно, в двух шагах от спасения потерпеть такое фиаско. Судьба почему-то упорно не хотела, чтобы я возвращалась к

прежней нормальной жизни. Рок какой-то!..

Марина появилась в салоне сразу после взлета, предлагая напитки, склонилась ко мне и тихо поинтересовалась:

– Аня?

Я с изумлением переспросила:

– What?

Она извинилась, хотя я сомневалась, что поверила. Немного погодя, встав так, чтобы ее было видно только мне и встретившись со мной взглядом, Марина едва заметно вопросительно кивнула головой. Я также едва заметно отрицательно покачала. Она согласно прикрыла глаза.

Не выдаст…

Это означало, что для моего спасения еще один хороший человек рискует своей если не жизнью, то карьерой.

За время полета она подходила еще дважды, но не уделяла мне особого внимания. И все равно я боялась, очень боялась. Одно ее неосторожное слово даже не таможне, а просто своим подружкам, и меня ждал кошмар.

…Из самолета я выходила одной из первых, нервы не выдержали такой нагрузки. Марина у трапа приветливо улыбалась всем. На пожелание счастливого пути я с особенным удовольствием ответила:

– Спасибо!

Она снова прикрыла глаза…

Таможню прошла спокойно, здесь знали, что в Катаре очень строго следят за пассажирами и багажом, можно не перепроверять. Шаг… еще шаг… мы в Сирии! Хотелось сесть и просто поплакать, но я взяла себя в руки, нужно срочно найти автостоянку, а потом машину с определенным номером.

Но искать не пришлось.

– Анна!

Я вздрогнула от своего имени и тут же увидела, что мне машет рослый мужчина европейской внешности.

– Здравствуйте! Я Леон.

– Как вы меня узнали?

Он улыбнулся:

– Я знаком с настоящей Анной. Как же вы похожи!

– Только я сероглазая блондинка.

– Как вы попали в такую историю?

Я махнула рукой:

– Долго рассказывать.

– Да, вы правы, спрошу у Барри. Давайте документы, мне пора.

Ловко спрятав отданные документы, он помотал головой:

– А знаете, вы подсказали нам еще один путь для возвращения женщин.

Я поняла, что он и есть тот человек, что мог бы отвезти меня в Брюссель. Леон подтвердил это, предложив:

– Если вы подождете до вечера меня, я сумею переправить вас в Бельгию.

– А сына?

Он вздохнул:

– Да, вы правы, это сложно.

– Я уж лучше домой как-нибудь…

От денег Леон категорически отказался:

– Вам они еще понадобятся. Потратьте на ребенка.

Он ушел, и я в который раз осталась одна. Только теперь совсем без документов и знакомых в незнакомой стране.

Покормила Салима, выпила кофе сама, вспомнив, что практически ничего не ела весь предыдущий день, перекусила. Денег оставалось достаточно, чтобы снять номер в отеле, только под каким именем? Идти с ребенком туда, где не спрашивают документы, слишком опасно, уж лучше в посольство. Если они не помогут, буду пробираться домой тайными тропами или попрошу Леона о содействии.

Отправила Барри эсэмэску с сообщением, что у меня все в порядке. Это было далеко не так, но к чему вешать на них еще какие-то проблемы? Он ответил, что Леон прилетел, у них тоже все в порядке.

Ну, что ж, значит, все, что задумано, получилось, во всяком случае, то, в чем участвовали Барри и Анна.

…Таксист, кажется, даже не удивился, когда я попросила отвезти к российскому посольству. Вообще-то, не зная адреса, ехать куда-то опасно, но выбирать я не могла, оставалось надеяться на порядочность водителя.

Он не подвел.

Здание посольства меньше всего похоже на то, чего я ожидала. Обычно посольства или консульства – это уютные особнячки, здесь же многоэтажная точка, окруженная парковой территорией. Но мне все равно. Подойдя к воротам, я показала свой паспорт:

– Я гражданка России, и мне нужна помощь.

Я очень старалась, чтобы не было акцента. Это ужасно – говорить с акцентом на родном языке! Имей я возможность общаться на нем хоть изредка, было легче, но я год не слышала русской речи и сама не разговаривала, мало того, старательно

«забывала» ее, чтобы не было русского акцента в английском.

Встретившая меня дама (на бейдже значилось «Татьяна Николаевна») посмотрела в мой паспорт и усмехнулась:

– Это не ваши документы.

– Мои. Только сейчас я крашеная и стриженая. А вот документы моего сына…

Она с изумлением изучила эмиратскую справку о рождении Салима.

– Почему Дубай?

– Долгая история…

– Я послушаю.

Салим спал, а я рассказывала, как прилетела в Дубай в надежде поправить свои финансовые дела, как попала в гарем к Сауду, как потом стала его третьей женой, как не вписалась в семью, родила сына и сбежала, не желая оставлять его отцу.

Татьяна Николаевна слушала недоверчиво, но не перебивала, делая какие-то пометки в блокноте. Да и кто бы поверил на ее месте? В Дамаске в посольство является жгучая брюнетка с ребенком, показывает российский паспорт с фотографией блондинки в нем, причем, не загран, а просто паспорт, и рассказывает невообразимую историю сначала о Золушке, ставшей женой принца, а потом о боевике с бегством через три государства.

Я бы не поверила.

И только когда я назвала имя Леона, она оживилась:

– Вы знакомы с Леоном?

– Да, это он вернул документы владелице. Он сотрудничает с теми, кто вывез меня из Эмиратов.

– Леон подсказал вам обратиться в наше посольство?

Она имела право на недоверие, но не до такой же степени!

– Он предложил мне подождать его возвращения из Дубая, чтобы переправить в Брюссель!

Мгновенное молчание, потом вопрос:

– Почему не согласились?

– Домой хочу.

– Вас домашние не искали?

– Нет, они не знают, где я.

– Вы знаете телефон Леона?

Вопрос неожиданный, нарочно, чтобы сбить меня, если вру. Но я не лгала и не сбилась. Включила телефон, нашла в памяти контакт с Леоном и протянула ей:

– Вот.

Ей было достаточно беглого взгляда на экран, видно хорошо знала этот номер. Тогда к чему расспросы с пристрастием?

А на меня вдруг накатила смертельная усталость. Взяла телефон, забрала со стола свой паспорт, положила все в сумку и поднялась:

– Мне лучше попросить помощи у Леона. Извините, что отняла у вас столько времени.

Она остановила меня за руку:

– Сядьте и успокойтесь. Мы имеем право сомневаться, слишком необычный случай, хотя мы видели всякое.

У меня сдали натянутые до предела нервы, по щекам невольно потекли слезы. Я не села, так и стояла с сыном на руках.

– Вы имеете право сомневаться, все на что-то имеют право, кроме меня! Я год доказываю всем, что не шлюха, что сына родила от мужа, что хочу просто жить, воспитывая своего мальчика. Извините…

Чтобы не разрыдаться, я поспешила выйти из комнаты. Татьяна бросилась вслед:

– Анна, постойте!

Меня душила обида. Выбираясь с малышом из Дубая, трясясь на границе с Саудовской Аравией и в аэропорту Дохи, рискуя даже самой жизнью, я страстно мечтала привезти сына в свою страну, казалось, сделай я это, и все беды останутся позади. Но вот я в Дамаске в российском посольстве, а помощи нет, напротив, мне не верят!

– Если вы не можете помочь мне вернуться в Россию с сыном, скажите откровенно, как это сделали в Дубае. Просто слова сочувствия мне не нужны. Лучше уж Леон и Брюссель.

– Я не сказала, что мы не можем, я просто не знаю, как это сделать. Но мы найдем выход. А сейчас вам нужно отдохнуть. Кстати, Леон от вас никуда не денется, он живет в Дамаске постоянно. У вас есть вещи?

Я не могла сопротивляться, слишком устала от всего.

Через час я, вымытая и переодетая, отказавшись от еды, прижимая к себе сына, лежала в уютной комнате на мягкой кровати и тщетно пыталась уснуть. Несмотря на полное бессилие, сон не шел.

Всего сутки назад я пряталась от мужа на лестнице, за это время успела проехать большую часть одной страны, побывать еще в двух, чтобы попасть в российское посольство в третьей. В век высоких информационных технологий для пересечения границ необязательно пробираться ползком в канавах или перебежками между кустов, отстреливаться или прыгать с парашютом. Границы стали условными, но не прозрачными.

И все же самые совершенные технологии можно обмануть,

перекрасив волосы и сделав значительный крюк через пустыню. Конечно, мне повезло, что в Катаре пока не делают снимок сетчатки глаза, как в ОАЭ, но если бы делали, я отправилась бы через всю Саудию хоть пешком.

Если Татьяна Николаевна не придумает, как отправить меня домой, я так и пойду. С помощью Леона найду тех, кто сумеет провести меня потайными тропами через все страны, переправит на утлом суденышке к берегам Крыма, а потом буду долго доказывать дома, что я не арабская шпионка и не засланная диверсантка.

Может, и впрямь лучше в Бельгию?

Они придумали, смогли мне помочь, как помогали сотням других, кстати, не только россиянкам, но и украинкам, литовкам, белорускам…

Татьяна Николаевна сказала, что я зря не поехала в консульство, сбежав от мужа, даже в такой ситуации они меня в обиду не дали. Ну, не получилось тихо развестись, но я же россиянка. Я только вздохнула: знать бы где упадешь…

Но я ни на мгновение не пожалела о своей жизни в Эмиратах. Я любила и была любима, пусть и недолго, но главное – я родила сына! Родить можно и в Москве, но судьбе было угодно, чтобы у моего мальчика оказались черные, как безлунная ночь, глаза под пушистыми ресницами.

Мне сообщили, что Сауд искал нас с сыном по всем Эмиратам, лично заглянул под каждый бархан и обещал также лично удушить меня в случае, если найдет.

…Татьяна помогла мне еще в одном щекотливом деле.

Наличных у меня оставалось немного, приехать домой с ребенком и без финансов я не могла, вернуться в комнату, из которой уехала год назад, тоже нельзя. К тому же у меня был долг, ведь я тогда улетела в Дубай не на свои деньги, а одолженные.

У меня имелась карточка, данная шейхой Махасин, но как ею воспользоваться?

Выслушав мои сомнения, Татьяна нашла выход, и через пару дней я держала в руках довольно увесистую пачку долларов.

– Только не транжирь. Не знаю, удастся ли провернуть такое еще раз, – посоветовала моя новая наставница.

Я не буду раскрывать секретов посольства, они помогут еще кому-то справиться с тяжелой жизненной ситуацией. Скажу только, что вернулась в Россию с новым загранпаспортом и справкой о том, что родила сына по имени… (имя не столь важно) от сирийца, сбежавшего куда-то в Европу. Законы не

нужно нарушать, но их нужно уметь применять с умом…

Наконец наступила минута, когда шасси самолета из Дамаска коснулись бетонной полосы «Внукова». Я боялась выдохнуть, все еще не веря своему счастью.

Табло в зале показывало 5 августа 201… года.

Ровно год назад самолет Эмиратских авиалиний уносил меня в неведомую сказочную жизнь в Дубае.

…Пройдя таможню, я прижала к себе сына:

– Мы дома! Слышишь, мы, наконец-то, дома! Мой трехмесячный малыш улыбался, словно понимая насколько счастлива его мать.

> ***Если вы, не дай бог, попали в беду далеко от родины, бегите в посольство или консульство, слушайте советы их сотрудников и выполняйте. Не стесняйтесь просить о помощи, но и не обижайтесь, если вам не поверят с первого слова: в посольской практике разных стран встречалось такое… Не все обратившиеся за помощью честны и правдивы, многие лгут, считая, что в таком случае их вернут домой наверняка.***
>
> ***Вернут любого, кто пожелает вернуться, поверьте, только старайтесь сами не загонять в тупик себя и сотрудников посольства. Они сильны, но не всесильны и вынуждены подчиняться законам стран, в которых работают.***
>
> ***А еще лучше – оставайтесь дома! Поверьте, как бы ни было хорошо в другом мире, наступит минута, когда вы поймете, что дома лучше.***
>
> ***Конечно, есть немало космополитов (и это хорошо), для которых дом там, где они живут. Это их право, но большинство все же считает домом место своего рождения или рождения своих предков.***
>
> ***Для кого-то лучшее место на Земле – пустыня Руб-эль-Хали, а для кого-то тундра, тайга или старые московские улочки. Прежде чем решаться на переезд, подумайте, что лучше.***
>
> ***Не любой рай будет раем лично для вас, постарайтесь, чтобы ворота в него остались открытыми, ведь даже из рая должен быть выход…***

Наступил день, когда снятые с карточки еще в Дамаске деньги закончились, хотя я арендовала очень скромную студию и жила экономно. Пришлось рискнуть и отправиться в банк. Я шла,

дрожа как лист на ветру, ведь если шейха сообщила о счете, то меня легко вычислят при попытке снять деньги.

Вставила карточку в банкомат, ввела код… запросила баланс… Увиденное потрясло. Я понимала, что у Махасин иное, чем у меня, представление о приличных деньгах, но столько…

И вдруг…

– Простите, вас просит пройти в кабинет управляющий…

Как мне удалось удержаться на ногах – не знаю, остановила только мысль, что, упав, я уроню сына. Деваться некуда, пришлось идти. Судорожно вспоминала телефон, данный Татьяной в Дамаске, радовалась, что не успела снять деньги, только посмотрела баланс… Потом вспомнила, что снимала в Сирии…

– Присаживайтесь, пожалуйста, госпожа… – Уточняя имя, управляющий заглянул в какую-то бумагу.

Хорошее предложение, иначе мне на ногах не удержаться.

А дальше…

Поскольку на счет ежемесячно поступают крупные средства из ОАЭ, мне было предложено оформить перевод этих денег на пополняемый вклад с возможностью ежемесячного снятия процентов. Такую сумму не стоит держать на карточке…

Родителям Анны я позвонила, они сообщили, что у дочери с зятем все прекрасно, Анна ждет второго ребенка, будет мальчик. Но из ОАЭ они уехали, вернувшись в Европу.

Дали мне координаты самой Анны.

Та была рада меня слышать, заверила, что в списке разыскиваемых Интерполом лиц меня нет, и приглашала в гости к себе в Бельгию.

Я обещала когда-нибудь приехать.

А еще она прислала мне большую папку с рисунками, которую я когда-то отдала им с Барри. Перебирая эти рисунки, я и решила рассказать свою запутанную историю.

Шейха Махасин сдержала свое слово – она не только не сообщила о счете, но посчитала своим долгом обеспечивать внука, причем, согласно своим возможностям. Я надеялась, что это не Сауд пополняет счет для своего сына, что он не знает и не узнает, где мы.

Теперь я богатая мать-одиночка с двумя детьми. Родившаяся недавно дочь очень похожа на свою бабушку Махасин и такая же черноглазая, как ее папа. Но я никогда не смогу сказать своим детям, кто их отец. И в гости к дубайской родне мы тоже не поедем…

* * *

Не хотите бесплатного сыра из мышеловки – заводите свою корову и свою сыроварню, тогда не придется платить за сыр.

Не все золото что блестит, но и не все золото стоит дороже собственного призрачного блеска.

Самое важное

Это ДРУГОЙ мир. Не лучше и не хуже, он просто другой.

Не тешьте себя иллюзией, что все люди братья, поскольку рождаются одинаково в муках и голенькими. Родившись, они воспитываются в разных мирах.

Не осуждайте и даже оценивайте этот мир, не вами он создан, не вам и переделывать.

Попытайтесь не понять (это придет позже), а сначала принять его. Но до тех пор пока не приняли на все 100 % (99 мало!) – не привязывайте себя ничем к этому миру, даже детьми не привязывайте!

Вопиющая ошибка большинства россиянок и иже с ними: постараться сразу родить ребенка, лучше сына, а потом еще и еще, мол, такую женщину больше ценят. Ценят любую женщину, если есть что ценить. А вот дети в случае того самого недостающего 1 % почти наверняка останутся с папой.

Вы готовы обменять своих же детей на свою свободу? Если да, то зачем вам дети? Или свобода?

Кстати, так не только в Эмиратах или арабском мире вообще. Разве мало разведенных россиянок в европейских странах и по всему миру годами добиваются права хотя бы видеться с детьми, рожденными в браке с иностранцем? Разве Франция или та же Финляндия отдает своих маленьких граждан ма мам-иностранкам при разводе?

Не лелейте мечту переделать мужа и тем паче его родственников. НЕ ПОЛУЧИТСЯ. И между вами и семьей (папа, мама, братья, сестры, жены, дети, тети, дяди и прочие составляющие большого клана) нормальный араб обязательно выберет семью. А ненормальный уедет с вами и всю оставшуюся жизнь будет тосковать по дому (оставшуюся рядом с вами жизнь, а не жизнь вообще).

Конечно, сказки случаются.

Золушке повезло, у нее крестная-фея и папа принца не сноб.

А вот Русалочке нет, хотя она тоже заслужила волшебство.

Вы готовы обменять свой голос на возможность быть рядом с любимым принцем, даже если тот принадлежит другой?

Если да, то вперед! Для вас непременно найдется фея-крестная или ведьма, которая отберет голос (тут уж как повезет) …